

Николай Фотьев

ЗЕМЛЯ НА КОТОРОЙ СТОЮ

ХАБАРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1973

Николай Фотьев

ЗЕМЛЯ НА КОТОРОЙ СТОЮ

О земле амурской
и ее людях

Художник Е. Скрынников

Фотьев Николай Иванович

Ф 81 Земля, на которой стою. Хабаровск. Кн.
изд., 1973. 240 с. с илл. 10 000 экз. 30 к.

Эта книга — о красоте, богатствах и своеобразии земли амурской, о людях самоотверженных, стойких и преданных этой земле, посвятивших свою жизнь ее преобразованию.

$$\begin{array}{r} 7-3-2 \\ \hline 73 \end{array}$$

ДВ Р2

Вместо предисловия

Перед тем как отправиться в эти края, поспрашивал я о них у моего тогдашнего товарища и наставника по работе Николая Оленина. Он принес потрепанный кусок карты и, водя по нему карандашом, стал объяснять. Он немного заикался, и потому очень хорошо запоминалось то, что говорил, так как людей с этим недостатком всегда приходится слушать с удвоенным вниманием.

— Здесь течет Амур, — говорил он. — А это вот река — Зея, почти такая же большая, как Амур. Сам город Благовещенск — вот он, как раз на слиянии.

Потом он обвел обширную часть территории севернее Амура и сказал, что все это — степь, земля плодородная, местами даже черноземная.

Раньше он работал близ станции Средне-Белой, что на пути из Куйбышевки-Восточной к Благовещенску, и эти места знал. От него же я услышал, что на Амуре растет все, кроме культур сугубо южных, что солнечных дней тут не меньше, чем в Средней Азии, и что коронной культурой считается соя, которая в других местах страны, за недостатком тепла и света, вызреть не успевает. Она, эта соя, содержит в бобах и масло, и белки, и витамины, и всякие микроэлементы, и солома ее поедается скотом как хорошее сено. Поэтому называют ее растительной коровой.

Мне казалось, что хвалит он эти земли для того, чтобы подбодрить меня, чтобы легче мне было уезжать столь далеко от дома. Но теперь-то я знаю, что он ничего не прибавил.

Помню, от родных мест на Алтае ехал я до Улан-Удэ с пересадками и оформлением документов целую неделю. А потом еще дальше на восток — один день, второй, третий, четвертый...

И еще тогда вспоминались мне декабристы, потому что и в Кяхте, и в Селенгинске в музеях я видел дивные творения их рук, видел картины и книги, написанные ими, видел их портреты. От всего этого веяло духом высоким и благородным. И, может, тогда впервые всерьез подумалось, что лучшие русские люди всегда были гонимы жестокими властями и лжепатриотами. Но эти прекрасные люди и в диких краях оставались такими же. Они и здесь излучали свет. Они, как никто другой, послужили просвещению и преобразованию в этих краях.

В доме-музее одного из декабристов я видел легкую беговую двуколку изумительной работы. Ее собственноручно изладил сам ссыльный более ста лет назад. А меж тем близ той же Кяхты у скотоводов я видел повозки, в полном смысле первобытные. Колеса у них были сделаны в виде сплошных кругов из досок и вращались вместе с толстыми деревянными осями, скрипя и скрежеща страшно. Можно себе представить, какое впечатление произвела одна только эта двуколка на тогдашнего скотовода-бурята и какое она имела потом значение!

Мне тогда было то печально, то радостно и еще думалось: это сколько же у нас народу, сколько силы, если десять тысяч километров кряду тянется железная дорога, идут поезда, там и тут стоят села и города, дымят трубы, широко лежат обработанные поля. Оказывается, и тут, далеко от Москвы, потрудились люди и много, и славно. Когда все это успели?!

Насколько удивление это было наивным, настолько

и простительным, ведь в ту пору я только что «оперялся», и все, что лежало дальше Сибири, представлялось почти таким же, как это представляется ныне в байках некоторых «бывалых» людей. Дескать, край непуганых птиц и зверей... Сто верст — не расстояние... Глушь, дичь, дебри...

В ту зимнюю пору в Благовещенске сошел я ночью и удивился, что было тепло, хотя по всем признакам надо было трещать морозу — небо ясное, звездное, луна светит, а над крышами туго и раздумчиво столбится дым. К тому же еще вчера где-то под Сковородино отмечалась температура в пятьдесят градусов ниже нуля. А тут тепло... Да и снегу не больше, чем в Монголии, где скот всю зиму гуляет на пастбищах.

Это было мое первое открытие. Потом я узнал, что и буранов здесь не бывает таких, как в Сибири, а где-то в апреле начисто исчезает снежный покров, не родивший ни ручьев, ни шумного половодья, а просто-напросто испарившись под солнцем и ветром. Узнал, что озимых не сеют — без снежного покрова земля сильно промерзает и озимые не выдерживают. Но сев яровых начинается иногда даже в марте. Разумеется, зерно не сразу всходит, а ждет настоящего тепла. Но поскольку к севу приступают рано, то и успевают к началу тепла засеять довольно большие площади.

Вряд ли быстро нашел бы я Дом колхозника, если бы в дороге не познакомился с соседом по вагону — коренным благовещенцем. Он всю дорогу рассказывал о городе, о том, как хозяйничали в нем интервенты и белогвардейцы и как выгнали их отсюда, о том, как вели себя японцы за Амуром и как гнали потом пленных квантунцев. Рассказывал о бывших купцах и компаниях, золотопромышленниках и контрабандистах. Рассказывал, как жили в войну и живут теперь, после

войны. Помню, его фамилия была Голубев, возраст близился к пенсионному и работал он в сплавной конторе на какой-то незначительной должности. Может, чтобы утолить мое любопытство, которое он сам же и разжег, а может, потому, что был слишком добр и гостеприимен; несмотря на ночь, он останавливался среди улицы и, указывая vareжкой на какое-нибудь здание, объяснял, что здесь раньше было и что теперь находится. Мы с ним дали даже порядочный крюк, чтобы посмотреть, где были Чуринские магазины. Тогда и ночевал я у него, на Краснофлотской, и еще дня три квартировал и научился ориентироваться в городе. В Благовещенске встречались даже трехэтажные дома, как, например, бывшая мужская духовная семинария, где потом открыт был сельхозинститут, нынешняя четвертая школа и нынешний пединститут. С удовольствием отметил, что город расположен на удобном месте и, бог знает почему, почувствовал, что проживу тут долго.

Зиму того года, весну, лето и часть осени работал под Райчихинском в тогдашнем сельхозе «Вятка».

Потом — учеба в институте, работа в МТС, сельхозинспекциях и редакциях газет. И вот уже прошло двадцать лет с лишком, в течение которых я был непосредственным свидетелем многих преобразований. На моих глазах деревянный и одноэтажный Благовещенск превращался в каменный и многоэтажный, с новыми фабриками, мастерскими, заводами, комбинатами и прочим, что отличает ныне многие города Сибири и Дальнего Востока.

Помню, была тут всего одна мощеная улица, тянувшаяся через город от вокзала. Все остальные были ухабисты и пыльны. Окраины в иных местах были вообще непроходимы из-за грязи, глубоких луж и подпруд, напоминавших озера, по которым плавали утки и гуси.

Когда-то город вообще стоял среди грязи и болот. Дело в том, что равнина, заключенная в треугольнике между Амуром и Зеей, всегда была насыщена водой, как паводковой, так и дождевой. Много пришлось поработать горожанам, чтобы приподнять всю эту равнину и осушить. Возили песок, гравий, глину, камень, устраивали водостоки и сажали тополя. Сейчас в городе совершенно сухо, большинство улиц покрыто асфальтом и, может, нигде нет столько тополей и вообще деревьев, сколько в Благовещенске. И еще: может, нигде нет таких прямых, широких и ровных улиц, как здесь.

Не так давно благовещенцы завидовали хабаровчанам, что у них есть хорошая набережная, одетая в бетон. Теперь и здесь появилась набережная. Она уже протянулась на несколько километров вдоль Амура, соединив городской парк, пассажирскую пристань, центральную площадь и грузовой порт. Далее бетонная ограда пойдет по берегу Зеи. Уже стоят первые девятиэтажные дома, появятся и восемнадцатизэтажные, новый драмтеатр на тысячу зрителей, новый стадион. Будут также разбиты и устроены новые площади, парки, скверы. И если, кроме всего прочего, учесть, что с юга и востока город омывают воды Амура и Зеи, а с запада и севера встает полукружье сопок, по которым растут широколиственные леса и уже зеленеют сосновые насаждения, то станет ясно, что в скором времени этот город будет удобным и красивым.

Важные перемены произошли, конечно, в приамурской деревне и тайге. Когда-то я ездил по колхозам, бывал на собраниях и изучал отчеты, где значилось, что годовые денежные доходы куда меньше сумм долгов перед государством. Стоимость трудодня в иных хозяйствах была такова, что теперь ее вряд ли хватило бы для билета в кино. То было время послевоенное, трудное и

очень сложное, особенно для сельского хозяйства. Проблем было множество. Но меры, принятые партией и правительством по отношению к селу, привели постепенно к тому, что когда-то захудалые хозяйства теперь уже ворочают миллионными доходами. Давно уж вся сельскохозяйственная техника перешла в полное распоряжение колхозов. И они ее не только выкупили у государства, но и приобрели потом самую новую, самую совершенную. Теперь техническая мощь даже небольших хозяйств значительно выше той, что когда-то была в МТС, обслуживавших по десятку колхозов. Вообще, по насыщенности сельхозмашинами Приамурье превосходит многие другие области.

Все степные приамурские села в последние годы отстроились как бы заново. Дома культуры, типовые гаражи и ремонтные мастерские, механизированные и автоматизированные зерновые дворы, животноводческие постройки, школы, шоссе и вообще подъездные пути — с этим было когда-то очень трудно. Теперь все это есть повсеместно, как есть и стандартные кирпичные домики, и трех-четырехэтажные дома с удобствами. Особенно преобразились районные центры, которые все больше начали приобретать городской облик. Универмаги, школы-интернаты, крупные автохозяйства, бытовые комбинаты, профессионально-технические училища, строительные организации, целые кварталы многоквартирных домов, кинотеатры, стадионы и многое другое отличают нынче районные центры.

Во всех направлениях разбежались по степи высоковольтные опоры, несущие электрическую энергию, которая постоянно питает сельские лампы, электромоторы, телевизоры, пылесосы, стиральные машины, холодильники, стационарные киноустановки и другое.

Почти нигде уж в селах не осталось руководителей и

ведущих специалистов без среднего и высшего образования. Это те кадры, которые вполне способны поставить сельскохозяйственное производство на индустриальную, научно-техническую основу.

В перспективе — пуск Зейской ГЭС, строительство мощных промышленных комплексов на базе месторождений железа, угля, ртути, золота и других полезных ископаемых, полная электрификация железных дорог, строительство моста через Зею в пределах Благовещенска, возобновление строительства железной дороги, которая пройдет от Байкала через север Амурской области к Тихому океану, освоение новых сотен тысяч гектаров земли за счет зарегулирования стока зейских вод и осушения заболоченных земель, устройство зон отдыха, рациональное использование минеральных целебных источников и многое другое.

Девятая пятилетка вплотную приблизит то время, когда по-настоящему начнется освоение богатств Приамурья и всего Дальнего Востока.

Минувшие двадцать лет, в течение которых я ходил по здешней земле, убеждают, что она, эта земля, во многом своеобразна, и если не сразу берет в плен душу, зато уж накрепко. Недаром многие, кто поспешил однажды уехать отсюда, опять рано или поздно возвращаются.

Конечно, и я не сразу привык к здешним дорогам, степям, горам, рекам, вообще — к пейзажам, во многом непохожим на пейзажи других мест. Это естественно, если учесть, что долго еще снились родные Алтайские горы. Но постепенно стало привычным говорить: «Наш город», «Наши места», «Наше Приамурье».

Почти каждый уголок земли хранит нечто неповторимое и притягательное. Но сначала видится обычно внешнее, потом постигается суть.

По первому впечатлению в сознании никак не уместались приамурские контрасты. Ну вот, пожалуйста: не защищенные снегом, сильно промерзающие водоемы и сугубо южное водяное растение лотос (Константиновский, Михайловский, Бурейский и Архаринский районы). Северная ягода моховка, кедровый стланик, не успевающие растаять за лето льды в каньонах Станового и сотни тысяч гектаров пашен, засеянных теплолюбивой соей, вегетационный период которой длится в среднем четыре месяца. Рано начинающаяся весенняя кампания и уборка урожая (сои) еще в конце октября и ноябре, когда в других местах давно уж «на нивах шум работ умолк». Тихие равнинные речки с плавучими берегами, плотно укрытыми осоками и вейниками, пойменные светлые озера с кувшинками, рогозом, урутью, рдестами и водяным орехом и — твердые каменистые берега Амура и грохочущие горные потоки. Обмелевшие великие реки с просветленными водами и — внезапная прибыль их, топящая даже самые высокие места. Почти бесснежная солнечная зима и довольно дождливое лето, а потом ясная сухая осень, о которой и в октябре говорят, как о «бабьем лете». Дикий виноград, лимонник, смородина, голубика, кедровый орех, аралия, лес-педеца, липа, маньчжурский орех, лещина, обилие всевозможных овощей и садовых культур и — целые районы многолетней мерзлоты, где в основном растет лиственница.

Это в Приамурье. Дальше на восток, в Приморье, контрастов еще больше. Все это, конечно, можно объяснить не только своеобразием климата и почв, но и громадностью пространств. Амурская область с запада на восток простирается почти на 700 километров, с юга на север — на 760 и занимает площадь в 364 тысячи квадратных километров.

Но нередко и на малой площади встречаются явления трудно совместимые. Вот мы прошли сухую падь, поднимаетесь крутым распадком в сопки, идете по станову и вдруг натываетесь на топкую марь, болотце, а то и озерцо. Непривычно видеть такое на вершинах гор, но факт есть факт. Или взять это: зима, мороз, земля, прикрытая снегом, и по-осеннему рыжие сопки. Они всю зиму такие рыжие и пушистые, потому что сплошь заросли дубняком, сохраняющим листву до самого внешнего тепла. В спокойную погоду в таком лесу далеко слышится всякий шорох и даже малый вздох ветра. Чуткие косули, кабаны и изюбры подремывают где-нибудь на солнечных косогорах и не так-то просто подкрадываться к ним, ибо при всяком движении сухая жесткая листва шелестит, как пергамент. Когда подует ветер, весь дубовый зимний лес шуршит, шелестит, шабаркает, шумит. Обычно под прикрытием этого шума и начинается охота. И рысь, и волк, и человек с ружьем, держась на ветер, идут искать свою добычу.

На ровных бесконечных полях странными с непривычки покажутся круглые, как по циркулю, «глаза озер» в камышовых ресницах.

Новый человек не вдруг поверил, что здешняя рыбешка — ротан — зимует, застывшая во льду, и как только начнет припекать солнце, оживает и шевелится в толще льда, как в аквариуме, еще задолго до того, как лед расплавится. Кстати, нигде нет такого разнообразия рыб, как в амурском бассейне, ибо и речные условия тут самые разнообразные, и всяких рек и речек вдоволь — их насчитывается до сорока шести тысяч.

Амурская растительность складывается из нескольких формаций — даурской, маньчжурской, восточно-сибирской и охотской. Флора насчитывает свыше полутора тысяч видов цветковых растений, а фауна (млекопитаю-

щие, птицы и рыбы) — свыше трехсот тридцати видов. Среди растений и животных немало реликтовых или встречающихся только в Приамурье и на Дальнем Востоке.

Здесь леса делятся на три большие зоны: тайга, хвойно-широколиственные и широколиственные.

Многое может озадачить на первых порах нездешнего человека, всего и не перечислишь. Нужно время, чтобы разобраться, узнать лицо и душу здешней земли, все более привязываясь к ней.

Вот как, к примеру, запомнилось мне одно время года, с которого, кажется, и началась настоящая привязанность.

Это была весна. Она пришла, как накатилась, обдала, повеяла теплом и, заполняя все окрест, начала разгораться все жарче. На косогорах и лугах испарились последние заплатки снега. Над дорогами, над пашнями, над черной гарью и вообще на темных сугревах заматались стеклянные сполохи полетному обильного марева. Густо запахло оттаявшей и отпотевшей землей. Еще через день марево стало сплошным и заполнило всю пойму реки с лугами и релками, с островами и озерами, с пашнями и куртинами перелесков. Оно стелилось по ветру в сторону, обратную извечному течению реки, и, казалось, текла теперь другая, бесконечно широкая фантастическая река. Отдаленные стожки-братья, не скормленные за зиму и оставшиеся в лугах до следующей зимы, как поплавки, качались в воздухе и вытягивались порой до размеров высоких церквушек. Железнодорожный мост над рекой тоже весь так и плавился, извивался, как тонкая арматура в жарком пламени, и то на миг исчезал вовсе, то призрачно возникал сбоку, не на своем месте, горбатый и неправдоподобный.

Вообще эта весна напоминала некий благодатный

пал, занявшийся широким фронтом по всему Приамурью. И вот в огне его все быстро согревалось, пробуждалось, трещало, пищало, проклевывалось, дышало и рождало свои запахи. Над сопками, лугами и островами тянулись стройные косяки гусиных стай и мельтешили сгустки, клубки и вереницы всевозможной утвы. Целыми днями слышались теперь трубные, гортанные, пискливые и то радостные, то сторожкие клики.

Ранняя и дружная эта весна была благодатью не только для пахаря, но и для всего живого. Уже по тому, с каким ленивым удовольствием махали крыльями толстые басовитые гуменники, было видно, что птица не голодает, что и прилетела она из теплых мест с жирком и здесь везде находит где поесть-попить, поплавать, покупаться и отдохнуть. Вон даже черные неуклюжие вороны ходят по луговине с видом существ, одержавших великую победу. Да оно и впрямь — победа! Еще одна зима поборота, еще раз завоевано великое право на жизнь.

Давно, еще с первым потеплением, разбрызгивая лужи и грязь, ревя и лязгая, из мастерских разбежались трудяги-тракторы. Теперь они гудели где-то вокруг замков и полевых станков, а летучки «скорой помощи», с инструментом и запчастями, чуть ли не круглосуточно полесили от одного трактора к другому, связывая их невидимой нитью. В одной из таких летучек на исходе ночи возвращался я с колхозного собрания, шумного и сильно затянувшегося. В дороге задремал, а когда открыл глаза на одном из ухабов, за Зеей уже вставала заря. Там, на фоне огнистого, как бы расплавленного края неба, тянулись и тянулись косяки уток и гусей, размеренно и лениво махая крыльями, летели цапли. А по всей зейской пойме и за ней залпами, дуплетами и в одиночку стучали выстрелы. Охотники уже стояли на

перелетах и своими выстрелами как бы приветствовали восход зари и всеобщее пробуждение.

Шофер остановился долить воды в радиатор и поразмяться, а я, выйдя к краю насыпи, дышал утренним воздухом, слушал отдаленные выстрелы и множественный птичий гогот.

Под насыпью из песка выбуривал ключ и, виляя по лугу, бежал в соседнее озерцо. Он был светлый, как стеклышко, и дышал легким парком, а берега его изумрудно зеленели молодой калужницей, уже собиравшейся зацвести, и казались ковравыми. Проследивая ручей глазами, я наткнулся вдруг на двух косуль. Рыжие-рыжие, как свежий яичный желток, они были такие яркие на молодой и тоже очень яркой зелени, что напиши это художник, его, может, упрекнули бы за неестественную яркость. Они были очень кстати на этом утреннем лугу и не боялись нас, видимо, угадывая наше мирное настроение. Но вот шофер звякнул ведерком, и коз точно ветром сдуло. Полукругом проскакали они по лугу, перемахнули через шоссе и вынеслись на самый верх сопки.

Мы сели на край канавы покурить и послушать утро. Все так же перекликались гуси и утки, приземленно стучали выстрелы, а потом к этим звукам примешались и заполнили утренние просторы голоса тракторов. Пробуждалась зазейская степь. Издалека донеслось грохотанье поезда, а совсем вблизи слышалось хлюпанье по воде и шипение пара. Вверх по Зее направлялся первый после ледохода буксир. Шел он весело и торжественно, заново покрашенный, с высоко поднятой рубкой. Вот он фукнул паром, дал гудок, и все окрест вздрогнуло, отряхнулось и огласилось ядреным красивым гулом. И уж теперь-то все проснулось окончательно. Показалось солнце, и еще раз прогудел буксир.

Говорят, хорошие дела получаются с утра и это, наверное, правда, ибо само пробуждение на заре, само обновление и восход солнца — источника жизни и радости — способствуют хорошему настроению. Наверное, всякий человек, в добром здравии встретивший хорошее весеннее утро, кроме всего прочего, испытывает подспудную радость встречи с чем-то необыкновенно прекрасным, подобным первой любви. А если и примешается чувство грусти, так это от невольного сознания того, что не вечно будешь видеть всю эту красоту. Но зато сильней захочется жить, еще сильнее станет желание успеть сделать побольше, пока ходишь по земле. Так было и со мной в то утро.

Но это, так сказать, лирика. Главное, наверное, все же в том, чего и сколько может земля дать человеку. Амурская земля способна дать очень много. Уже одно то, что безморозный период на юге области длится почти сто пятьдесят дней, что солнце держится высоко и обильно снабжает землю теплом и светом, наводит на мысль о гигантской кладовой хлорофилла, белка, сахара, витаминов и прочих полезных вещей. Более четырех месяцев длится вегетационный период со средней температурой воздуха значительно выше десяти градусов тепла, и в течение всего этого времени, за исключением редких лет, обильно выпадают дожди.

Земля плодородна, климат благодатен, и было бы странным, если бы тут не росло и не родило все, что способно расти, исключая разве что цитрусовые. Еще в дедовские времена, при конной тяге, здешним хлеборобам удавалось иногда брать богатые урожаи. В последние годы, когда больше стали применять удобрения, многие хозяйства на площадях в несколько тысяч гектаров нередко берут по двадцать—двадцать пять центнеров зерна с гектара и, видимо, недалеко время, когда

этот показатель станет обычным для всех хозяйств области. Что касается сои, то и ее амурские земледельцы научились уже брать до полутора тонн с гектара на больших площадях. А меж тем дело идет к тому, что будущие показатели здешних земель обещают быть намного выше. Посевные площади, уже сейчас близкие к двум миллионам гектаров, со временем расширятся, видимо, миллионов до трех. Амурскую область давно уж и с полным основанием называют житницей Дальнего Востока.

Обычно за словами «земля» и «земли» видятся площади окультуренные, способные родить хлеб, где, как говорят, что посеешь, то и пожнешь. Такие земли — великое благо. Но не меньшее благо и те земли, где не сеют и не пашут, а жатву собирают обильную и дорогую. Такой земли в Приамурье, к счастью, тоже очень много, ибо большая часть его занята прекрасными лесами, — в основном, лиственницей и сосной. Ну а лес, как известно, не только деловая древесина и сырье для химической промышленности. Это и зарегулированная влага, равномерно питающая реки, и кислород, и вообще чистый воздух; и зверь, и птица, и грибы, и ягоды.

Когда говорят «богатая земля», то имеют в виду опять же плодородные нивы. И напротив, о землях, не пригодных для распашки и посевов, принято говорить как о бедных. Это, наверно, идет от давних времен, когда человек жил исключительно натуральным хозяйством. Теперь же, в век бурного промышленного развития, эти слова наполняются иным, более широким значением. Еще не известно, какая земля богаче. Та, где собирают по два урожая хлебов и объедаются фруктами, или та, где на обширных пространствах растут великие леса, есть золото и железо, слюда и уголь, ртуть, пушнина, всякая лесная живность и многоводные реки с колос-

сальными гидроресурсами. В Приамурье есть это все, да еще и земли плодородны.

Однако не только богатств, не только достижений, но и проблем у нас достаточно. И, как ни странно, большинство из них существует уже давно. Речь о них впереди.

Кто же устранит неполадки, наведет должный порядок в природе и хозяйствовании? Кто здешние и не только здешние богатства, уже послужившие верой и правдой народу, заставит служить с еще большей отдачей?

Разумеется, это предстоит сделать нашим современникам, предки которых пришли сюда, «топором прорубая путь», а потом поднимали эту землю, обживали и проливали за нее кровь. В ответе и те, кто придет сюда переселенцами, строителями, исследователями. И если в общем-то сделано уже очень много, то это лишь начало того, что ждет Приамурье в будущем.

Об этом и о том, как, приближая будущее, вершили и вершат различные дела амурские люди, рассказывается в очерках, составляющих эту книгу. Это книга о земле амурской, о земле, на которой стою.

Албазин и албазинцы

Давно жила во мне задумка побывать на Верхнем Амуре, спуститься на лодке или салике до Благовещенска, а через год-другой совершить подобное путешествие до Хабаровска, Комсомольска и дальше.

И вот однажды выпала мне командировка в старинное русское село Албазино, после которой представлялась возможность задержаться на Верхнем Амуре еще дней двадцать.

Перед самым отъездом разговаривался с друзьями — Борисом и Владимиром, и ока-

залось, что они тоже могут поехать дней на пятнадцать—двадцать на Верхний Амур.

Сначала я поехал один, чтобы пожить в Албазине, сколько надо, а уж потом выехать в Джалинду и там встретиться с моими друзьями.

За окнами поезда мелькали чуть прихваченные желтизной березовые леса, сосны, лиственницы, скалистые откосы, незамутненные речки. По отавам и лесным еланям с этакой сытой ленцой бродили коровы. Там и тут стояли огороженные стожки.

На станциях бойкие тетеньки торговали отварной картошкой с луком, малосольными огурцами, маринованными грибами и варенцом. Ягодники прямо из тайги выбегали к полустанкам с полными ведрами голубики или брусники.

Поезд все круче забирал на северо-запад, и природа становилась более суровой и однообразной. Дубняков уж совсем не было видно, зато лиственничный лес стоял стеной по обе стороны дороги, и там и тут прорезали его лесовозные дороги, там и тут виднелись штабеля бревен.

Уже вечерело, когда я приехал в Сковородино и пошел искать гостиницу. Станция громадная, а сам город Сковородино — бывшее Рухлово — стоит в глубокой сухой котловине с ровным каменистым дном. С одной стороны лесистые сопки, с другой — лысые, крутые, сыпучие склоны. Общее впечатление — твердь и сушь.

В четыре утра на юг, к Амуру, повез меня местный поездок из нескольких вагонов и платформ. Вагоны без переборок, открытые насквозь, с деревянными сиденьями. Со светом что-то не ладилось, садились в полутьме, задевая друг друга рюкзаками, плечами, чемоданами. В большинстве народ был местный и, видимо, привычный к таким поездкам.

Присматриваюсь и замечаю косы, завернутые в мешковину, вилы без черенков, ружья, топоры. Как раз открылась охота на водоплавающую дичь, а нынче ее много, потому что весной на отстрел запрет был. И вот теперь мужички едут не только сено косить.

Поблизости от Сковородино нет сенокосов, места каменистые, лысые или сильно лесом заросшие, а ниже по долине Большого Невера встречаются обширные елани и сенокосные лужки.

Сенокос в этих местах сильно затягивался, потому что с весны холодно было и сухо, и трава долго не росла. Потом потеплело, но зарядили дожди, косить нельзя было. И вот пришлось косить в сентябре. Но это не беда. Тут даже стараются попозже косить. Трава-то, в сущности, только вырастает к этому времени, она не старая, а если и желтеет, так потому, что холода прижимают. Позднее сено тут даже более питательное, только пересушивать не надо. Скоси и, если хорошая погода, через день-другой в стожок складывай, да соли не жалея, просоли сено-то, и оно не согреется и очень съедобное станет.

Это было моим первым знакомством с Верхним Амуром. В восемь утра по инею я вышел на главную джалиндинскую улицу, посидел на берегу у пристани, дождался начала рабочего дня, навел кое-какие справки и к обеду приехал в Албазино, до которого отсюда было километров восемнадцать.

Джалинда запомнилась как село нагорное и большое. Улицы идут поперек солнечного склона, дома смотрят на Амур и на сопки, вставшие сразу за рекой. Основная масса джалиндинцев работает на заготовке леса, обработке его и погрузке. Тут леспромхоз. Небольшая падь с правого крыла села сплошь завалена лесом, опилками, корьем и прочим лесным хламом. По-

свистывает паровозик, долговязый кран скользит над вагонами и платформами, укладывая в них шпалы, доски, тес, бревна и прочее. А на самом верху, на ровном плато, которое круто спускается к нижним улицам, стоит монумент пограничникам и зеленеет обширная роща над кладбищем, где есть старинные памятники и кресты.

Там, где издавна жил и усердно трудился человек, земля бывает полита не только потом, но и кровью да слезами, бывает она опалена пламенем и посыпана пеплом. И, может, потому на этих местах потом, когда их оставляют или сохраняют в неприкосновенности, вырастают особенно буйные травы и деревья.

Я стою на том месте, где более трехсот лет назад казаками Никифора Черниговского была поставлена крепость Албазин. Время почти сравняло с землей остатки укреплений, поднимавшихся некогда на три сажени в высоту, и сейчас довольно трудно представить себе контуры и размеры всей крепости.

Но еще господствует над берегом полуразмытый холм — «Батарейка», откуда русские пушки поверх крепостных стен били по наседавшим маньчжурским завоевателям. Сейчас по нему проходит береговая тропинка, на которой проступает обожженная до кирпичной красноты земля, а кругом колышится буйный бурьян и растут лиственницы. Где-то здесь стояли русские землепроходцы, когда выбирали место для острога.

Может, отсюда руководил сражениями воевода Толбузин и приемник его сотник Бейтон. А там вон, говорят, был воеводский двор и стояла главная башня крепости.

Следы землепроходцев — следы трехвековой давности. Теперь лишь историки повествуют о том и о тех, кому обязана Россия, да и весь мир открытием громад-

ного и удивительного Амурского края. Москвитин, Поярков, Хабаров, Пашков, Бекетов, Черниговский, Толбузин, а позже Невельской и Муравьев-Амурский. И еще десятки лучших сынов России, и сотни безымянных героев. Их давно уж нет, но слава о них все громче трубит из тумана. Слава Албазина неотделима от славы поля Куликова, Бородина, Бреста и других героических российских мест.

Доверившись воображению, хочу представить, хочу увидеть, как все это было. Исторические сведения об Амуре не так уж богаты и многочисленны. Но все же их достаточно, чтобы судить, как и что тут было тогда — давным-давно. Этим мы обязаны не только «распросным речам», «челобитным» и «отписным грамотам» первопроходцев, но и трудам многих наших ученых, исследовавших Амурский край уже после заселения его. Многие для этого сделали и местные амурские исследователи, занимавшиеся этой работой попутно со своими служебными обязанностями и по своей воле. К числу таких энтузиастов относился и недавно умерший наш земляк Новиков-Даурский, оставивший после себя интересные историко-археологические очерки, статьи и воспоминания. В последние годы большой вклад в изучение древней истории Приамурья внесли ученики академика Окладникова — Деревянко, Сапунов, Мазин и другие.

Многие села, расположенные близ Амура и по его берегам, носят имена первых землепроходцев, исследователей и деятелей Амура. Поярково, Пашково, Бекетово, Толбузино, Корфово, Духовское, Казакевичево, Москвитино, Рейново, Свербеево, Бейтоново, Буссе, Муравьевка, город Хабаровск. О многих землепроходцах следовало бы написать книги, по которым благодарные потомки учились бы мужеству, целеустремленности, жажде открытий, любви к свободе и родине. Недаром Не-

вельской, который очень много сделал для России, в своих обзорных записках событий на Амуре писал: «Беспристрастное потомство должно помнить и с удивлением взирать на геройские подвиги самоотвержения первых пионеров Приамурского края, часто плативших своей жизнью и кровью за свое молодечество и удаль... Потомство с признательностью сохранит имена их, дошедшие до нас в сибирских повествованиях, потому что они первые открыли путь по неизвестной реке, открыли существование неизвестных до того времени народов и... своим водворением на ее берегах доставили России неоспоримое право к возвращению этой страны».

Много, очень много претерпели амурские землепроходцы. Почти не получая поддержки от правительства и сибирских воевод, они по существу были предоставлены сами себе, и многие из них сложили тут головы либо в неравном бою, либо от нужды и голода.

...Итак, я стою на том месте, где была основана первая столица Амурского края. Вот здесь, где бурьян и лиственницы, где Дом культуры, школа, сельсовет, библиотека и местный музей, проходила западная стена крепости Албазина. Здесь берег Амура.

Преклоняюсь, отдаю должное. Лучшее место трудно найти. Амур тут делает большую пологую излучину, прижимаясь главными водами к нашему берегу. Береговая дуга тянется километра на три. Где-то там, выше, у устья речки Ульдугича, стоял Спасский монастырь. Вся эта дуга у воды состоит из скалы, а выше — из рассыпного камня и глины, напоминая чуть наклонную стену высотой сажень в десять. На нижнем крыле излучины, где Амур плавно огибает скалистый выступ, и были возведены основные сооружения крепости. Отсюда далеко видно вниз и вверх по Амуру и во все

стороны. А если предположить, что неприятель стал бы наступать со стороны излучины, то ему пришлось бы не только карабкаться на высокую естественную стену, но и оставаться незащищенным с обоих флангов. Скалистый, очень высокий и почти отвесный берег, наверное, и до сих пор сохраняется в той неприкосновенности, в какой нашел его Хабаров. Если учесть, что вдоль такого берега, почти сливаясь с ним, стояла еще шестиметровая стена, то станет ясно, какой неприступной была эта западная часть крепости. Вся крепость, говорят, была построена из бревен, закопанных стоймя и заостренных на-кол, а между бревнами были насыпаны земля и камень. Были также рублены ряжи и башни. Недалеко от «Батарейки», ниже по Амуру стояла главная башня. Сейчас тут виден примерно метровой высоты широкий вал, облицованный изнутри отборным камнем. Эта облицовка была сделана в 1911 году по решению станичного совета. Затем здесь должен быть поставлен памятник. (К сожалению, памятника до сих пор нет.) Этот вал представляет собой замкнутый четырехугольник. В нем довольно обширная площадь. Теперь мальчишки используют ее как стадион. Зритель сидит на валу, а сражения происходят на площади.

С директором местного музея Агриппиной Николаевной Дорохиной, работающей в этой должности на общественных началах, мы прошли почти по всему крепостному валу. В иных местах его совершенно незаметно, в иных — виден еще хорошо. Часть вала проходила по луговому берегу, и тут его давно уж смыло наводнением. На лугу мы долго искали какие-либо следы прошлого, но кроме голых камней на пустыре, где раньше сажали овощи, ничего не нашли. Оставалось надеяться на собственное воображение и мысленно задавать себе вопросы. К примеру, с какой целью надо было возводить

вал на низкой луговой явно затопляемой поверхности? Может, он служил не для обороны от неприятеля, а для того, чтобы оградиться от большой воды? Ведь вполне могло быть, что здесь, на лугу, вблизи от реки, располагалось пристанское хозяйство крепости. Здесь удобней было и на воду грузиться и с воды выгружаться. А все тяжелые грузы тогда шли по воде. Так или иначе, а здесь тоже проходил укрепленный вал. В случае его прорыва защитники могли отступить за более надежный вал, тянувшийся по склонам бугров, вдали от берега.

Восточный вал в северной его части виден еще хорошо на протяжении почти километра. Весь же вал в периметре будет, наверно, километра три. Так что вся основная часть теперешнего села стоит как бы внутри бывшей крепости.

Дальше, за крепостными валами к северу и востоку можно заметить остатки других валов — это были осадные укрепления маньчжуров, дважды осаждавших Албазин и пытавшихся покорить его.

Когда мы снова вышли на берег, уже с верхней стороны села, Агриппина Николаевна указала на те места, где были небольшие провалы в земле:

— Говорят, это потайные ходы обваливаются. Ребятишки в один такой лазили, так выбрались прямо на Амур.

Что ж. И это могло быть. Ведь каждая крепость была бы ненадежной, если бы не было «подлазных» ходов. Вполне могло быть, что раньше в здешнем берегу были овражные промывы, которые строители крепости частью забутили, частью преобразили в потайные лазы. Один из них, что у главной башни с южной стороны, сейчас специально завален камнями и бревнами, чтобы туда не лазили ребятишки. Местным и случайным людям пока запрещается что-либо копать и раскапывать.

На это имеется охранное свидетельство. Раскопки и подробное изучение последуют позже (хотя, наверное, давно пора уж). А пока что вездесущие ребяташки находят металлические и деревянные предметы, сопровождавшие жизнь тех времен — бляхи, скобы, наконечники дротиков, топоры, мотыги, увесистые ключи от замков, пушечные ядра (маньчжурские проломные пушки имели ядра до полупуда весом).

Я держал в руках кованый меч — весь проржавленный, но еще настолько увесистый, что слабой рукой им не помашешь. Видел металлический ключ с выбитой надписью: «Петропавловская крепость». Видел соху в виде растоптанного сапожка без подошвы, которая навела на аграрные размышления. Историки, особенно археологи, склонны считать, что земледелие на Амуре возникло если еще не до нашей эры, то в самом начале ее. И раскопки, и наскальные рисунки здешних мест побуждают к таким предположениям. Если охотничьи и оленеводческие племена оставили на скалах изображения животных и сцен охоты на них, то здесь, на Верхнем Амуре, преобладают изображения фигур мифических, причем непременно присутствует образ солнца — источника тепла и плодородия. Вообще придолинные раскопки почти по всему Амуру говорят о ранней причастности здешних племен к земледелию, которое основывалось в местах наиболее удобных и плодородных.

Когда на Амур пришел Хабаров, он тоже там и тут оставлял своих людей, чтобы они занимались пашенным делом. В это время хлебопашество в Албазине приобрело особенно широкий размах. Кстати, и сам Хабаров до похода на Амур крестьянствовал.

Прибыв в Сибирь из Сольвычегодска (по другим данным — из Великого Устюга), он сначала занимался торговлей в Енисейске, затем на устье реки Киренги

устроил соляную варницу. Когда же варницу отобрали в казну, он первый на Лене занялся земледелием, распахав шестьдесят десятин земли. В музее хранятся обгоревшие зерна, найденные в земле на месте бывшей крепости.

К 1684 году в Албазине было сто двадцать служилых людей да четыреста восемьдесят промышленных и пашенных. Стояло две мельницы, крупорушка, процветало гончарное и кузнечное производство.

В албазинском музее хранятся жернова, привезенные оттуда, где стоял Спасский монастырь. Сейчас на том месте осталось десятка два углублений, идущих в два ряда, параллельно друг другу. Видимо, тут была улочка монастырской слободки. Думается, что если бы положение первых русских здесь было шатким и немирным, то монастыря не строили бы.

Вообще с развитием земледелия Албазин стал центром Албазинского воеводства. Воеводство это имело свой герб: на серебряном фоне изображен орел. В одной лапе у него лук, во второй — стрела. Вокруг Албазина и других более отдаленных поселений начали строиться займки земледельцев.

Албазинские пашенные люди засевали тогда до тысячи десятин, да еще государевых десятин было более пятидесяти. Албазин выращивал свой хлеб и в таком количестве, что мог прокормить большое население. Его хлеб вывозился даже в Нерчинск. В отписках землепроходцам сообщалось: «Пашенных земель гораздо много... Дворами строиться начали...»

К восьмидесятым годам семнадцатого века левый берег Амура стал окраиной Московского государства, причем более обжитой, чем даже Забайкалье.

Обо всем этом повествуют находки, собранные в местном музее — одной из комнат библиотеки. Все они

представляют большую историческую ценность. Собраны здесь и почти все книги, относящиеся к открытию и освоению русскими Приамурского края. Есть газетные вырезки и альбомы, в которых ведется своеобразная летопись тех и нынешних времен.

Албазинский музей обязан своим существованием почти исключительно Агриппине Николаевне. В прошлом она учительница. Руководила кружком краеведения. С того и пошло. «Дети должны знать свой край...» Это ее слова. Сейчас Агриппина Николаевна на пенсии, но каждодневно и усердно трудится в библиотеке и музее.

Еще и еще раз выходил я на берег, где стояла крепость. Внизу, прижимаясь к скалистому берегу, как живой, ворчал гигант-Амур, быть может, единственный свидетель подлинной истории Албазина. Набережная дорожка дымилась испариной, потому что солнечная погода то и дело перебивалась дождями, с лиственниц в бурьян падали крупные капли.

За рекой лежал обширный китайский полуостров с низким берегом. Сквозь прибрежный тальник виднелись серые крыши изб и сараев, а дальше на пашне стояли потемневшие от дождей суслоны.

В большую воду китайский полуостров заливало и все там плавало. В наводнение 1958 года наши вертолетчики спасли более трехсот китайских граждан. Пока не спала вода, они жили в Албазине, окруженные вниманием и заботой. Больных лечили, раздетых одевали, всех досыта поили-кормили. В музее есть фотография: спасенные китайцы сидят за большим столом вместе с русскими и обедают.

Пройдя вдоль бывшего крепостного вала, я свернул на кладбище, где похоронены первые албазинцы. Кладбище то ли успело зарости лесом, то ли и раньше тут

был лес. Над могилами героев Албазина нет ни камня, ни креста. Над ними просто растут вот эти березы и липы. Говорят, только Толбузину был памятник, да и тот теперь не могут найти. Будто бы на луговом берегу лежала гранитная глыба, на одной стороне которой можно было прочесть: «Толбу...» Очевидно, это была половина памятника.

Это старое кладбище находится теперь почти посередине села. Со всех сторон его обстроили домами и избами, но огородить почему-то некому.

Но вообще-то албазинцы чтят память своих героических предков. Историю своего села они знают и помнят. Помнят, что горстка русских людей противостояла тут многотысячным войскам маньчжурских завоевателей.

Вот как все это было. В марте 1684 года албазинцы получили грамоту от маньчжурского императора с требованием сдать город. Грамота была написана на маньчжурском, монгольском и польском языках (к тому времени в Албазине были и ссыльные поляки). А летом, чтобы сделать эту грамоту более весомой, к Албазину подошло на лодках маньчжурское войско, но осадить городок не стало. Тридцать казаков, бывших в это время за городком, маньчжуры взяли в плен и отправили их затем в Пекин. Ограничившись угрозой, маньчжуры отошли назад к Айгуню.

Воевода Алексей Толбузин разослал письма с просьбой о помощи в Москву, Нерчинск, Енисейск и Тобольск. Но ниоткуда настоящей помощи оказать не смогли или не сочли нужным. Только из Москвы был послан полковник Афанасий Бейтон, который в Тобольске собрал шестисотенный полк с артиллерией и двинулся в Даурию. Надо было пройти тысячи километров тяжелого пути.

В июне 1685 года у стен Албазина появился маньч-

журский авангард, а затем и само войско. Более четырех тысяч маньчжуров приплыло на бусах и тысяча конников пришла сухим путем. Было при них тридцать больших да пятнадцать малых пушек. Албазин же насчитывал лишь четыреста пятьдесят защитников, в числе которых были купцы и крестьяне. Семьи защитников были заранее отправлены в Нерчинск.

По распоряжению воеводы Толбузина все постройки вокруг Албазина заранее были сожжены. Все вокруг горело, а сама крепость готовилась к защите.

Одиннадцатого июля маньчжурский командующий Лантань предложил албазинцам сдаться, обещая при этом благосклонность императора. Албазинцы не ответили. Тогда неприятель открыл пальбу по городку, а затем двинулся на штурм. Штурм был отбит с большими потерями для противника, но и албазинцы потеряли почти четвертую часть защитников. Стены и башни крепости были сильно повреждены.

Осада продолжалась. Пришло время, когда боевые припасы русских истощились окончательно и приходилось отбиваться даже камнями. Видя безвыходность положения, Толбузин вступил в переговоры с Лантанем. Албазин был отдан маньчжурам, но все жители и гарнизон беспрепятственно ушли в Нерчинск. С дороги Толбузин доносил нерчинскому воеводе, что он идет «с великою нужею, питаюсь кореньями и травами».

Еще и еще раз пытаюсь представить, какое это было сражение, какими были защитники крепости, по какой дороге пришлось уходить в Нерчинск? Раненые, измученные, голодные... Тут и сейчас не по всякой дороге пройдешь и проедешь. Как же было тогда?..

Позже, когда подошло подкрепление, Толбузин с отрядом в шестьсот семьдесят семь человек, с пятью медными и тремя железными пушками вернулся в Албазин.

Маньчжурское войско в это время уже было в Айгуне. Все русские поселения вокруг Албазина были сожжены, но посеянный албазинцами хлеб, к счастью, уцелел и стоял на корню (около тысячи десятин). Казаки убрали хлеб, приступили к восстановлению и укреплению острога.

А через год, опять же летом, у стен Албазина появилось маньчжурское войско. На ста пятидесяти бусах и по берегу Амура к крепости подошло до пяти тысяч маньчжуров при сорока пушках. В Албазине к этому времени находилось около восьмисот человек.

На этот раз казаки сами сожгли неубранный хлеб и все постройки вне острога. Внутри укреплений построили для жилья землянки.

Маньчжуры окружили город и оградили свои позиции частоколом, а сверх того навалили еще множество срубленных деревьев. Частокол казаки сожгли, стреляя калеными ядрами, а наваленный лес взорвали из подкопов. Тогда противник соорудил высокий земляной вал вокруг острога и поставил на него до тридцати пушек. Вначале стреляли пушки, потом — это было 11 сентября — маньчжуры двинулись на штурм. Но, как и прежде, были отброшены с большими потерями.

Пять раз ходили казаки на вылазки, убили и взяли в плен много маньчжурских солдат, а между тем от тесноты и сырости в землянках и от скудости в питании в городке появилась цынга, которая наносила русским потерь больше, чем противник.

В одну из вылазок мужественный начальник обороны Алексей Толбузин был тяжело ранен ядром в ногу и вскоре умер.

Оборону городка возглавил полковник Бейтон, сыгравший неменьшую роль в дальнейшей героической обороне. Албазин был неприступен.

Однако число защитников Албазина все убывало и к маю 1688 года их осталось только шестьдесят шесть человек, которые продолжали стойко держаться.

Нелегко было и противнику. Осаду он сменил на блокаду, а затем отступил от Албазина на шесть километров, и албазинцы получили возможность выйти за стены города и установить связь с Нерчинском.

Маньчжуры предложили прислать своих врачей для лечения больных казаков и просили сообщить о количестве больных. Бейтон ответил, что его войско здорово и ни в чем не нуждается, и в подтверждение послал маньчжурскому полководцу «пирог весом в пуд». Бейтон не терял бодрости. Что касается противника, то его потери уже составили более половины войска.

Наконец маньчжурская армия ушла в Айгунь, и между Россией и маньчжурами начались переговоры, закончившиеся Нерчинским трактатом.

Вот часть тех событий, свидетелем которых был героический Албазин. Где-то вот здесь на старом кладбище покоятся кости тех, чьими делами мы вправе всегда гордиться.

...Несколько дней кряду стояла дождливая погода, и все окрест было сыро, серо и грязно. Шоферы, приехавшие помогать Албазинскому совхозу из Большого Невера и Сковородино, ругали непогоду, сетовали, что теряют заработки и, как всегда в таких случаях, за что-то ругали начальство. Но, наверно, куда горше из-за погоды было Герману Степановичу Локтюшкину, замещавшему в те дни директора совхоза, вызванного в Москву. Целыми днями сквозь сетку дождя маячил совхозный «газик» то в одном, то в другом конце села, то на зерновом дворе, то в поле, где еще на корню стоял хлеб. А комбайны не шли. Даже силос не шел — машины только грязь месили. Эта грязь была по-степному жир-

ная и, конечно, хлебородная. Не зря вымахала вон какая кукуруза! Не зря и первые русские на Амуре избрали когда-то это место для хлебопашества.

Дождь, дождь, дождь... Амур прибывает. Сыро, холодно. Но вот, наконец, дождь перестал, и утро кажется особенным. Спозаранку в Албазине дружно загудели моторы. Все заждались хорошей погоды. Село опустело. Народ ушел и уехал в поля и на зерновой двор. Ученики ушли в школу. Один из них изрядно опоздал и вот идет теперь в одиночестве. Из окна старой избы, приспособленной под временную столовую, я вижу его нахально-веселую рожицу. Ему явно не хочется в школу, иначе бы он спешил и, наверно, очень нравится эта таинственная погода: густейший туман, из-за которого ни солнца еще не видно, ни ближних изб, но который уже розовеет и вздымается к небу. Мальчишка бредет по середине улицы, загребая броднями жидкую грязь, и хриплым, громким голосом самозабвенно поет: «Туман печалит мне глаза-а-а...» В голосе вдохновенность. Это, наверно, погода его взволновала. Поэт. «Туман печалит...» А вообще-то поется иначе. «Печаль туманит мне глаза». Но он видит этаким волшебный туман и, конечно же, он его «печалит».

Я вышел на улицу. Мальчишка уже пропал в тумане, и только слышится его поющий голос. Там, где лежал Амур, туман, казалось, скручивался в могучие жгуты, и ничего в Заамурье не было видно. Но вот и там туман стал рассеиваться. Блеснула острая верхушка отдаленной сопочки, озаренная утренним солнцем, показалась высокая гряда прибрежных тальников и наконец, как намасленный, заблестел вздувшийся от прибыли Амур.

При ясном дне хорошо видны окрестности, скрывавшиеся ранее в дожде и тумане. В большинстве это —

возвышенная равнина, редко заливаемая Амуром даже в самую большую воду. Основная часть села недоступна никаким наводнениям. Вообще, окрестная равнина очень широка, и сопки, окаймляющие ее, кажутся голубыми и синими от расстояния. Так что разгуляться есть где. Умели русичи выбирать места.

В Приамурье нет более исторического и знаменитого села, чем теперешнее Албазино. И именно здесь по праву стоять бы вечному монументу. Но пока что ничего нет.

Мы идем по Албазину. Улицы, переулочки, дворы... В совхозе течет обычная трудовая жизнь. В 1969 году было засеяно более двух тысяч гектаров пашни. Всего пашенной земли подготовлено около трех тысяч. Общая же площадь здешних угодий — шесть с половиной тысяч гектаров, что для Верхнего Амура очень даже неплохо.

Совхоз находился еще в стадии становления. А вообще Албазину не очень повезло с направлением развития. После революции он то расцветал, то увядал. То был тут колхоз, то леспромхоз, то подсобное хозяйство железной дороги, то вообще решили было ликвидировать село и жителей переселить в степную часть области. Но албазинцы не согласились, написали куда следует, село сохранилось, и затем организовался тут совхоз. Село теперь как бы заново отстраивается. На окраине целая улица новых домов. Где-то здесь проходили маньчжурские осадные укрепления.

Но большинство построек старые, на иных крышах даже мох вырос. Крышам этим, наверно, лет по сто, если не больше, и крыты они не тесом, а дранкой, нащепленной на редкость искусно. Это не обычная коротенькая плашка, а чуть ли не тесины, довольно длинные

и широкие. Наверно, надо было хорошо знать дерево и разуместь, как щепать такую дранку. Есть дома под цинковыми крышами, с резными карнизами и наличниками.

В эти дни здесь работала экспедиция, которая занималась устройством и планированием совхозных угодий. В недалеком времени площадь пашенной земли в совхозе увеличится почти вдвое.

Не знаю, какие урожаи брали на албазинской земле в старые времена, но в наше время они бывают неплохими. В прошлом году взяли по двенадцать с половиной центнеров пшеницы с гектара. А в лучшие годы брали и по восемнадцать, и по двадцать два. Старожилы говорят, что когда земли поновее были, так и того больше получали. Но, конечно, теперь, когда идет столько удобрений, земля станет еще плодородней.

Указав мне на дома старожилов, мой провожатый ушел по своим делам, а я уж теперь знакомлюсь сам. Многие албазинцы смуглы лицом, что наводит на мысль о родстве с забайкальскими аборигенами. Впрочем, еще землепроходцы брали в жены местных женщин. Некоторые теперешние фамилии тоже имеют связь с даурскими и тунгусскими именами. Например, Гантимуровы.

Беседую с Юсовой Еленой Николаевной. Ей восемьдесят лет от роду. Почти все молодые годы батрачила у местных богачей — казачьих атаманов и кулаков. Отец ее был ссыльным поляком, которого выслали сюда за политику, кажется, из Гродно. Он был уже не молод. На родине осталась семья, четверо детей. Здесь женился вторично, но его не венчали, и детей на его фамилию не записывали, так что дети носили материнскую фамилию — Ланчаковы. Отец же по фамилии был Рудак. Живя в Албазине, он и тут продолжал бороться с царизмом. Человек он был грамотный и развитой, хорошо играл на скрипке, и по вечерам...

— По вечерам к нам часто собирались мужики, вроде скрипку послушать, и отец говорил им: «Не горюйте, братцы. Скоро придет и наша доля». А сам все объяснял что-то и книжки читал. То и дело в тюрьму его сажали. Аж в Благовещенск возили. А человек он был еще и мастеровой, на все руки. Наши мужики, бывало, все время хлопотали за него. Слесарить, кузнечить, ружья ладить лучше его никто не умел. И вот так-то совсем отхлопотали его, и жил он потом в Албазине постоянно.

Другая долгожительница Дарья Васильевна Исакова, как она сама выразилась, родом из «гуранов», то есть забайкальская. И родители тут жили, и сама тут состарилась — уже девяносто первый год идет.

Старушка она еще крепкая, громкоголосая, наверно, певунья была. До сих пор сохраняет особый старинный юмор.

— Раньше мы тут по-простому жили. Китайцы к нам в гости ходили, а мы — к ним. Рядом деревни-то, через Амур. И ребятишки дружили, и парни с девками. Это теперь они чо-то хвост-то шибко поднимают...

Постепенно я узнал фамилии людей, предки которых были потомственными амурцами, то есть прижились тут, быть может, еще со времен Ерофея Хабарова. Зинковы, Сенотрусовы, Корякины, Суриковы, Черных, Шемелины, Портнягины... «Да еще ведь есть кто-то, только сразу не вспомнишь».

Многие из албазинских казачьих потомков, сохранивших свободолобивый дух своих предков, во время Октябрьской революции сразу же пошли за такими, как Рудак и его сын Никифор. Вообще в Албазине таких оказалось значительно больше, чем сторонников старого режима, и потому тут не было кровопролития между казаками. Представители старой власти и их сторонники сразу же бежали за границу.

В Албазине же возникли и первые на Верхнем Амуре партийные ячейки и раньше, чем где-либо, созданы были первые Советы. В разгар японоской интервенции албазинцы были наиболее активными участниками ее отражения. До сих пор в окрестностях Албазина можно найти остатки партизанских землянок. Многие албазинцы в числе первых ушли на фронт, когда началась Великая Отечественная война.

В музее, кроме всего прочего, хранятся специальные альбомы, где пишется история местных Советов и партийной организации, пишется история села.

Покидая Албазин, я снова вышел на берег. Вода сильно прибывала, несло рыжую пену, смытый с берегов мусор, коряги. На той стороне совсем уж залило стожок сена.

На Батарейном холме, заложив руки за спину, стоял юный албазинец и глядел на большую воду.

Путешествие к „писаному камню“

В Бомнаке нам недвусмысленно сказали, что если хотим без приключений добраться до Онони, то надо, не мешкая, отправляться в путь, пока вода в Зее не упала. Падает она здесь так же стремительно, как поднимается, то есть за сутки бывают колебания в несколько метров. И если вода вдруг упадет, то как знать... Может, мы вообще не достигнем цели и хорошо, если вернемся назад в целости. Это немного странно, ведь обычно страшна большая вода, а здесь наоборот. Но факт есть факт и с ним надо считаться.

На нашем пути были теперь самые опасные гряды и перекаты, которые в общем-то на верхнем течении Зеи встречаются довольно часто. Перекаты на пути к Бомнаку, такие как «Плевна» и «Шилка», названные в честь побед русского оружия, были залиты большой водой, и мы прошли их, почти не заметив. Теперь же совсем другое дело.

Нынешний житель Бомнака, преподаватель русского языка и литературы Валерий Николаевич Шевченко в 1959 году проходил по Верхней Зее в составе этнографо-археологической экспедиции и вот что писал потом: «Чем выше мы поднимались по Зее, тем чаще встречались перекаты, тем они были стремительнее. За третьиюнюя миновали 87 перекатов...» После своего путешествия он и его товарищи оставили записки, опубликованные Амурским областным музеем краеведения.

Словом, и на моторке, и бечевой плавать здесь лучше, когда стоит большая вода, которая скрывает и перекаты, и бесчисленные лабиринты в каменных грядах, где разогнавшаяся вода ревет и беснуется, как жаркое пламя при хорошей тяге. Здесь почти всегда, за исключением ясного и жаркого времени, висит как бы судорожный туман. Туман этот дрожит потому, что здесь, как в кипящем котле, мешаются донные и верховые струи, сшибаясь и ударяясь о камни, разбиваются в пыль и брызги, и все тут мельтешит, дыбится, падает, ломается и даже при слабом освещении рождает бесчисленные блики и радуги, которые подобно множественным зарницам то вспыхивают, то гаснут. Особенно хороши эти туманные пляшущие перекаты на восходе и закате солнца.

Он же, Валерий Николаевич Шевченко, был в Бомнаке и нашим консультантом. Живет он в этих местах уже более десяти лет — с тех пор, как закончил инсти-

тут. Родом он человек сугубо городской, из семьи культурной и интеллигентной. Сюда его никто не направлял — сам попросился, хотя возможностей остаться в городе было не меньше, чем у кого-либо. Что же привело сюда, что позвало человека?

Сначала он в этих местах побывал сам и натерпелся всяческих лишений. Из тех же его записок явствует, что тяжелогруженные лодки они тянули бичевой почти неделю, в кровь избили ноги и натерли плечи. Городская их обувь в первые же дни пришла в негодность и в пути шили олочи — «низ кожаный, а верх из холста». Перекаты, через которые они тянули лодки, были так круты и высоки, что, стоя у подножия иного, было не видно лодку, уже преодолевшую его. Ко всему этому кругом тайга, мари, гнус и, как только скрывалось солнце, уже становилось холодно.

Приведу еще одну выдержку: «...свалились на песок и молчали, а потом вдруг на всех напал смех, хохотали, как одержимые, от радости — мы выдержали!..» Та экспедиция была долгой и изнурительной. По возвращении чувствовалось, что кое-кого в эти места в другой раз и калачом не заманишь. Впоследствии четверо стали жить в городах, а Валерий, как только сдал экзамены, покинул родной город и отправился в эти места, где все надо брать своим хребтом, или, как говорят, — с бою. И вот уже более десяти лет здесь и не думает куда-либо уезжать. Когда его жена Нина Яковлевна заговорила однажды о городе, он ответил, что в город — ни за что, а вот дальше в тайгу поехал бы, а то народу тут что-то многовато стало. Нина Яковлевна — она тоже учительница — уверяла нас, что для него выбраться в город Зею — это все равно, что попасть в Париж, а уж о Благовещенске и говорить нечего.

Сразу во все это как-то трудно поверить. Знавал я

Валерия Николаевича в студенчестве. Удадь, бесшабашность, даже от богемы что-то. Он и сам теперь признается, дескать, сколько было такого-всякого!.. Но то, конечно, была буйная, ищущая применения силам юность. Душа-то молодецкая и тогда, наверно, просила что-нибудь настоящее, достойное борьбы и внимания.

Он живет на севере, учит эвенкийских ребятишек и сам учится жить и хозяйствовать в суровых здешних местах. Человек он рослый, костистый, широкоплечий, надежно пропитанный ветрами и солнцем и в этом чем-то сродни нашему Анатолию Ивановичу Мазину, археологу Сибирского отделения Академии наук, с которым мы теперь и пробираемся в верховья Зеи. Мы — это Борис Андреевич Машук, молодой литератор, его сын Костя — симпатичный человек десяти лет от роду, и я.

Один из участников той экспедиции однажды отзовется о Валерии Николаевиче так: «...А он же, дьявол, как двужильный... Мы уже падаем, а он все тянет...»

После такого признания как-то понятней стало назначение человека.

В Бомнаке у Валерия Николаевича свой дом и свое хозяйство. Летняя кухня, сарай, живность, есть амбарчик и огород. Но не думайте, что в огородах там все само растет. Ничего бы не росло, если бы не золотые человеческие руки. Земля глинистая, внизу камень и вечная мерзлота. Эту землю надо утеплять, унавоживать, обильно удобрять и холить. Под овощи нужны гряды — тоже теплые и высокие. Растут картошка, лук, чеснок и еще кое-какая мелочь. Но даже в июне приходится укрывать грядки целлофановой пленкой, иначе здешние заморозки натворят беды. В огороде над грядками так и стоят специальные дуги, чтобы в любое время можно было накинуть на них что-либо защитное. То есть, это своего рода теплицы. Есть огороды и у эвенков.

Зимой Валерий Николаевич почти все свободное время отдает школе, а летом, когда цивилизованные северяне устремляются на южный берег Крыма, он в своей лодке с водометным двигателем забирается куда-нибудь в верховья холодных речек и ловит тайменей, ленков, сигов и хариусов. Вся эта рыбка — царская, годная для вяленья, копченья и засола. Излишки сдает по закупочной цене на приемный пункт, а некоторую долю — себе.

Надо сказать, что здешняя верховая рыба, в отличие от рыб низовых течений, ни в себе, ни на себе не таскает никаких паразитов и, стало быть, безопасно употреблять ее даже в сыром виде, что и делают все тутошние жители, как эвенки, так и русские. В первый же день нашего появления в Бомнаке, когда мы пришли к Валерию Николаевичу, нас угостили такой рыбой, то есть «талой». Как раз хозяин вернулся с протоки, где он улаживал свою лодку, попутно порыбачил и принес домой снизку рыбы. Нина Яковлевна тут же почистила ее, изрезала, сдобрила уксусом, перцем, луком и подала на стол. Явственно запахло свежим огурцом. Мы уплетали рыбу, чувствовали, как пахнет огурцом, но никому на вилку огурец не попадался. Оказалось, что этот тонкий огуречный запах источал свежий сиг.

Тут за столом мы и обсудили некоторые деловые стороны нашего дальнейшего пути. До Бомнака добрались мы на перекладных. Сначала летели на «ЯК-40». Прекрасная машина! Не знаю, сколько по воздуху, а по речным створам до Зеи около шестисот шестидесяти километров. А пролетели мы от Благовещенска это расстояние меньше, чем за час. «Яков» не дрожал, не дребезжал, не грохотал, как это делает даже «ИЛ-18». Он только шипел или шуршал, как шуршит легковая машина по гладкому асфальту. Мы все удивлялись и хвалили этот самолет, а Костю эта техника не удивляла.

В Бомнаке мы с Костей высадились первыми, потому что на пути к нему пошло такое течение, что наша тяжелогруженная дюралька, как утюг, стала зарываться в воду, и Анатолий Иванович, не доходя до села где-то километров шестьдесят, решил, что лучше сделать два облегченных рейса. Сначала приехали мы, потом Борис Андреевич с лайками и частью груза. Так мы добрались и впрямь гораздо быстрее, чем если бы плыли все сразу, наперекор законам гидромеханики.

Тогда-то я и вспомнил, что где-то здесь живет Валерий Николаевич, и пошел разыскивать его, вследствие чего и очутились мы потом за гостеприимным столом и угостились «талой». Наш Костя и тут не удивился, хотя ел это кушанье впервые.

Должен признаться, что Костя меня интересовал чрезвычайно. Я знал его еще в «чине» первоклашки. Свежий, круглолицый и подвижной, как бурундучок, он не ходил, а порекал, не говорил, а строчил очередями, не успевая выговаривать то, что кипело внутри и рвалось наружу. Он всегда страшно спешил, а в школе то шла серия пятерок, то начинали мелькать тройки. А однажды Костя потерялся. Дома не знали, что и подумать, звонили во все концы и наводили справки. Хотели даже объявить официальный розыск. Но Костя нашелся. В двенадцати километрах от города этот маленький странник попросился ночевать. Его спросили, кто он и откуда, и оказалось, что Костины родители хозяевам известны. На завтра Костя возвращен был домой. Но куда же сей пилигрим путь держал? А к бабушке, в Дею. Есть такая станция близ Завитинска, до которой от Благовещенска двести с лишним километров по шпалам. Там, в Дее, Костя гостил летом и ему сильно понравилось. А теперь вот стосковался.

Словом, в Косте есть что-то. Как знать, может, от

нашего похода зависит Костино будущее, как вот у Валерия Николаевича.

Мы пробыли в Бомнаке остаток дня и еще на второй день задержались почти до вечера. С председателем местного промыслово-оленоводческого колхоза Брониславом Ивановичем Залецким договорились насчет новой лодки, без которой дальше плыть с нашим грузом было бы немыслимо. Свою «Казанку» мы оставляли на время в распоряжение колхоза, а взамен получали восьмиметровой длины посудину из прогонистых тесин внакладку и вразвал с довольно широким днищем. Конечно, сама здешняя река заставила делать такие лодки. На перекатах они накрывают сразу несколько гребней, не виляют туда-сюда, а скользят вперед и не зарываются носом под тяжестью груза. Словом, это гораздо более грузоподъемные и устойчивые самоделки, нежели заводские дюральки. А у нас теперь груза набралось в общей сложности не менее восьми центнеров. Самих четверо, две лайки, спальные мешки, палатка, рюкзаки со свиной тушенкой, сгущенным молоком, сахаром, крупой, хлебом, не менее двухсот килограммов бензину, чтобы в оба конца горючего хватило, да еще в магазине вынудили нас купить мешок с солью килограммов на пятьдесят. Сказали, пригодится. Все уместилось, лодка сильно осела, но над водой борта возвышались еще на целую ладонь.

Вода начинала падать, надо было спешить, и мы, конечно, поспешили, отправились уже на ночь глядя. Чтобы выбраться из Бомнака, пришлось спуститься вниз по протоке, километра на три-четыре, а уж потом круто забрать влево и двигаться по самой матушке Зее.

На пути к Бомнаку кое-где еще стояли створы, по которым раньше плавали катера и баржи. Но после каждой большой воды эти створы уже ничего не значили,

ибо Зея тут такова, что на месте ям могут появиться отмели, а на месте кос возникает фарватер. Сейчас катера и баржи ходили очень редко и по самой большой воде, а створам никто не верил. Выше же Бомнака вообще не было никаких ходовых знаков.

Сказывают, когда приехала экспедиция, чтобы определить зону затопления после постройки плотины Зейской ГЭС, а также изучить реку и притоки ее, то поначалу кое-кто отнесся к Зее довольно скептически. Дескать, не на такой бы реке строить мощную ГЭС. Где же тут вода? А вода как раз была небольшая. Но вот Зея вдруг «поддала», и скептики поражались уже иному. Откуда берется эта бешеная мощь?

Гидрологам, геологам, топографам и другим специалистам пришлось очень много поработать, чтобы изучить характер Зеи и ее поймы. Зейское море будет простираться как раз до Бомнака и чуть выше. Это более трехсот километров в длину. Велика будет и ширина моря, поскольку большую часть его составит обширнейшая котловина, полная лесов, болот и озер. Нижнюю улицу в Бомнаке, наверно, придется эвакуировать, хотя она и тянется довольно высоко над протокой. Побайваются, как бы не залило и могилу Улукиткана — знаменитого проводника, с которым путешествовал по здешнему северу и востоку Георгий Анисимович Федосеев. Он же поставил Улукиткану памятник в знак великой признательности редкостному этому человеку. «С тобой, Улукиткан, геодезисты и топографы заполняли последние белые пятна на карте родины». (Улукиткану от Г. Федосеева.) «Мать дает человеку жизнь, годы — мудрость». (Улукиткан).

Но, надо полагать, все будет хорошо. Ведь до самого затопления еще далековато, и все, что надо, должны успеть сделать.

А пока мы плыли по дикой неусмирённой реке в её верховья. Попробовали «срезать» кривун, но чуть было не срезали шпонку и не поломали лопасти винта. «Вихрь» — мотор сильный и неприхотливый. К тому же Анатолий Иванович сам его обкатал и очень удачно, и теперь он служит ему уже не один год. Но если мы что-нибудь «запорем», наша экспедиция или приостановится, или сильно усложнится. И все мы, конечно, зрим в оба. Анатолий Иванович, сидящий на руле, время от времени вопросительно поднимает руку: дескать, как полагаете, куда лучше править? Мы тоже с помощью рук отвечаем. Порой он сомневается, сбавляет газ, чтобы осмотреться.

Лодка идет «на воду» километров семь-восемь в час, и для здешних мест это хорошо.

Показалась «Мерзлотка», метеостанция. Постройки её маячили высоко на сопке, спадающей к Зее почти отвесными скалами. Туда серпантином, перемежаясь лестницами, вилась тропа. У меня было поручение из Зеи — передать на «Мерзлотку» пакет, и я полез наверх, собираясь выполнить поручение как можно быстрее. Впереди меня карабкался Костя, а Уркан уже на самом верху мелькал. Собаке этой немногим больше года, в ней сохранилось ещё что-то щенячье, но уже всю проглядывают черты породистой хорошей лайки, изящной и сильной.

Имя Уркану дадено в честь экспедиции по реке с таким же именем, пес этот — любимец Анатолия Ивановича. Ещё щенком он брал Уркана в тайгу, в экспедиции, чтобы поднатаскать заранее. Там его тоже все любили, баловали и многое прощали.

На верху сопки была обширная поляна, застроенная типовыми домиками. Я передал пакет. Местные собаки, громадные разномастные псы, увидев Уркана, всей сво-

рой двинулись к нему. Он же еще больше подбодрился, еще круче закрутил колечки хвоста и высоко поднял красивую голову с торчащими ушами.

Ах, дурачок, думал я, убегай, пока не поздно, ведь эти звери сейчас тебя в клочья разнесут.

Но не тут-то было. Уркан стоял. Собаки стушевались и опешили. Одни молча дыбили шерсть и поджимали хвосты, другие опасливо вытягивали шеи и робко подступали ближе. Некоторые даже тряслись мелкой дрожью. А Уркан, словно заявляя о том, какой он хороший, стоял, как на картинке, и энергично потряхивал туго скрученным хвостом. Когда свора приблизилась вплотную, он высоко поднял заднюю ногу и помочился на столб, стоявший рядом. Дескать, вот так-то. А ну, кто из вас свою метку оставит выше? Нет таких? Ну тогда я пошел.

И так же гордо, даже не оглядываясь по сторонам, побежал впереди нас с Костей.

Много загадочного в поведении животных. Взять хотя бы этот случай. Ведь обычно с появлением чужой собаки местные псы бросаются в драку, чтобы заявить, что хозяева здесь они. Дело кончается если не кровопролитием, то порванными ушами и выдранными клоками шерсти. А тут — нате вам!

Вернувшись, я рассказал про Урканову победу Анатолию Ивановичу, и он, конечно, умилился.

Ночевали километрах в пятнадцати выше «Мерзлотки» на песчаном острове, заросшем тальником и в большую воду затопляемом.

Хороша у нас палатка, оранжевая, с молниями, с тентом и навесом, вроде сенцев, четырехместная. Выгнав комаров и не расстегивая «молний», можно спокойно валяться даже поверх мешков. Поужинали и лежим беседуем: делать-то нечего.

Анатолий Иванович говорит, что в этих местах, если хорошо поискать, можно найти немало всякого рода археологических памятников как самых древних, так и не очень отдаленных. Вообще, на территории Амурской области выявлено уже более полутысячи таких памятников. Это места стоянок древних людей, городища, захоронения, предметы быта и роскоши, орудия труда, в том числе каменные, различные наскальные рисунки и многое другое. Сопоставляя и изучая все эти находки, археологи пришли к выводу, что в основном эти памятники принадлежат древним тунгусским племенам, населявшим когда-то эти земли. Но наибольший интерес вызывают, пожалуй, писаницы, то есть «каменные полотна», представляющие собой своеобразное искусство и культуру древнего таежного народа. На плоскостях скал либо выбиты чем-то острым, либо вытерты, либо нарисованы красной охрой изображения мифических существ (как зооморфных, так и антропоморфных), мифические и обрядовые сцены и сцены охоты, фигуры северных оленей, лосей, людей, птиц и рыб. Нетрудно понять, что это искусство принадлежит охотничьим племенам. Причем памятники наскальной живописи Приамурья изрядно отличаются от петроглифов Забайкалья, Нижнего Амура и северо-восточной части Дальнего Востока. При раскопках у таких писаниц обычно обнаруживаются различные предметы жертвоприношений, по которым также можно судить о культуре и роде занятий древних племен.

Вообще археологические открытия в этих краях начинаются еще со времен землепроходцев, то есть с шестнадцатого века. Но первые сообщения о писаницах появились сравнительно недавно, а именно — в 1915 году, когда на Олекме, в 631 километре от устья ее, А. А. Гайдуков обнаружил старинные надписи и рисунки красной охрой на серой скале.

В 1930 году была опубликована заметка о «Писаном камне» на реке Архаре. Затем появились сообщения о подобной находке на Средней Нюкже. Потом нашли писаницы на Верхнем Амуре, на Верхней Зее, на Олекме, на Уркани, Тунгирче, Тунгурчечане и в других местах. Не все писаницы выполнены одинаково по стилю и содержанию. В одних местах больше елочек, квадратов, кругов и завитушек, в других преобладают легенды, в третьих изображались вполне реалистические сцены. Но первооснова была одна и та же, а разница объяснялась разницей во времени и уровнем культуры и развития.

Онони, куда мы держим путь, по-эвенкийски означает рисунок. Видимо, когда эвенки давали имя реке, то наскальные рисунки здесь уже были.

Там, где древние пути проходили через перевалы в местах, может, единственно доступных и опасных, можно еще увидеть жертвенники в виде груд камней.

Разговаривали мы в этот вечер и о временах менее отдаленных, то есть о том, как шло заселение Верхней Зей. Почти до самого конца прошлого века сколько-нибудь значительных поселений тут не было. Появились они лишь с развитием золотой промышленности в девяностых годах прошлого столетия, когда открылось и паромное движение. Сначала возникли так называемые приисковые склады. А вокруг них пристроились потом небольшие поселки. Сугдjarский склад, Бомнакский, Потехинский, Дамбукинский... Выше Зейской пристани, построенной значительно раньше и быстро разросшейся в приисковый городок, был еще Лагутинский склад Зейской Акционерной компании. Вот между складами-пристанями и распределялся груз, идущий вверх по реке. Отсюда же расходились по таежным приискам и рабочие, доставленные пароходами. По окончании летних

операций они стекались сюда же, чтобы отбыть на Зейскую пристань. Все эти склады были на правом берегу реки.

Сейчас приискковое значение остается только за Дамбуками. В Бомнаке создан промыслово-оленоводческий колхоз, а на месте других бывших складов хозяйничают леспромхозы.

С перекрытием Зей все береговые населенные пункты, кроме Бомнака, окажутся в зоне затопления. Вот почему уже сейчас кое-где идет строительство новых, незатопляемых поселков, а на дне будущего моря вырубаются леса и вырабатываются золотые месторождения. Когда мы по пути в Бомнак ночевали на устье Мульму-ги, тут стояло несколько передвижных вагонов строительного отряда, возводившего новый поселок в стороне от Зей, на сопке.

Лет двенадцать назад в верхнем бассейне Зей было несколько промыслово-оленоводческих артелей, располагавшихся на значительном расстоянии друг от друга. Самый северный колхоз был в Иракане — в 75 километрах выше Бомнака. В 1939 году здесь объединилось около 50 семейств, а в стаде насчитывалось 18 тысяч оленей. Потом стали заводить коров, лошадей и расширять пахотные земли. Примерно так же развивались и другие артели. Пушной зверь, олени, рыба были главными статьями дохода.

В пятидесятых — шестидесятых годах в стране начался процесс слияния мелких населенных пунктов, особенно в отдаленных от культурных центров уголках. Этот процесс продиктован социальной, культурной и экономической необходимостью. В одном месте легче и рациональней строить Дома культуры, кинотеатры, стадионы, школы-интернаты, квартиры с городскими удобствами. Как правило, все это стало сосредоточиваться в более

крупных населенных пунктах, более прочно связанных с городом.

Не минул этот процесс и северной окраины Амурской области. Сейчас здесь остался только один колхоз «Ударник», центр которого расположен в Бомнаке.

Во времена «золотой лихорадки» Бомнакский склад обслуживал несколько компанейских приисков. Потом он был сдан в аренду частным лицам, а другой такой же склад образовался в Потехино. Грузы в Бомнак поступали главным образом через торговые фирмы Зейского товарищества Чурина, Опарина и других. Потом прииски в этих местах выработались, и Бомнак перестал существовать как опорный пункт золотой промышленности в верховьях Зеи.

Современный Бомнак — большое северное село. Имеется несколько магазинов, школа-интернат для детей оленеводов и охотников, Дом культуры со стационарной киноустановкой, столовая, почта, электростанция и многое другое. Почти все постройки новые и добротные. Стены лиственничные, и то ли еще не успели поблекнуть от времени и дождей, то ли здесь такое дерево, все они красноваты, как слегка надраенная медь, отчего и само село светится празднично. По улицам тянутся дощатые тротуары.

Село это стоит на высоком правом берегу протоки и обращено фасадом на юг. Нижняя улица идет по самому берегу, выше воды метров на десять—пятнадцать, и как-то не очень верится, что ее может залить будущее Зейское море. От нижней улицы, наискосок, спускаются к воде съезды и сходы. У берега приткнулось множество разноцветных лодок — больших и малых, дощатых и металлических, с моторами и с веслами. Пожалуй, здесь нет ни одного жителя, который не имел бы одну или две лодки да две или три собаки. Когда мы причалили к

Бомнаку, то первое, что поразило нас, было обилие собак и лодок. Под берегом целыми днями трещали моторы и во всех направлениях скользили по протоке лодки. Как раз была пора сенокоса и сбора поспевавших ягод.

За протокой лежит обширный остров, заросший светлым березняком, тополями, молодыми соснами, лиственницами и тальником. Выглядит он чисто, уютно и прибранно — вообще производит впечатление очень давно обжитой местности и кажется, что там в самый бы раз водить веселые праздничные хороводы.

На этой стороне у воды тоже все вытоптано и сглажено, тянется набитая пешая тропа, стоят толстые старые тополя, зеленеет приземистая травка-топтун. И совсем уж забываешь, что находишься далеко на севере, когда в протоку с разбегу, гулко хлюпая, брызгая и храпя, врывается табун лошадей. Этот характерный шум, производимый плывущими лошадьми, а затем бегущими вброд по воде и гальке, слышен очень далеко и, как ничто иное, напоминает о лете и тепле, о размеренной и мирной деревенской жизни.

Когда мы собирались плыть дальше, прилаживая мотор к новой лодке и укладывая груз, эвенкийские ребяташки лазали тут же и, как все ребяташки в мире, проявляли к новым людям чрезвычайное любопытство.

Рассмешила меня первая встреча с ними. В Бомнак мы приехали, изрядно подзапущенные и небритые, в дорожном одеянии. Костя говорил, что я выглядел страшнее всех. В таком виде выходил я из столовой, а ребяташки лет четырех-пяти как раз стайкой стояли у высокого крыльца. Они мне показались очень потешными и милыми, и только я успел подумать: «О, какие!», как один из них, ткнув в мою сторону пальчиком, протянул:

— О-о-о, какой!!

Словом, я на них тоже произвел впечатление. Потом я видел таких же и чуть постарше уже человек тридцать. Они ходили в столовую под руководством нянечки-эвенкийки. Кормились они бесплатно, сами убирали за собой посуду, и, как все ребяташки, не могли не шуметь. То были интернатовцы и обитатели детского сада.

В Бомнаке, как и в других местах, где живут представители малых народностей, делается все, чтобы сохранить и развить все национальное, что представляет интерес, включая прикладное искусство и промыслы. Например, успешно развивается такое ремесло как пошивка меховой одежды, унтов и перчаток, отделанных в национальном вкусе. Не случайно повсеместно, особенно в городах, все большим спросом пользуются здешние унты как женские, так и мужские, головные меховые уборы и другое.

Развивается национальная художественная самодеятельность, детей учат на эвенкийском и русском языках. (Раньше у эвенков вообще не было письменности.)

Но вместе с тем кино, радио, газеты, книги, журналы, моторы, самолеты, всевозможные экспедиции, спорт, модная одежда и грамотность настолько сильно вторгаются в жизнь аборигенов, что хочешь не хочешь, а местный житель все больше ощущает тягу к оседлому образу жизни, к городу и другим густонаселенным местам. В колхозе сейчас идет настоящая борьба за то, чтобы школьники после учебы оставались в родном селе, шли на оленье пастбища и на промысел пушного зверя. Но от одних только уговоров и внушений толку, наверно, будет немного. Пришла пора и эту специфическую отрасль — оленеводство, звероводство, пушной промысел — механизировать и ставить на культурный в производственном отношении лад. Хоть и поется, что «олени лучше», а на отдаленные пастбища и зверовые места

через мари и топи, через горы и бурные реки, через снега и лесные завалы, скажем, на вертолете добираться куда быстрее и сподручней. Охотоведы утверждают, что если бы во все промысловые места своевременно забрасывать охотников, то добыча пушнины увеличилась бы многократно. Да и пушному зверю было бы лучше. Ведь есть такие места, где зверя переизбыток и ему нечем кормиться, он гибнет от голода, самопоедания и различного рода контактных болезней. Нередко в таких случаях зверь вымирает начисто. Кому от этого польза? Никому, только убыток. А вот когда пушного, да и другого зверя вовремя прореживают, с умом конечно, то для оставшегося лесного населения и корму хватает для зимовки, и в пору расплода получается обильный и здоровый помет. Словом, происходит то же, что на животноводческих фермах. Если поголовье большое, а корму мало, то лучше оставлять только необходимую его часть, чтобы избежать гибели от недокорма всего поголовья. Звериное поголовье тоже надо регулировать. А пешком да на оленях везде не успеешь взять, что надо, не успеешь настроить зимовья и забросить, куда следует, запас продуктов и охотничьего снаряжения. То же самое и на пастбищах. Вот даже эвенкийский род Яковлевых, в количестве трех десятков человек, ведущий со своим многотысячным стадом в основном кочевой образ жизни и, заходя то в пределы Якутии, то Хабаровского края, уже не может обходиться без рубленого жилья, лодочных моторов, бензопил и другого, что пришло с техническим прогрессом. Оленеводство у них поставлено неплохо, пушнины Яковлевы сдают тоже много, но все это не потому, что придерживаются одних только дедовских методов, а потому, что используют достижения техники.

В решении бомнакских проблем, как и других про-

блем области, главную роль сыграет, видимо, Зейская ГЭС. Когда разольется море, сюда будут плавать крупные грузовые суда и быстроходные «Ракеты». По льду моря пойдут автопоезда. Придет и дешевая зейская электроэнергия.

За ночь воды в реке изрядно поубавилось. Спешно завтракаем, сворачиваемся и плывем. Множество протоков, и не знаешь, по которой плыть. Берега сплошь заросли высоким лесом: лиственница, тополь, березник, осинник, тальник, ольховник. Порой покажутся рябинка или черемушка.

Зея тут производит впечатление реки необузданной и разбойной и жметесь то к левому, то к правому берегу. То и дело встречаются обвалы и оползни, ближние деревья стоят внаклон, собираясь упасть, а те, что были впереди, уже лежат вверх корнями и вниз головой и вода полощет их кроны. Косы обширные, высокие, белесые, и в великом множестве лежат на них камни, пни, коряги, целые деревья с еще зелеными кронами. Многие деревья зацепились корнями за дно, вытянулись вдоль течения и мерно качаются на волнах, шумя и гулко хлюпая.

После полудня слышали тяжелый грохот, и чем ближе подплывали, тем явственней проступал он сквозь рев мотора. Начинались «Каменные гряды» и «Чертовы трубы».

Сначала мы думали, что скалы тут стесняют реку, но скалы даже вдали не маячили. Берега были все те же, с могучим лесом наверху, стеной стоящим по обе стороны. Просто здесь в русле лежало множество камней, оставшихся, быть может, от разрушенного горного отрога. Камни величиной с корову и поменьше давно уже льдами и течением сорвало со дна и наметало в

виде высоченной насыпи, выдающейся от берега до половины реки. На дне остались только самые крупные камни, почти скалы. Одно утешало, что эти скалы были сильно сглажены, цветом красновато-желтые и в светлой воде хорошо были различимы даже там, где бесновалась вода. Падение воды тут так круто, что мы усомнились, взберется ли наша махина на эту гору. Да и чтобы взобраться, надо найти «трубку», о которой говорили нам в Бомнаке.

Приткнувшись к левому берегу, пошли осматривать «Гряды». Вода шумела, рычала и клочотала. Но Костя не выказывал удивления и здесь. Ходил с нами, солидно посматривал на рычащую воду и коротко покашливал. Он даже не застегнул надувного ярко-оранжевого жилета.

По правилам, всякий, кто едет в дальний путь на моторке, должен обрядиться в надувной спасательный жилет. Но на всех жилетов мы не нашли, а раздобыли только для Кости. А вообще-то трудно даже представить, что было бы, если бы Костя упал тут в воду. В Бомнаке нам настоятельно советовали оставить его в селе, пока мы плаваем, но Костя не захотел оставаться, да и нам охота было показать ему кое-что.

Постояв на берегу, повздыхав и почесав затылки, решили, что мы с Костей и с собаками пойдем по берегу, пока не кончатся опасные места, а двое через «трубку», которую мы все же отыскивали, полезут на лодке по «Гряде».

Мы остановились на берегу и «болеем», а наши товарищи медленно-медленно плывут мимо нас. Лодка длинная — корма внизу, а нос эвон куда задрался! Натужно ревет мотор. Еще метр, еще, еще. И, слава тебе господи! Лодка перевалилась через бугор воды и бойко понеслась по плесу. Мы с Костей поспешили вслед по

завалам камней и валежин. Камни мшистые, грязные, скользкие, а между ними ямы с водой. Лезем наверх, идем по лесу, но и тут идти не легче: валежник, промоины, заросли. Зато уж красной да черной смородины — хоть горстями гребь. Снова спускаемся к воде и видим: по той стороне реки вслед за лодкой бежит какой-то зверь. Присматриваемся. Да это же наш Уркан! Вот сорванец. Переплыл... А лодка ждет нас у крутого каменистого берега у подножия следующей «Гряды». Потом мы опять идем берегом, а лодка карабкается выше.

На ночлег остановились поздно, и подходящего места не искали. Палатку кое-как натянули меж кустов и наносника.

Прав Анатолий Иванович. Еще в Благовещенске он уверял, что сейчас самое время податься в верховья Зеи.

— Я уже давно, парни, заметил, — говорил он, — что если на юге области стоит ясная жаркая погода, то в верховьях вовсю льют дожди. Тучи туда идут с Охотского моря. А если на юге у нас идут дожди, то здесь наверняка держится ясная погода.

Да мы и сами замечали, что Зея всегда дурит, когда на Амуре стоит ясная погода, и всегда как-то странно совместить летнюю тихую погоду с буйным этим половодьем. Теперь дождей не было, а вода тут еще держалась сносная. На это и рассчитывал Анатолий Иванович. И зря мы опасались, что где-то на юге гремел гром. Прогремел он и ушел за горы и леса, оставив нам чистое небо и ясный восход.

Опять плывем, опять перекаты и камни. Но самое примечательное, что на иных прижимах и входах в протоки навалено столько лесу с корнями и сучьями, что на завалы надо взбираться, как на гору. Можно представить, как высоко поднимаются здешние паводки!

— Вот бы поджечь! — сказал однажды Костя, — на всю бы тайгу костер был!

Не на шутку задумались мы, когда Зея сузилась метров до двадцати. Тут она с налету билась в отвесную скалу, как бы ставшую поперек ее дороги и, наверно, сильно подмыв ее, текла, казалось, под землей, а у скалы оставался узкий проход, по которому, как белогривые кони, мчались волны высотой в сажень. Как тут поплывешь?

Полезли на самый верх скалы осмотреться и решили, что надо круто пересечь реку ниже скалы, а потом держаться у самой кромки того берега. Иначе ничего не придумаешь, а под скалой быть никому не хотелось.

И опять мы обхитрили реку! Теперь до Онони рукой подать. Впереди уже виднелись ближние темно-синие и дальние, высотой под самое небо, голубоватые отроги Станового хребта, но Зея тут была в сплошных перекатах, как в ступенях, лодка шла медленно, и до устья Онони добрались мы уже на исходе дня. Это был шестой день после отплытия из города Зеи.

Смолк мотор, лодка ткнулась в песчаный береговой припай и, выскочив на берег, мы спешно привязали ее к торчащей из наносного берега лесине. Собаки, радуясь земле и свободе, челноком забегали по берегу, а мы стали выгружать наше снаряжение. Лодка стала легкой, теперь ее болтало и жало течением к самому песку. Мы торопились. Надо было до темноты успеть отабориться, приготовиться к ночлегу. И едва мы сделали это, как наступили полупрозрачные сумерки.

Наша оранжевая палатка ярко выделялась даже в сумерках. Она стояла теперь под сенью высоких лиственниц, на самом берегу Зеи как раз у устья Онони. Двенадцать лет назад здесь же останавливалась та самая этнографо-археологическая экспедиция, в которой

участвовал Валерий Николаевич. Еще заметно было гнище, обложенное камнями, еще не сгнили и не упали кое-какие колышки, натыканные там и тут, но само место сильно заросло шиповником и красной смородиной. И чтобы снизу ничто не торчало и не кололо, нам пришлось все это выдирать руками.

Назавтра при легком снаряжении двоим предстояло отправиться вверх по Онони и дня за два-за три дойти до писаного камня — главной цели нашего путешествия, — произвести там раскопки, собрать материал, а потом вернуться сюда. Мы с Костей оставались охранять табор с припасами. Да еще была у нас благая задумка наловить тайменей, ленков, сигов и хариусов, а потом, завялив или закоптив их, привезти домой и угощать городских друзей, которые бы хвалили нас и нашу рыбу, страшно завидовали нам и удивленно ахали.

Сумерки держались довольно долго потому, что здесь уже не так далеко было до северных ночей: почти полторы тысячи километров отделяли нас от городских квартир. Места тут совершенно глухие, дикие и даже в понятии таежных людей считаются гиблыми. Зато уж раздолье тут всякому крупному да сильному зверю.

Ближайшим жильем для нас была теперь метеостанция Локшак. За ней не было уж никакого жилья, даже одиночного, так как дальше начинались отроги Станового хребта. За ним рождались реки и речки, текущие уже к Охотскому морю и Ледовитому океану.

Пока мы возились с палаткой и спальниками, пока ладили вешала и готовились к ужину, наши собаки, Уркан и Нюкжа, дважды принимались лаять: кто-то в обход табора с чуть слышным шорохом пробирался к Онони. Собаки было замолкли, но залаяли опять, и мы по знаку Анатолия Ивановича стояли несколько минут не двигаясь и почти не дыша, стараясь понять, что про-

исходит. Ружья, мелкашка и трехстволка, были наготове, поскольку вполне могло стать, что в первый же вечер нанесет нам визит здешний хозяин. Когда собаки немного успокоились, а мы стали двигаться и разговаривать, метрах в двухстах я заметил на воде что-то большое и черное. Мы уже решили было, что это вода несет какой-нибудь выворотень и он теперь цепляется за дно корнями и ворочается, но это черное медленно двинулось наперерез течению к берегу. Собаки опять всполошились.

— Нет, парни, это зверь, — тихо и раздумчиво сказал Анатолий Иванович, — только странно, почему он не боится?

А сумерки уже сгустились, и нельзя было понять, кто там — сокжой, сохатый или медведь. Но раз зверь не боялся, то мы сами решили напугать его. Дважды щелкнула мелкашка — и взвизгнули пули на той стороне Онони, где рос высокий лиственный лес. Собаки пометались у воды, но Онони переплывать не стали и скоро вернулись на табор.

Но вот и ужин закончен, и посуда помыта. Мы лежим в палатке в своих спальниках и тихо беседуем, довольные тем, что все обошлось у нас хорошо. Анатолий Иванович еще в начале пути уверял, что если мы не дураки, то дойдем не хуже, чем с проводниками. И вот дошли.

Сгустилась ночь, все смолкло, только под берегом недремно журчали струи Онони да в отдалении тяжело шумел пережат. Нам было хорошо.

Еще спозаранку Анатолий Иванович пошел разбираться, кто же маячил вчера в темноте. Перебрел устье Онони — оно было неглубоким и галечным — и еще по зейскому берегу прошелся подальше. Вернувшись, до-

ложил, что там был след человека в кирзовых сапогах, а по следу его прошел большой олень. Наверно, человек водил ездового оленя на водопой, а мы в темноте ничего не поняли.

Странно. Тогда почему же человек молчал и не счел нужным прийти к нам? Ведь в этой глуши человек человеку всегда рад. Кто он? Геолог, бродяга, беглец?..

Позже, однако, все стало на свои места. Перед нами тут был какой-то охотник и поджидал, когда по своей тропе на водопой к Зее выйдет сохатый. Но сохатый не пришел, когда его караулили, а появился на следующий вечер, то есть вместе с нами. Напился, постоял в воде и ушел. А что касается собак, то сохатый их не очень-то боится, если нет при них охотника.

Конечно, если учесть, что была середина лета и что в эту пору копытного зверя вообще трогать категорически запрещается, то, конечно же, факт, с которым мы встретились, наводит на мысль о браконьерстве. Но, право же, в этих местах браконьерство порой приобретает понятие весьма растяжимое. Здесь ни фруктов, ни овощей не растет — вечная мерзлота. Ягодами тоже этот пробел не восполнишь. А чтобы съездить в ближайший магазин, надо потратить неделю, а то и две, да еще неизвестно, удастся ли сплавать благополучно. А вертолеты бывают лишь при крайней нужде. И если какая-то экспедиция попадает в беду, скажем, на перекате опрокинуло лодку или тот же медведь разграбил запасной лабаз, то хочешь не хочешь, а пойдешь на охоту. Людям нужна пища, чтобы копать шурфы и прорубать маршруты. Вот на всякий случай кое-кому и выдают лицензии даже летом. Но слава богу, что у нас нет такой нужды, что добрались мы в эти гиблые места благополучно, и если так же удастся выбраться назад, то и совсем хорошо. Правда, из мясного в Бомнаке нам уда-

лось закупить только свиную залежавшуюся тушенку, которая на третий же день приелась нам до тошноты. Лето, тепло, а тут — свинина да жирнящая. Теперь мы уповаем на рыбу. К тому же один из нас, а именно, автор этих строк, сильно «заражен» спиннингом и вряд ли когда-нибудь излечится от страсти бегать с переката на перекат, ломиться через камни, кочки и буреломы, чтобы еще и еще забросить где-нибудь блесну или «мышку».

Началось это лет десять назад, когда на одном из холодных притоков Амура таймени в два счета разгромили спиннинги у меня и у моего товарища. Конечно, произошло это больше по неопытности, но урок мы извлекли хороший. С тех пор почти каждое лето на каком-нибудь холодном перекате удается мне выловить кое-что. Вот и сюда я привез три спиннинга. Анатолий Иванович холоден к рыболовству, Борис Андреевич — так-сяк, а Костя совсем еще новичок.

У меня и удилище, и катушка усиленные. Некоторые, видя эту мою снасть, откровенно смеются, дескать, что же ты, братец, китов, что ли, ловить собрался? Пусть смеются. А мне уже удавалось тягаться с тайменями в пуд весом и чуть побольше, и я знаю, что такое одноручный там или какой другой изящный хлыстик. К тому же хлипким удилищем не забросишь настоящую, крепкую и тяжелую тайменью блесну куда следует. Таймень, как я убедился, предпочитает брать ближе у дна, а легкую блесну течение выбрасывает обычно вверх, и рыба либо «мажет», либо цепляется слабо, либо вообще не берет. Нередко кончается тем, что хороший таймень ломает все эти «заводские» якорьки и заводные колечки и уходит либо с колючками во рту, либо с блесной. И ему вредно, а рыбаку — позор. Так что лучше уж понадежнее.

Большое треугольное облако, все золотисто-розовое от первых солнечных лучей, медленно идет к восходу, плавится и садится за лес, а на фоне его радостно кувыркаются какие-то птицы. Свежий утренник бежит с низовий, слегка задирая встречную воду и, подчиняясь ему, лохматится, клубится белопенный туман и все более наползает на высокий береговой лес. Мимо пролетают утки — видимо, холостякующие селезни — шаркаются от нашей палатки и недоуменно вскрикивают, что, мол, тут такое и откуда взялось. Длинные сторожкие их шеи то и дело стреляют в нашу сторону.

Разгорается день. Разгорается и наш костерок, над которым висят два новых, но уже успевших закоптиться ведерка. Одно для варева, другое — для чая.

Мы с Костей готовимся испытать рыбацкое счастье на Онони, которая так заманчиво струит холодок и шумит по камням, а наши товарищи заняты сборами, чтобы отправиться к писаному камню. Идти им километров... Впрочем, кто их тут мерил? Те, кто ездил на оленях, считают, что от устья до писаницы километров сорок или чуть больше, а кто пешком ходил, насчитывают пятьдесят с гаком. Да еще надо знать дорогу, которой, в сущности, нет.

Всем к писанице идти нельзя. У нас Костя, а впереди путь не для него, да и припасы охранять надо. Словом, как ни заманчиво отправиться мне с нашими товарищами, а придется остаться, тем более что я однажды был уже на раскопках с Анатолием Ивановичем, а Борис Андреевич — нет. Теперь идет он.

Студенческая экспедиция, что стояла тут двенадцать лет назад, к писаному камню шла от Локшака, через мари и перевалы. До Локшака они шли на лодках бечевой. Тут после трехдневного ожидания, отдыха и починки приготовились идти дальше. Эвенки-каюры с Ира-

кана привели аргиш оленей. Обратно выходили тоже через Локшак, а здесь, на устье Онони, останавливались, когда уже спускались по Зее.

Главной цели — основной писаницы — тогдашняя экспедиция не достигла, о чем участники ее узнали гораздо позже. Вот что писал Валерий Николаевич. «Утром 23 июня свернули палатку, приготовили выюки на оленей и сели пить чай перед выходом. Каюр, хитро усмехаясь, спросил: «Что нашли?» Мы рассказали о найденном рисунке. Он с явным ехидством продолжал спрашивать: «Еще что нашли?..»

Тогда мы не поняли его иронии, а позже узнали, что каюр Антон Романов, по совету стариков-эвенков, вывел нас не к главному камню, к которому мы стремились, а к другому. Главный камень находился выше по Онони в пяти-шести километрах от камня, встреченного нами. Старики-эвенки не хотят допускать к священному камню посторонних.

Спустя несколько лет в этих местах в одной из экспедиций академика Окладникова побывал и Анатолий Иванович, тоже будучи еще студентом. Тогда каюры, ведшие аргиш, тоже вывели его не к главному камню. И может, все кончилось бы как тогда, если бы этот студент не был так упрям и не имел своего мнения.

Впрочем, теперь самое время рассказать об Анатолии Ивановиче. Лет ему немногим более тридцати. Роста и сложения богатырского, и я всегда думаю, почему он не борец, не метатель молота или диска? Правда, он и сам собирался посвятить себя спорту, тренировался, ставил областные рекорды. После специальных курсов преподавал в школе физкультуру. Отслужив в армии, пошел на историко-филологический Благовещенского пединститута. Второкурсником пришел в эти места искать писанный камень.

Но сначала было сиротское детство, которое пришлось на тяжелые военные годы, детдом, школа, юношеские срывы, увлечения, колебания. И, право же, не сразу верится, что этот пропорционально сложенный, спокойный великан с ребячьей улыбкой, живыми черными глазами, плотной черной бородой и лицом, удивительно похожим на Фиделя Кастро, был когда-то маленьким, болел детскими болезнями и сидел у кого-то на ручках. И, может, потому, что сам-то я невелик ростом, я всегда люблю его мощной и ладной статью, его сильным и спорым лосиным шагом.

В ту первую его экспедицию сюда эвенки-каюры, мягко говоря, заупрямились. Произошел конфликт. Но сколько я ни пытался выпросить Анатолия Ивановича о подробностях, он только усмехался и отмахивался. Дескать, не стоит об этом. Только по отрывочным, разрозненным оговоркам можно было заключить, что тогда пришлось ему не сладко.

Проводники делали все, чтобы и Мазина не пустить к главному писаному камню. Таков был наказ стариков, а старых людей надо уважать и слушаться. Мазин договорился с ними так: если уж они не хотят идти дальше и брать грех на душу, то пусть ждут на месте, а он пойдет один. Долго не задержится.

Было это где-то у устья ключа Якадокита. (Здесь следует оговориться, что одни Онони считают притоком Якадокита, другие Якадокит — притоком Онони.) Он ушел один, ориентируясь где по компасу, где на глаз и отыскал заветный этот камень. Издали он был совершенно не заметен, стоял на сопке, похожей на тысячи других, а снизу от реки отгораживал его высокий лес. Он его увидел с другого косогора, иначе, может, и не нашел бы.

Тогда, семь лет назад, он был еще не так опытен. Да

и цель была другая — найти писаницу, определить ее точное местонахождение и положение, описать, сфотографировать. Этот камень и тогда считался самым труднодоступным. Теперь в памяти Анатолия Ивановича уже десятки таких писаниц. Иные из них найдены им самостоятельно и открыты впервые. И цель теперь другая — более научная.

Что это за камень? Позже я прочитал о нем в очерке Бориса Андреевича, опубликованном в «Амурокой правде»: «Представьте себе пологую вершину сравнительно небольшой сопки. Как и другие, она поросла кустарником, березками и постоянной для севера лиственницей, прикрыта редкой травой, мхом и тем же «волчьим багульником». И вот на ней, словно древний замок, стоит многотонная скала двадцатиметровой высоты. Она вся из гранита, с базальтовыми прослойками. Солнце, вода, ветер, жара и морозы отложились на скале многими трещинами, щербинами и желобками, обточили глыбы, придав им самые разные формы. С одной стороны от основной массы отделились и неизвестно каким чудом держатся два «пальца». Вздываясь отдельно, они кажутся тонкими, но для перевозки хотя бы одного из них потребуется не меньше десятка железнодорожных платформ.

Правильность формы скалы, лежащие друг на друге глыбы, между которыми в базальтовых прослойках виднеются трещины и пазы, невольно вызывают мысль: «А не руки ли человеческие создали эту величественную красоту?..»

Скала эта была, видимо, останцем, то есть более крепкой, стержневой частью сопки. Ее-то и нашел Анатолий семь лет назад. Тогда он был налегке, в спортивном трико и кедах. У пояса нож, через плечо — фотоаппарат. Да еще была небольшая лопатка.

Он сфотографировал скалу с разных точек и подходов, заснял и срисовал наскальные изображения, сделал нужные измерения и записи, по которым можно было бы потом установить точное географическое расположение писаницы.

Более всего поражали красота скалы и рисунки на ней. Тут были и люди с поднятыми руками, и звезды, расположенные почти так же, как на небе, и олени, большие и маленькие. Можно было предположить, что изображены и какие-то ритуальные моменты.

Все это еще предстояло как следует расшифровать и прочесть, хотя в общих чертах было ясно: эти рисунки представляли искусство древнего народа.

На земле еще в самые отдаленные времена было много интересных культур и цивилизаций. Одни возникли раньше, другие — позже. Одни достигли очень высокого уровня, если даже глядеть с теперешних позиций, другие претерпели ассимиляцию, либо став еще богаче, либо утратив что-то существенное, третьи остались в зачатии. Но везде и всюду, среди больших и малых народов, неиссякаемо было стремление к добру и совершенству, к идеалу. Люди шли к нему разными путями, а идеал все время как бы отодвигался и манил дальше, и люди шли дальше. И почти везде, в любом уголке нашей планеты эти пути привели в конце концов к выражению идеала через искусство. Посмотрите на головку Нефертити. Она прекрасна, она идеальна. Вот как хороша земная женщина — источник любви, материнства и жизни, источник поклонения. Любите, уважайте, не оскверняйте святого имени. Искусство объединяет людей, сближает, заставляет быть лучше, ибо оно выражает идеальное, общечеловеческое. Это, видимо, понимали еще древние. Умное искусство почти всегда — добро. Вот на стене дикой скалы какой-то звезд-

ный рисунок. Присмотритесь и увидите, что это изображение Большой Медведицы. Но при чем тут она, Большая Медведица? Очевидно, при том, что раньше у людей не было компаса, кроме этих звезд. И конечно же, изображение Большой Медведицы служило доброй цели: чтобы не было заблудших в тайге, чтобы человек всегда нашел свой путь, свое направление. Надо только почаще приходить к этой скале и все как следует запоминать. Той же доброй цели служили и изображения оленей с оленятами, указывая на то, что это источник благополучия таежного человека. Если бы в этих местах росли хлеба, то на скалах были бы изображения колосьев и других плодов и злаков. Но здесь основой жизни, основой тогдашней экономики были исключительно животные. Их-то и возвеличивали древние, изображая в рисунках на скалах.

Могли эти рисунки говорить, конечно, и о том, что если ты принесешь жертву, совершишь обряд поклонения духам, то у тебя всегда будут большие и маленькие олени, и сам ты будешь здоров, и дети будут рождаться и продолжать твой род. А то, что добрые знаки изображены на величественной скале, напоминающей храм или замок, то это тоже говорит о многом. У всех или большинства народов было общее стремление совершать духовные обряды не где-нибудь в ямах или провалах, а там, где возвышалось бы нечто выше всего прочего и, стало быть, возвышало самого человека и того, кому он поклоняется. Храмы, мечети, соборы, пагоды, минареты, кирхи, костелы, скалы с рисунками, представляющими своего рода иконы, все это уходит не вниз, а вверх. Отсюда же, должно быть, возникла идея духов, парящих над смертными, и идея самого всевышнего.

Обо всем этом Анатолий Иванович подумает потом, гораздо позже. А пока надо было возвращаться на стан.

Но когда он вернулся, там никого уже не было. Каюры снялись и ушли, оставив его на произвол судьбы без куска хлеба, без оружия и теплой одежды, даже без спичек, которые у него, к несчастью, вышли еще там, у скалы.

Позже проводники объяснили, что они отошли к лучшим оленьим пастбищам и там поджидали Анатолия, но он не пришел. Они стали искать его и увидели, что от реки его отжал в горы большой медведь и пошел по его следу. Ну, а раз медведь пошел по человеческому следу, то тут и искать нечего. Съест.

Оглядев покинутое становье и не найдя ничего для себя утешительного, Анатолий пошел по оленьему следу вниз по реке. Июньский день был обычным для этих мест. От Станового тянуло холодком, но в самой долине было уже не холодно, даже припекало и роился всяческий гнус. То и дело приходилось останавливаться и «обрезать» след, давая круги, чтобы разобратся, куда ушел аргиш. И вот так, разбираясь в следах, однажды он слегка отклонился от реки, а когда понял, куда идти, то увидел на своем пути того самого медведя, который, по мнению проводников, должен был его съесть.

Зверь стоял, как бы поджидая его. Анатолий пошел стороной и вскоре понял, что медведь тоже идет. Близо не подходит, но и отставать не отстаёт.

— Чудной какой-то медведь попался, — вспоминал однажды Анатолий Иванович, — я иду, и он за мной. Я останавлиюсь, и он остановится. Сначала страшно было. Потом вроде привык...

В то время Анатолий Иванович еще не читал повести Федосеева «Злой дух Ямбуя», где речь шла о медведе-людоеде, обитавшем в этих краях. Но...

— ...Черт его знал. Зачем он плелся за мной? Может, людоед. А при мне только ножик да фотоаппарат.

Зверь шел за ним весь день, оттесняя его все дальше к гольцам и в сторону от нужного направления. Тут в отрогах Станового есть такие места, где самый хребет настолько узок, что слева пропасть и справа бездна. Но вот и такой хребет оборвался провалом. Назад пути не было, впереди провал, а через него, провисая, лежит старая лиственница. Пошел по лиственнице. Когда уже осталось недалеко до конца, лесина затрещала и переломилась. Но пока еще сучья цеплялись за каменные выступы и расщелины, пока вершина лесины еще не обрушилась вниз, он, перебираясь как только мог, успел дотянуться рукой до края. Повис, подтянулся и выбрался.

Назойливый его провожатый то ли рисковать не хотел, то ли лень ему было обходить провал, то ли другого пути и не было, постоял у провала, потоптался и пошел назад.

Сейчас Анатолий Иванович предполагает, что если бы тогда медведь хотел съесть его, то, конечно, съел бы. Но тут другое... Как раз была пора медвежьих свадеб в этих местах, и мишка, наверно, постарался прогнать лишнего свидетеля. А может, заподозрил в нем и соперника. Как знать?..

...Стали донимать голод и холод, а кругом — ничего, кроме голых скал. Надо было спускаться в долину, к реке. Но где идти, куда идти? А ушел далеко. Да и всякий, наверно, ушел бы далеко, если бы был налегке, а сзади шел медведь.

По каменным гривам было вроде бы легче идти, чем по курумнику или распадкам, где, куда ни ступи, глубокий вязкий мох, ямы, щели, лесные завалы. (Трико уже висело ключьями.) Да гривы тянулись не в ту сторону. Под вечер стало сумрачно, но он все же определил, где запад, где восток, где север. Пошел на восток. Где-то там текла Зея.

Один завал, второй, третий... Навалилась усталость и, как ни странно, пришло безразличие.

Ночевал на песчаной косе какого-то ключа. Для тепла собрал и сдвинул в кучу верховой песок, слегка нагретый за день, устелил старой травой, мхом, чем пришлось, лег и... «всю ночь давал дуба». Ночами тут так холодно, что на лужах вода ледком покрывается.

Потом все с тем же странным безразличием шел еще день, еще и еще... И когда из ельничных зарослей с треском, чуханьем и фуканьем выскакивали медведи, он их уже не боялся. К счастью, все они убегали от него прочь. Даже медведица с малышами пустилась наутек. Видно, и правда, если зверя не боишься, то он тебя боится. Голод, так мучивший вначале, тоже притупился.

И все же он выбрался к Зее. Здесь в полусознательном состоянии, оборванного, побитого и изъеденного комарами, нашли его геологи, стоявшие табором неподалеку от Локшака. Товарищи по комплексной экспедиции его уже искали и совсем отчаялись было. Его доставили в больницу. Долго приходил в себя, но поправился. Теперь уж каждое лето проводил он либо на раскопках в степных районах, либо искал писаницы в тайге. Разумеется, опыт первого похода тоже не прошел даром.

Все чаще стали говорить, что ему везет. Опять нашел писаницу... Опять нашел слой жертвоприношений... Нашел бронзовые ножи там, где их найти никак не предполагал никто.

Чудные люди. Им не верилось, что те расстояния, которые обычные экспедиции, хорошо оснащенные и с проводниками во главе, проходили за лето, он проходил за месяц. Часто с ружьем за плечами и собачками.

Пешком, на оленях, на моторке или байдарке он бывал в самых труднодоступных местах. Средняя и

Верхняя Зeya, Уркима, Ньюкжа, Олекма, Алдан, Арги, Уркан, Архара, Верхний и Средний Амур...

Этим летом ему надо было успеть побывать у шестнадцати писаниц. Наш поход был, пожалуй, наиболее сложным, потому что успех его зависел исключительно от большой воды и хорошей погоды. В другие места, как говорил Анатолий Иванович, он и один заберется или с кем-нибудь вдвоем. Были бы собаки да оружие.

Легкий на подъем, противник всяческих излишеств, он давно уже предпочитает обходиться без найма каких-либо проводников. Во-первых, потому, что во всех местах, где предполагалось что-либо интересное, он уже побывал и знает сам, как туда добраться. Во-вторых, с проводниками, как ему кажется, больше волокиты, больше хлопот и всяческих затрат. Конечно, государство не жалеет средств для науки, но и оно не дойная корова. И коль у самого есть смекалка и силенка, то лучше уж на себя и полагаться.

Весной 1971 года Анатолий Иванович побывал даже в Заполярье, на Индигирке, в районе Зашиверска. Там с давних времен стояло вымершее русское селение с церковью, сработанной без единого гвоздя. Этот храм семнадцати метров высотой группа известных археологов, в том числе и Мазин, как памятник древнего зодчества, помогала перевезти на территорию Новосибирского академгородка. Об этом сообщалось однажды в «Неделе».

Индигирская экспедиция, как и экспедиция на Усть-Ту в Шимановском районе, не имела прямого отношения к диссертации Анатолия Ивановича, но археологи — народ дружный и самоотверженный, сродни землепроходцам, и когда надо, идут в любые края ради науки.

Селение на Индигирке однажды постигла страшная беда. Все жители, потомки вольных людей, бежавших

когда-то от царя в Зашиверск и дальше, вымерли от черной заразы, которая, как огонь, прошла по всем домам. В живых, говорят, осталась только одна маленькая девочка, на глазах у которой вымерло село и скончались ее родители. Сама она была обречена на голодную смерть. Но вот однажды услышала она звон ботала и догадалась, что это олени, а раз олени, то за ними обязательно кто-нибудь придет. Она пошла к оленям и несколько дней держалась рядом с ними. Потом за оленями пришел якут и спас девочку.

Много лет в это мертвое село никто не смел заходить, боясь заразы. Случилась та беда в 1912 году. С тех пор село стояло пустым. Пустовала и церковь. И вот ее бережно разобрали и, сохраняя каждую досточку, на плечах перенесли к реке, чтобы затем погрузить на баржу. Там же, на Индигирке, Анатолий Иванович подстрелил и своего четырнадцатого медведя. После первого знакомства с этим зверем в отрогах Станового у него потом много было подобных встреч. Бывало, выйдут экспедиционные запасы, и бежит Анатолий Иванович зверя искать. Пройдет километров тридцать, а то и все пятьдесят. Иногда пустой вернется, иногда с добычей, а иногда найдет и что-нибудь «археологическое». И опять говорят: «Везет человеку».

Отправиться вверх по Онони наши товарищи полагали после обеда, так как путь предстоял не из легких, и к нему приготовиться следовало основательно. Мы же с Костей «рванули» со спиннингами наперевес в разведку по Онони, рассчитывая к обеду или раньше вернуться на табор.

Ах, что это была за речка! Светлая, с перекатами и сливами, с плесами и шиверами. Только бы и стоять тут тайменям да ленкам. Но сколько мы ни бросали —

никаких признаков рыбы. Что за пропасть? Ведь еще на устье Мультуги один геолог-сезонник расписывал нам, как он тут тягал на «мышку» во-от такенных ленков!

Мы старались срезать кривуны и излучины по берегу да по лесу и скоро убедились, что ходьба тут хуже каторги: вся долина изрезана промывами, сплошь завалена валежником, который нередко лежал в несколько ярусов и то ли не успевал сгнивать, то ли вообще не гнил, потому что все это была смолевая лиственница. Сучья сухие, жесткие, колючие, непролазные, а из всего этого торчит высокое сухое мелколесье, опять же лиственничное, частое и колючее. Это то, что не выдержало конкуренции с большими лесинами и засохло на корню. Сушины эти настолько высоки и прогонисты, что годились бы и на жерди, и на шесты, и на какие угодно удилища. Ну, а в самом низу полуметровой толщины мох, пронизанный ерником да болотным багульником. Нога тонет и вязнет, как в свеженамытом песке с илом, и то и дело соскальзывает с чего-то во все стороны. Подо мхом мерзлота, камни, законсервированный валежник. Мочажин, болот и озерушек тоже вдосталь. Где по валежинам, где под ними — на четвереньках, где по промоинам кое-как срезали мы кривуна два и закаялись. Одежка на нас стала грязной, мокрой и порванной. Кое-где уже были царапины, пот катился градом, а лики наши изукрасились сотнями раздавленных комаров. На таборе у нас была «ДЭТА» — отличная штука от всякого гнуса, но мы ее забыли и теперь жалели об этом.

Смолоду мне немало пришлось побродить по сибирской тайге, потом побывал в уссурийской, где летом ходить очень и очень трудно, но, право же, здесь было труднее всего.

А рыбы не было. Все чаще мы стали совать руки

в воду и с горечью убеждались, что вода-то не такая уж холодная, успела нагреться. Значит, рыбка ушла в верховья, где ключики бьют да ручьи по мерзлоте стекают и не успевают нагреваться.

Еще в начале пути я сказал Косте, что вот пройдем километров пять и, если нет ничего, назад топаем. Костя согласен. Но теперь мы идем не по лесу, а с косы на косу. Только вот рыбы все нет и нет...

Ветерок то подует, то стихнет, и комары то навалятся на нас, как ворох мякины, то отхлынут в сторону. Но косами и водой, где больше движение воздуха, идти намного легче, чем по лесу. Да и зверь, видать, предпочитает ходить тут же. Эвон сохатые набродили, как коровы где-нибудь возле деревни. Видел я медвежьи следы — большой и совсем маленький, но Косте не сказал, только начал громче разговаривать и даже петь, чему Костя несколько удивился; потом привык и сам запел. Вот и ладно, зверь услышит и вовремя уберется восвояси.

Подошли к скале, крутой стеной уходящей в темную от глубины воду. Хорошее место! Большой темный плес, а ниже и выше шумят перекаты. Бросаем блесны, бросаем «мышки» — ничегошеньки!

Лезем дальше, лепимся к скале над самым омутом. Пролезли. Впереди широкая коса. Шумим, поем, идем дальше, опять бредем через перекат.

— И-есть!! — звонко и радостно кричит Костя.

Что-то сладкое боднуло меня по сердцу. Неужели есть?! Наконец-то!

Увы! В данном случае Костино «есть» означало лишь то, что его сбило с ног, и он, выставив руку со спиннингом и задирая ноги, сплывал вниз, бороздя штанами по камням.

Молодец Костя! Не боится. Смеется. Но на косу он

выбрался весь мокрый. Спортивные его штаны с начесом теперь весили, наверно, не меньше пуда и, конечно же, не могли держаться даже на тугой резинке. Презирая комаров, Костя разделся, и мы вдвоем стали выкручивать его отяжелевшие штаны. Пошли дальше. Авось повезет.

На правом берегу, на взгорке, нашли чье-то бывшее становье: колышки, обрубки, головешки, зола, консервные банки. Решили, что геологи.

Идем дальше. Костя считает, что пять километров давно уж прошли. Я тоже думаю, что прошли, но еще торгуюсь. Мол, в тайге оно всегда так — вроде много пройдешь, а как смеришь, то меньше оказывается. Все же мне хочется выйти на устье какого-нибудь холодного ключа. И тогда...

Плечи мои и руки болят от постоянного махания спиннингом. Пусто... Не солоно хлебавши поворачиваем назад. Идем, идем, а до палатки все еще далеко. Только теперь понятно становится, что ушли мы не за пять километров, а гораздо дальше. Костя не заметил, как потерял катушку от своего спиннинга.

— Ну иди, ищи, — говорю, — а я подожду.

Он отошел за тальниковые кусты и стоит, прикрывая, что нет ее нигде, неладной этой катушки.

Я понимаю человека. Устали мы. А в одиночку и я, наверно, потрухивал бы: ни собак у нас, ни ружья. У Кости складешок, а у меня «тесак» из японского штыка.

— Ладно, — говорю, — потом поищем.

Идем, и я пытаюсь довести до Костиного сознания, что в тайге терять нужные вещи — самое последнее дело. Ничего тут не купишь, никто для нас запасов не сделал. Он согласен и уверяет, что катушку мы потом обязательно найдем. Куда она денется?

Вообще мне хотелось бы, чтобы Костя побольше удив-

лялся. Ведь все же забрались мы в такие места, которые городским Костиным сверстникам и во сне не снились. Да и Борис Андреевич рассчитывал на то, что, лазая тут со мной, Костя проникнется кое-чем и потом, может, будет бредить новыми походами, а это все же лучше, чем убивать свободное время у телевизора. Но Костя пока ничему не удивлялся, а может, старался не удивляться, и это надо было понимать. Он уже не маленький — десять лет человеку и всякие там ахи да охи не достойны настоящего мужчины, пусть даже он очутился бы на Северном полюсе или в джунглях.

Проводив наших товарищей, мы еще раз побывали на Онони, надеясь, что ночью, может, клюнет какой-нибудь ленок на «мышку». Мы даже пытались забраться вверх на лодке, чтобы потом в темноте легче было спускаться. Но лодка оказалась слишком велика и тяжела, а перекаты слишком мелки и быстры, и одолели мы всего три переката. Тут и оставили лодку.

Ночь тоже ничего не дала нам, кроме нескольких новых царапин да ссадин.

Спали как убитые, поскольку за день и за вечер набегались всласть и поустали. После завтрака, когда рассеялся туман, увидели, что напротив нашей палатки по середине Зеи образовалась коса. Вода продолжала падать. Каково-то будет нам выбираться отсюда?

Переплыли Зею, привязали лодку к валуну и двинулись вверх, надеясь найти какой-нибудь холодный приток. Чем выше шли, тем больше становилось камней, и наконец пошли сплошные завалы и каменные откосы, переходящие в скалистые сопки. В береговых расщелинах, плохо прогреваемых солнцем, там и тут лежал еще голубовато-белый лед. Костя откалывал кусочки его, сосал и уверял, что это очень вкусно.

Ночь застала на обратном пути. Опять у нас пусто, но все равно побрасываем в Зею «мышек». И только раз «чавкнул» какой-то ленок, да и тот промазал.

По причине густой темноты не обходим обрывистые берега, опасаясь выткнуть глаза о сучки. Бредем водой, погружаясь иногда по грудь. Холодно, зато это купание прогоняет лень и заставляет спешить, чтобы согреться.

Наконец-то пошла галечная коса. Еще километра три... А вот и лодка чернеет. Пришли. Переплыли, отдохнули, сготовили ужин и — на боковую.

Назавтра такой же маршрут проложили вниз по Зее и принесли одного ленка. Это был хороший ленок — ладони в две шириной, красновато-коричневый, с тигровыми пятнами по бокам и спине. Но это не рыба, если учесть наши первоначальные замыслы. Теперь-то мы точно знаем, что рыба ушла в верховья и спустится лишь тогда, когда вода станет холодней. Но вода падает и становится все теплей. Мы даже искупались и лишь слегка покрылись гусиной кожей. Опять намаялись до чертиков.

На следующий день вспомнили, что где-то в мешке лежит небольшая сетка. Сеткой я никогда не рыбачил и не знал, как с ней обращаться, потому-то и провозились мы с ней до обеда. Да еще дул низовой ветер, лодку нашу гоняло по плесу ниже косы во все стороны, а сетка цеплялась за дно и все больше путалась.

Рыбацкий запал у нас прошел, и мы чувствуем, что начинаем разлениваться. Этакая вялость и безразличие. К тому же с питанием слабовато, на тушенку не тянет, а с макарон тут много не набегашь. Правда, чаю у нас вволю. Единственное утешение — стоит хорошая погода. То ли оттого, что мы смотрим на Зею, где все обширней и выше становится коса, через которую текут

многочисленные ручьи, то ли оттого, что в небе плывут блестящие тонкие облака, дни нам кажутся серебряными.

Нам скучновато: мы одни и развлечься нечем. Пробовали делать берестяные короба и собирать в них красную смородину. Да много ли нам ягоды надо? Наелись до отвала и для товарищей хватит.

Пока — никаких «ЧП», но как знать. Наши товарищи забрали с собой и оружие, и собак, и, случись что, мы не знаем, как будем вести себя.

Опять с пустыми руками я иду домой. Правда, нашел большую глыбу как бы спрессованной слюды. Но слюдой тут никого не удивишь. Эту глыбу, наверно, принесло из Джагормы.

Иду и опять поражаюсь, какая тут большая бывает вода. Каменистая коса спускается к воде, как сопка, и если взять по отвесу, то высота косы будет метров пятнадцать. Но это еще не все. Деревья, стоящие на берегу, тоже заливались водой почти наполовину. Об этом красноречиво говорит хворост и всякий хлам, застрявший в сучьях. Стало быть, от теперешнего уровня воды до того, какой был, по отвесу будет не меньше двадцати пяти метров! И понятнее становится, откуда в низовьях Зеи берутся такие паводки, что заливают улицы, пашни, сенокосы и пастбища. Понятно, на какие воды рассчитана и Зейская ГЭС.

После косы Зея делает поворот и долго течет почти прямо. Мне кажется, что отсюда уже должна виднеться наша яркая палатка, но мне почему-то ее не видно, и тревога начинает сосать сердце. Уж не случилось ли что?

И вдруг я слышу далекий пронзительно-тягучий крик. Голос явно детский, но о чем и что кричат, не поймешь. Просто вырывается откуда-то из лесу, летит над рекой, бьется в горный берег и долго еще блуждает там

в деревьях и скалах отчаянное и жалостное: «...а-е-е-е-е-е!!»

Костя!.. Значит, и впрямь случилось что-то. Ох, не зря так муторно было на сердце, когда я уходил, оставляя парнишку одного. Пожалел, называется!.. И на кой черт сдалась мне эта беготня: ведь ясно, что рыба ушла в верховья. Что есть мочи бегу на крик, бежать тяжело — камни. Ноги раскатываются, и с каждым шагом слышится лязг и скрежет. А берегом бежать — и думать нечего. Сразу же наткнешься, застрянешь, запутаешься.

— Ого-го-го-го-г-о-о-о-о-о!!! — ору я, стараясь, чтобы вышло и мощно, и грозно. Это чтобы и Костя услышал и зверь-разбойник понял, с кем предстоит дело иметь, и удира!.. пока не поздно.

— А-е-е-е-е-е-е!!

— Ого-го-го-го-о-о-о-о!!

Нет, не успею. Это же надо бежать километра четыре. По камням-то! А бежать надо. На сколько сил хватит. Бежать и подавать голос... И я бегу и ору.

Но детский крик вдруг прервался, и сколько я ни кричал, ничего больше в ответ не слышалось. Быстрее, быстрее, быстрее...

Обливаясь потом, с гудящими ногами и дыша, как загнанный ездовой олень, выбежал я на мысок и только тут понял, что палатку было не видно. Зоя забирала чуть вправо, и береговой лес заслонял палатку. Фу, черт!.. Но, все-таки... кто же кричал?

— Костя-о-о-о-о!

Молчание. Нет. Что-то неладное. Но теперь уж недалеко. Только перебрести Онони. Гремлю галькой, хлюпаю по воде.

Вот он и тот берег, вот она и палатка.

— Костя-я-я!

— О-э-эв, — отзывается Костя из палатки.

Все. Можно не спешить. Даже необходимо успокоиться, принять усталый и безразличный вид, а то Костя еще подумает что-нибудь.

— Ну ка-ак? — опять же из палатки спрашивает Костя.

— Никак, брат, никак! Только ноги вот набил. И кеды — вдребезги.

Повздыхав с облегчением, остыв и отдохнув, спрашиваю.

— Костя. А ты не кричал?

— Нет.

— А не слышал, как кричал кто-то?

— Слышал.

— Как?

— А так... тонко и долго... ме-е-е-е.

— Ну правильно. А кто бы это мог быть? Я думал, ты. Думал, случилось что. Торопился.

— Не знаю, дядь Коль. Но кричал кто-то.

— А ты не испугался?

— Ничуть. Да и крик-то был... Х-хы...

Долго я потом ломал голову. Кто же кричал? Олень... Желна... Журавль... А крик был такой зовущий, такой жалостливый и звонкий. Да я и до сих пор не знаю, кто кричал, только крик этот так и стоит в памяти, так и слышится, как вспомню о нем.

Теперь уж мы никуда не спешим. Проверим сетку и — на боковую. Отношения у нас на равных. Если я насорю в палатке, Костя критикует меня, если он — я его. То же самое по отношению к посуде и одежде. Иногда Костя мне рассказывает анекдоты. Вполне занятные и вполне детские.

Иногда мы поем в два голоса. Не очень-то у нас ладится, но зато дружно. Однажды мы говорили о песнях, и Костя выказал довольно верные суждения. Дес-

кать, народные песни, как жили, так и жить всегда будут. А всякие такие песенки попоют и бросят, попоют и бросят. Шибко много всяких песен насочиняли. И про стрелочника, и про лесорубов, и про геологов, и про туристов и... про всех, про всех. А все равно поют те, которые по душе. Одну песню Костя зарезал начисто и, когда ему хотелось пошутить и развеселиться, он вспоминал ее.

Лежит, катается в палатке и вдруг начинает:

— Ведь мы девчата. Да-да-да, вот-вот-вот.

Каждое утро мы проверяем нашу несчастную сетку. И ни больше ни меньше, а ровно по одному ленку в сутки выдает нам Зей.

Однажды я поехал проверять сетку уже перед вечером. Сетка стояла почти напротив палатки, ниже галечного островка, возникшего от спада воды. Но сначала надо спуститься несколько ниже и обогнуть островок. Течение быстрое, и надо успеть вовремя направить лодку ниже островка на плес. Этим я и занят был, пока не вышел на плес. И тут я почувствовал, что вроде бы на меня кто-то смотрит сзади. Оглядываюсь и вижу в каких-нибудь сорока метрах от себя великана сохатого. Он стоял под берегом у самой воды, собравшись, видимо, уходить, но любопытство взяло верх, и вот он, полуразвернувшись, уставился на меня и на лодку с таким телячьим недоумением, что нельзя было не умилиться. Долговязый, с лошадиной статью, гладкий, темноспинный, с ногами в серо-палевых «чулках» рогач выглядел до того щеголевато и красиво, что как-то и не верилось, что в этой мрачной тайге может родиться и вырасти эта живая красота. Эх, жаль — Костя не видит. Небось возликовал бы, удивился бы наконец-то.

Я стою в лодке и смотрю на сохатого, он — на меня. Наверно, ничего не найдя во мне опасного, он как-

то нехотя полез на береговой откос и загремел галькой. Я тоже отвернулся и погреб к сетке, всем своим видом стараясь показать, что ты, брат, можешь не бояться и всегда запросто приходить сюда на водопой. Нам даже будет веселее. И Костя посмотрит.

Доплыв до сетки, я зацепился за нее и еще раз оглянулся. Сохатый стоял уже на берегу и, полускрывшись за выворотнем, опять смотрел в мою сторону точно так же, как смотрит корова на что-нибудь незнакомое. Наконец это ему, кажется, надоело, и он, наверно, фыркнув, пошел в лес.

Вернувшись, я сказал про сохатого Косте, и он пожалел, что не поплыл со мной. Зато на завтра он держал в руках молодого крохалю. Тот охотился за мелкой рыбешкой как раз у нашей сетки и запутался. И хорошо, что у самого верха. Я выпутывал утку, а Костя, смеясь, любуясь и радуясь, разговаривал с ней и называл ее всякими ласковыми именами. Выпутав крохалю, я хотел тут же отпустить его, но Костя так и взмолился:

— Дядь Коль! Дайте я выпущу.

Крохаль шипел, клевался, а Костя радовался и бережно держал его в руках.

— Иди. Живи, дурачок, — сказал он и отпустил пленника.

Крохаль плюхнулся на воду и еще некоторое время сидел, недоумевая, что делать. Он уже, наверно, привык сидеть в сетке. Но вот он гребанул лапками, оживился и заработал лапками и крыльями с таким проворством, что вода сзади заплескалась, как от глиссера.

— Вот дает! Вот дает, дядь Коль! — ликовал Костя. — Теперь мне есть о чем писать сочинение. Позавидуют!..

Мне это в Косте очень понравилось. Ага. То-то же. А то я думал, ничем тебя не удивишь.

Прошла уже неделя, как ушли наши товарищи. Пора бы им вернуться.

Опять пылало розовое утро. Опять стоял серебряный денек. Вода упала, но устоялась на одном уровне. К вечеру она начинает прибывать. Галечный островок напротив нашей палатки становится ниже и уже. Кое-где через него с шумом и ворчанием прыгает и переливается вода. Происходит это потому, что в хорошую погоду там, в отрогах Станового, дружно тает лед, который, говорят, лежит по берегам речек и в каменных лощинах все лето. К утру вода опять усмирится.

Продукты на исходе, и если наши товарищи задержатся, то выбираться нам отсюда придется голодными, хотя и так мы изрядно отощали. Круглые Костины щеки поубавились, и он теперь кажется взрослее. Но я еще не слышал от него никаких жалоб. Молодец.

Но прошел и этот день. Сгустились сумерки. Мы поужинали, закрылись в палатке и занимаем себя разными разговорами. Потом пришла ночь, а наших все не было. Мы стали засыпать. И вот тут-то...

Что-то зашумело, затопало под берегом, кто-то зашуршал и засопел носом. Я подвинул поближе к себе свой тесак, который на ночь всегда клал рядом, насторожился и жду, что будет дальше.

— Эй, вы, живые тут?!

— Хо-хо!

— Ур-ра! Наши пришли!

И мы рады, и «наши» рады. Куда девалась наша лень: разжигаем костер, варганим ужин, угощаем дорогих гостей.

Костя стосковался, и только теперь я понял это. Он подходит к устало сидящему отцу и прижимается к его колену.

— Ну как ты тут?

— Нормально.

— А мы, правду сказать, сильно переживали. Сколько раз жалели, что не оставили вам одну собаку и ружьишко. Идем, а тут кругом медвежьи следы. И по вашим следам медведица с двумя мальцами ходила... Катужку вашу нашли... Далеко вы забирались. Мы в первый-то день как раз ночевали там, откуда вы вернулись... Подзадержались. Тропу искали. Не нашли. Все заросло.

— Да у вас-то как? У вас-то?!

— Отлично. Туда шли три дня с поисками все той же тропы. Там почти три дня провели, а оттуда вот за день дотопали. С косы на косу, по реке. Так-то легче оказалось. Вышли спозаранку и вот километров пятьдесят протопали. Ноги гудят. Ночевать хотели, да душа не на месте. Думаем, как тут они без собак, без ружья...

Да. Сходили они вполне удачно, если не считать безуспешных поисков тропы, на что затратили много времени. Нашли сначала не главный писанный камень, то есть тот, где стояла студенческая экспедиция и вместе с древними рисунками оставила свои знаки — «БГПИ» — Благовещенский государственный пединститут. А от него до главной писаницы было каких-то километра три, если идти напрямую.

У главного камня, о котором уже шла речь, произвели раскопки, заложив несколько разрезов. Нашли берцовые кости сохатого, скребки, наконечники стрел, черепки глиняной посуды, монеты с дырками посередине, стеклянные бусинки, каменное рыболовное грузило и многое другое, что приносили древние охотники в жертву духам под эту скалу.

Борис Андреевич в восторге. Все не верилось ему, чтобы здесь, в далеких диких местах, где каждый шаг

дается с большим трудом, обитали наши предки, охотились, боролись со всевозможными бедами и приносили под скалу свои жертвы.

Что касается Анатолия Ивановича, то он спокоен и вполне доволен результатами. Еще одно подтверждение в пользу его открытия. Все это, разумеется, уже оформлено было документально, с помощью кальки и миллиметровки, компаса, транспортира и фотоаппарата.

Дело в том, что раньше археологи, имеющие дело с писаницами, искали подтверждения жертвоприношениям прямо у подножий писаниц и, как правило, ничего утешительного не находили, хотя насчет жертвоприношений сомнений не было. В этой связи даже появились различные оправдательные версии. Но вот наконец точки над «и» были поставлены, и сделал это Анатолий Иванович. Подумал он, поразмышлял, повзвешивал обстановку и решил копать, все более отступая от каменной стены. И копал до тех пор, пока не наткнулся на вполне реальный и хорошо видимый слой жертвоприношений. Собственно, и само это понятие — слой жертвоприношений, обязано окончательным своим утверждением Анатолию Ивановичу. Опять стали поговаривать, что Мазину «везет». Но, как известно, само ничто не «везет», если его не везти. А Анатолий Иванович вез, может, за троих.

Теперь ему предстояло детально расшифровать все рисунки, установить их, так сказать, концепцию и назначение, определить датировку, то есть установить время возникновения всех этих археологических знаков и находок и сделать обобщения. Затем на этом основании вернее можно будет судить о культуре и всем жизненном укладе тогдашнего народа.

Впрочем, мне не стоит вдаваться в тонкости археологии и истории, тем более что это не мой профиль. К

тому же было бы неприлично лезть «поперед батьки». Слово тут за самим Анатолием Ивановичем. Одно скажу: его научная работа обещает быть интересной.

От Онони до Бомнака шли два с половиной дня и не однажды убеждались в справедливости слов здешних жителей о том, что спускаться еще труднее. То и дело натыкались на отмели, лодку вели в руках, выключали мотор, толкались шестами, искали обходы и проходы. Но у нас уже был опыт, и все кончилось в общем-то благополучно, если не считать, что в одном месте нашу лодку все же ударило о что-то и в борту получилась пробоина. Но плыть уже оставалось немного. Лодку мы отремонтировали и перед вечером вошли в Бомнакскую, уже сильно обмелевшую протоку.

Встретились с председателем колхоза, и он сказал, что они тут уже не на шутку беспокоились, так как ждали нас гораздо раньше. Он даже немного удивился, что все у нас обошлось благополучно, и для этого у него были основания, так как даже с проводниками на здешней реке частенько случается что-нибудь.

Еще через день мы летели на самолете, а Анатолий Иванович, разменявшись лодками, отправился со своими лайками по воде за день раньше.

Летели мы на «кукурузнике» и довольно высоко. Сверху хорошо было видно и Зею, и ее многочисленные притоки, и все это напоминало большое серебряное дерево. Однажды на реке заметили и лодку. Наверно, это плыл Анатолий Иванович.

Ему по пути еще надо было побывать в каких-то береговых пещерах, где он отыскал однажды бронзовые ножи. Тема эта не его, но у него есть товарищ, который занимался этим, и наш Анатолий Иванович решил помочь ему. Товарищ совсем было склонился уже к тому,

что эти бронзовые ножи распространились путем, который пролегал гораздо южнее. А вот Анатолий Иванович опять внес поправку.

Чем ближе подлетали к Зейским воротам, тем горы становились выше. Слева долго маячила громадная шапка какой-то главной горы. На ней, видать, ничего не росло, кроме лишайника, и поэтому она казалась светлей других. Вот эти-то горные массивы на пути самолета и называют здесь «перевалом». Если перевал закрыт тучами, самолет не летит. Но сейчас все было видно, и мы не переставали удивляться крутизне и причудливости здешних хребтов.

А вот и Зейские «щеки». Отроги Соктахана и Тукурингры. Внизу с обеих сторон реки желтеет развороченная каменная твердь, и стоит легкий дымок — строится Зейская ГЭС.

А вот и город Зея. Самолет идет на снижение. Наше путешествие заканчивается. Сегодня первое августа 1971 года.

Председательский хлеб

Осенью 1958 года один из моих тогдашних коллег, ученый зоотехник, выпускник Благовещенского сельхозинститута упрósил меня поменяться местами работы. По семейным обстоятельствам ему было удобнее работать в Благовещенском районе, в райсельхозинспекции, которая располагалась в центре города, а мне, по его мнению, все равно.

Мне, конечно, было не все равно. Все-таки это был мой район, моя зона деятельности, где я привык, знал пути-дороги и людей, с которыми встречался по работе.

Но уговорил меня коллега. У него рушилась семейная жизнь. Жена. Двое детей.

— Понимаешь. Я там живу, они тут в городе, а ехать ко мне ни за что не хотят. Квартира тут у нас хорошая, из трех комнат, паровое отопление. Так что мне и квартиру хлопотать не пришлось бы...

И очутился я в Константиновском районе. Езжу, знакомлюсь с селами и людьми, слушаю старожилов и непривычно мне. В Благовещенском районе, где проработал четыре года, были и дубовые леса, и сопки, а здесь все распаханно, только влажные луговые места да приозерные понижения не тронуты плугом. Впрочем, старожилы говорили, что и здесь раньше были леса.

Непривычными поначалу казались и названия сел, потому что были они слишком похожи на другие знакомые названия. Полтавка, Ново-Троицкое, Ново-Петровка, Орловка... Вообще на Амуре много сел с добавлением «Ново». Это потому, что переселенцы так пожелали. В России, откуда они прибыли, тоже были и Петровки, и Троицкие, и Покровки, и Полтавки. Но там просто, а здесь «Ново» — новые села, на новом месте, на земле амурской. Немало тут и таких сел, которые носят названия прежних губерний: Тамбовка, Черниговка, Кострома, Ново-Киевка, Ивановка, Тавричанка...

Села Константиновского района возникли сто и более лет назад. Сама Константиновка основана в 1858 году и названа так в честь Константина Николаевича Романова — президента Русского географического общества. В то время в селе проживало 280 душ мужского пола и 243 — женского. Позже появились церковь и начальная школа. Население занималось хлебопашеством, рыбной ловлей, заготовкой и вывозкой дров для

пароходства. Через двадцать лет после основания села в нем насчитывалось около сотни дворов, триста лошадей, а земли распаханно было 1235 десятин — немногим более десятины на душу.

Медленно и трудно становилась Константиновка на ноги. Если земля рожала неплохо, то скот в иные годы чуть ли не поголовно вымирал от заразных болезней, обрекая крестьянина на нищенство. Но прошли годы, и жизнь взяла свое.

В то время, когда я приехал в этот район, там насчитывалось более ста сорока тысяч гектаров сельхозугодий и около ста тысяч гектаров пашни, население составляло более тринадцати тысяч и на каждого, непосредственно занятого в сельском хозяйстве, приходилось по несколько десятков как лошадиных сил, так и гектаров пашни. (Триста лошадей, которыми располагала когда-то казачья станица Константиновка, пожалуй, не сравнились бы силой с одним «Кировцем».)

В этих местах я как-то сразу почувствовал разницу в экономическом положении колхозов и в том, как хозяйствовали люди. Перелетных было меньше, и на базар ездили реже. Текучка была, но не такая, как близ города, председателей меньше дергали и не так часто меняли. В Благовещенском районе, за время моей работы, в каждом из семнадцати тогдашних хозяйств сменилось их по два да по три. А здесь, как мне сказали, сменилось лишь несколько, да и то с приходом тридцатитысячников.

Здесьние села хотя и дальше были от леса, от сплавных рек, от железной дороги и снабженческих центров, а выглядели куда солидней селений пригородного Благовещенского района, и это сначала казалось странным. Но положение было именно таково: чем ближе к областному центру, тем беднее хозяйства. А при-

чина была все в той же текучке и пустопорожном тру-
додне.

Константиновский район был глубинным, степным, с устоявшимися кадрами и традициями. Земли хорошие, урожаи приличные, и на трудодень было что получить. В некоторых хозяйствах уже тогда начали переходить на денежную оплату.

И вот вижу: работают люди охотнее и с лучшим отношением к общему добру. И веселья, и душевности побольше. Даже заседания бюро и совещания проводились иначе, чем в моем бывшем районе. Обстановка была спокойней, деловитей и человечней, хотя, в сущности, выполнялись те же самые задачи. Так что я даже воспрянул духом.

Немалую разницу нашел я и в председателях, чей хлеб никогда не был легким. Держались они естественней и уверенней.

Но, как и во всяком, наверное, районе, был здесь председатель, у которого при одинаковых с другими условиях дела всегда были немного лучше.

Михаил Давыдович Мормоль. Говорили тогда о нем всякое. Хитроват, скуповат, себе на уме, не пьет, не курит, рано встает... Хотя, пожалуй, никто бы не решился утверждать, что именно эти качества были главной причиной его всегдашних успехов. У других подобные достоинства тоже имелись. Значит, было что-то и другое.

Были попытки обобщить его опыт, но всякий раз дело это как-то заминалось. Сам Михаил Давыдович почти ничего о себе не рассказывал. Это во-первых. А во-вторых, что это за опыт, если каждую весну председателя ругают, что и пашет, и сеет не так, то есть в нарушение официальных графиков и установок. Пока идет весенняя кампания, он не один выговор схло-

почет. А что касается ценных починов, так он их тоже не вдруг поддерживает. Но при всем при этом по осени его колхоз получал наилучший в районе урожай и выполнял то полтора, то два плана.

Были у Михаила Давыдовича вроде бы даже смешные черточки. Скажем, в других колхозах, если придет делегация, ее кормят и поят послаще и денег не берут, а Мормоль хотя и угощает, но в заключение его бухгалтер обязательно объявит, сколько с едока причитается.

— А как же? — удивлялся председатель, когда над ним пошучивали, — что скажут колхозники? Скажут: ишь председатель за счет колхоза какой хлебосольный!..

Причем это он говорил так искренне и с таким чувством правоты, что шутникам становилось как-то неловко.

Или вот пастух соседнего колхоза однажды проспал, и несколько телок прибилась к новопетровскому стаду, то есть к поголовью колхоза, где председательствует Михаил Давыдович. Дней через десять или позже пастух явился и потребовал отдать приبلудных.

— Бери, пожалуйста, — сказал председатель, — только уж, будь добр, расписку напиши. Так, мол, и так: такого-то числа, столько-то телушек отбилась и примкнуло к чужому стаду, а теперь вот я их нашел и получаю обратно. А то мало ли что...

Пастух с удовольствием пишет расписку, получает телок и отбывает восвояси в полной уверенности, что правление не узнает о его халатности. Но на завтра же правление соседнего колхоза получило счет с приложенной к нему распиской. Согласно счету и расписке, с пастуха надлежало вычесть всю ту сумму, которую он получил бы, если бы пас отбившихся телок, и на-

числить эти деньги, с учетом привеса, новопетровскому скотнику, поскольку это он пас потерянных телок.

Мелочь вроде бы. А ведь существенная мелочь.

Вообще, как я понял позже, он очень строго разделял для себя то, на что имеет право и на что не имеет. И получалось, что по большинству пунктов, особенно нравственного порядка, председатель не имеет, не имеет, не имеет права. И как тут не вспомнить тех, кто, ссылаясь на успехи социализма, не стесняется явно и тайно как можно больше «иметь», пренебрегая тем, что людей воспитывают не столько слова и лозунги, сколько сами человеческие поступки и действия.

Константиновские колхозы одними из первых в области начали покупать машины «Волги». Даже те хозяйства, где доходы были много меньше, чем в «Амуре» (так тогда назывался колхоз, руководимый Мормодем). А вот Мормоль все не решался. Съедутся, бывало, председатели в район на совещание, стоят у здания райкома новенькие «Волги», поблескивают лаком, и от этого хорошо как-то на душе. Давно ли ездили они на разных двуколках и драндулетах? И вот уже «Волги». Шутят председатели, мол, что же ты, Давыдыч, до сих пор на этом «Козле» едешь? Тебе ли скушаться с твоими доходами?

— Да вот, не решили еще, — улыбается Давыдыч обычной своей вроде бы чуть виноватой улыбкой.

«Волга» в «Амуре» появилась много позже, чем в других константиновских хозяйствах, да и то лишь тогда, когда дорожники выправили дорогу на Ново-Петровку, а колхозники сами запросили «Волгу». Теперь колхозники ездили на «Волге» — кто в больницу, кто в магазин, кто в роддом или в гости, а председатель все на «Козле». «Чудной, непонятный...»

А дело опять-таки было в простой человеческой со-

вести, в том самом председательском «имею» и «не имею». Не имел он права, стеснялся первым кататься на «Волге». Для иных это смешно, а для него — серьезно. «Волга» — не производственная машина.

Или вот когда перешли на денежную оплату, то что получилось. Согласно официальным рекомендациям и доходу, который получал колхоз, председателю следовало положить должностной оклад рублей в триста и даже чуть больше. А он взял да отказался. Много, говорит. Нельзя, чтобы был такой большой разрыв между моим окладом и средним заработком колхозника. И оклад утвердили куда скромнее. И опять кое-кто ухмылялся. Чудак, мол. Разве на этом экономят?

Вообще, в ту пору больше внимания уделялось, пожалуй, чисто производственным делам. Как пахут да сеют, как труд организуют, как соревнуются, а тонкости души человеческой оставлялись как бы на потом. И вот, поскольку в производственных делах у Михаила Давыдовича случались расхождения с официальной линией, а сам он вел себя иной раз «несовременно», то при обобщении опыта в его хозяйстве так и не находилось ничего такого особого.

И все же в «Амур» частенько ездили делегации, скажем, посмотреть, как семена хранятся и сельхозмашины, как выращивают там овощи и из чего складывается столь весомый трудовень и в целом доход колхоза. И получалось, что просто люди хорошо работают. Те же собрания, те же плакаты, то же соревнование, а вот лучше, чем в других хозяйствах работают, да и все тут. Люди верили, что трудовень не будет пустым и, стало быть, чем лучше поработаешь, тем больше получишь. И еще оказывалось, что председатель, при всей своей молодости, может быть очень требовательным. Но опять же не всегда и не все вникали в то,

что эта требовательность начиналась с самого себя и что председатель жил и работал так, что имел право на такую требовательность.

Однако те, кто знал Михаила Давыдовича поближе, не считали его таким уж «несовременным». Скажем, секретарь райкома Илья Сидорович Барсуков всегда отзывался о Мормоле с пониманием и большим уважением. Вообще я мало в ком видел столь душевное отношение к людям, как это было у Ильи Сидоровича. Он, бывало, и отругает, но как-то так, что после этого его еще больше уважаешь и вообще вроде бы крылья появляются. Председатели тоже очень ценили его. Помню, Дмитрий Игнатович Гоборов, бывший тогда председателем «России», сказал в перерыве между работой заседания: «Илья Сидорович ругает, а глаза-то добрые!»

Вообще-то я не сразу познакомился с Михаилом Давыдовичем. Все как-то некогда было «вникать». Бывать больше приходилось в других хозяйствах, где дела шли похуже. Правда, иногда он звонил по телефону и просил «подскочить» и «подсказать», но мне говорили, что он-то, мол, обойдется, у него не горит. По голосу он мне почему-то казался роста невеликого и сложения не дюжего. Но когда однажды появился в нашей инспекции, то оказался таким добрым молодцем. Рослый, ядреный, русоволосый, с молодым чистым лицом, которое было как-то не по-председательски бледновато. Открыв дверь и держась за оба косяка, он поздоровался с характерной своей улыбкой, в которой было и застенчивое что-то, и ясно осмысленное.

— Мне шибко-то некогда, — сказал он, — я к вам, товарищ зоотехник... Надо помочь...

Постоял он так не более минуты, сесть отказался, заручился обещанием и уехал. Я успел заметить, что

серые небольшие глаза его были очень живыми и цепкими, и уверен, что за ту минуту он успел в какой-то мере «прощупать» меня.

Когда я приехал и познакомился с его хозяйством, то оказалось, что никакой особой помощи от меня и не требуется. Просто надо написать акт на выбраковку коров, которые молока не давали, а планом были обложены. Этих коров велено было держать до отчетного срока, чтобы «головы» были. Но пока они дожили бы до отчета, то много бы зря корму перевели и труда потребовали. На такую выбраковку шли не все, но с хозяйственной точки зрения держать таких дармоедов было совсем невыгодно, и мы их, конечно, выбраковывали.

Позже почти в любом деле я наблюдал у него этот хозяйски бескомпромиссный расчет. Скажем, берут председатели ссуды, подбирают людей побойчее и отправляют их на машинах по городам и рабочим поселкам покупать скот за наличные. Причем цена была очень заманчивой — даже выше той, что выплачивалась при сдаче скота на мясокомбинат или бойню. И народ продавал охотно. Но парадокс заключался в том, что закупленный скот и держать было негде, и кормить нечем, и ухаживать за ним некому — и так рабочих рук не хватало. И закупленных буренок в большинстве случаев даже на фермы не завозили во избежание лишних хлопот и заразы, а сразу же отправляли в расход. Были по этой части уже колхозы-рекордсмены, выполнившие по два и по три плана. Закупали скот, приходовали и тут же расходовали.

Право же, немного надо ума, чтобы понять всю нелепость этого мероприятия. В сущности, колхозы несли громадные убытки, отрывая своих людей от дела, зря гоняя машины и сжигая горючее, и, в конечном счете, сбывая дешевле того, что было отдано при закупе. К

тому же скота много скапливалось на приемных пунктах, он стоял там, голодал, терял упитанность и уж вовсе потом шел за бесценнок. А вот колхоз Мормоля был едва ли не единственным на много районов, который не понес убытков: тут закупленный скот сначала везли на ферму, держали на карантине, сортировали, что получше — оставляли на воспроизводство, остальное откармливали и реализовывали с выгодой.

Я всегда удивлялся, как Михаил Давыдович считает. В уме. Бывало, составят ему профинплан по всем, казалось бы, экономическим правилам, а он то с тем, то с этим не согласен. Тут слишком хорошо, тут маловато. Пройдет год, подобьют бабки, и видно становится, что ближе-то к истине получалось по его расчетам.

Что касалось всевозможных починов и новшеств, то он в отличие от многих других председателей долго присматривался и дотошно изучал: в чем, собственно, заключается суть новшества. А когда убеждался, то либо категорически отказывался, либо внедрял, да так, что обязательно польза была, и ездили потом в «Амур» на экскурсии поучиться — в том числе и те, кто раньше подхватывал всякие почины.

Конечно, кое-что Михаил Давыдович и замалчивал, иначе говоря, не считал нужным распространяться. Однажды созвали председателей посоветоваться. Так, мол, и так. Совершенно точно теперь установлено, что существующие нормы высева пшеницы слишком малы и следует их увеличить. Назвали предположительную норму.

— Так давно ведь пора, — сказал Михаил Давыдович, — правильно. Мы у себя даже побольше немножко высеваем. Урожай хороший, сами знаете.

— Как? — спрашивают его. — И ты молчал?

— Так нельзя же было лишние семена расходовать. Запретили бы.

— Но ведь вы же расходовали.

— А это другое дело.

«Другое дело» заключалось в том, что колхозники Мормоля всегда выполняли и перевыполняли планы, и осенью в «Амур», который потом стал «Родиной», не слали уполномоченных с проверкой. Семена не перевешивали и, следовательно, не обнаруживалось, что засыпали их всегда с большим излишком.

В этом степном районе прожил я два года, которые прошли то в поездках, то за бумагами, вороха которой скапливались ежедневно. В то время меня очень сильно тянуло печатное слово, и, мучительно колеблясь, я вступил-таки сначала на стезю районного газетчика, а потом и областного. И вот однажды, уже от редакции, выпала мне поездка опять к Михаилу Давыдовичу.

Время двигалось к осени. Явившись в райцентр, я не нашел транспорта и отправился пешком в сторону Орловки, Войково и Ново-Петровки, надеясь, что какая-нибудь уборочная машина догонит и подвезет. Навстречу с зерном шли машины, а в догон пока не было, и я незаметно дошел до Орловской рощи. Впрочем, теперь я и не хотел, чтобы догнала машина. Больно уж хорошо тут было.

В полях и на лугах стояли уже потемневшие стога и скирды, шеренгами тянулись несметанные еще свежие копны соломы, что остались после комбайнов, а степь перекликалась отдаленными и близкими голосами моторов. Где-то что-то курилось, и наносило легким дымком. Однозвучно стрекотали поздние кузнечики, в небе медленно кружил бурый коршун, а серебристые паутинки, казалось, просто висели в воздухе.

А в роще уже было карнавальное что-то. Листва осин и берез вся как-то прояснилась, и каждая крона обрела более четкие контуры. Это потому, что одна из них гуще взялась желтизной, вторая чуть позолотилась, в третьей было и золото, и охра, и киноварь, и оттого казалась она пестрой, как цыганская шаль, четвертая зеленела еще совсем по-летнему.

Рощу разрезал проселок, тянувшийся к Орловке и на берег Амура. Машины тут ездили редко — после летних дождей все еще было сыровато, зияли глубокие колеи с застойной водой, на которую ложились первые палые листочки. Машинная дорога шла в обход рощи и выйти на нее можно было только через Орловку или прямо по роще, в обход села. Я решил — по роще. Вспугнул двух косуль — рогача и самочку, потом видел, как впереди прытко убегал щеголь-фазан. Голову он вроде бы прятал, но длинное хвостовое перо торчало высоко и горделиво, отчего и похож он был на мушкетера в плаще и с откинутой шпагой. Часто взлетали дикие голуби. Вся дичь была уже взрослой. И, наверно, правда так бывает, что когда идешь без ружья, то больше попадается всякой живности. Да еще я в который раз пожалел, что в степи амурской мало осталось таких вот рощ.

За рощей догнала машина. Молоденький шофер со щербинкой в улыбчивых устах довез до Войково и по пути успел обсказать здешнюю уборочную, а отчасти и экономическую обстановку. Он был слишком мслод для водителя, может, даже накинуд годик, чтобы взяли выучиться на шофера, но дело, видать, клеилось, машина не барахлила, а погода стояла хорошая. Вследствие всего этого, знать, был он словоохотлив, весел, хозяйски болел за урожай, вывозку его и поминал имена председателей. Мормоль — этот опять впереди шпарит.

Я думал, шофер из местных, колхозных, но оказалось, с районной автобазы. И приятно было, что вот вроде бы посторонний да молоденький, а дела здешние близко к душе принимает.

От Войководвигаюсь на своих двоих. И опять слушаю степь. Поуркивают моторы, стрекочут кузнечики, шелестит увядающая трава, а с ясного неба словно во что-то пустое и гулкое падают редкие и печальные крики журавлей да гусиный гогот.

Иду берегом озера, которое называется Осиновым, наверное, потому, что на другом берегу его густо разрослась молодая роща из осин и берез. Оттуда иногда доносятся горделивые вскрики петухов-фазанов.

Справа соевое поле. Оно уже начало желтеть. Дальше щетинится пшеничная стерня, частым скоком бегут копны соломы, чернеют разводья зяби. На меже, будто гигантская птица, вытянув железную шею, стоит комбайн, а возле него шевелятся люди и попыхивает трактор. С проселка в поле то и дело сворачивают машинные колеи. Стерня примята колесами, отшлифована до золотистого блеска и вроде бы пахнет свежим хлебом.

Вот и конец озера. Какое оно голубое под голубым небом! Тут невысокий бугор, сплошь истоптанный овечьими копытами — тырло. Стадо пасется на стерне в отдалении, а чабан, как полководец, стоит на холме.

— Укхырь-рь! Кхы-рь! — доносится с холма.

Такие чабанские окрики я уже где-то слышал — то ли в Бурятии, то ли на Алтае, в степях под Семипалатинском. Может, чабан был родом из тех мест.

Перед самой Ново-Петровкой начинается небольшой увальчик, и далеко с него видно во все стороны. Поля, как старинная праздничная скатерть, а яства на ней — это стога, копны, по-осеннему сытые стада, кузова с зерном и все то, что успело вырасти и вызреть за лето.

Дома Михаила Давыдовича не было. Сказали, он самолично уехал сдавать скот потому, что спор какой-то вышел, и вернется, наверно, вечером. До вечера далеко еще, и я иду посмотреть, что прибавилось в селе. Вижу: новые переселенческие дома. Хорошо поставлены — вдоль по увальчику и лесок рядом. К гаражу пристроили такое же помещение, и он стал вдвое длинней и вместительней. На окраине белеет шифером огромная крыша нового коровника. На улицах вырыты кюветы; у мастерских стоят еще не бывшие в работе пресс-подборщики последней конструкции; на ферме появились доильные агрегаты; высятся скирды соломы — укрыт наземный силос. Из-под соломы проступают лужицы. Это кукуруза сок дала, и он, должно быть, сладковат, потому что слетелись сюда и пчелы, и осы, и бабочки, и мухи.

Понравился мне коровник для беспривязного содержания — такой обширный, что напоминает ангар для самолетов. «Пробил»-таки Михаил Давыдович! Еще в мою бытность он возражал против того, чтобы скот держать без привязей в обычных тогдашних помещениях. Тесны, мол, они и не так сделаны. Иные взялись приспособлять, но путного ничего не вышло. А здесь вот построили специальное помещение. И мало того, что оно обширно само по себе, но и внутри его опоры-столбы поставлены малогабаритные и изящные. То есть это обыкновенные чугунные трубы, какие используют при постройке водопровода, и по сравнению с кирпичными столбами они занимают места раз в пятнадцать меньше. Да и острых углов нет, травмироваться не о что.

Вспоминаю кампанию по искусственному осеменению. Те, кто первый доложил об «исполнении», до сих пор маются в неурядицах, ибо поспешишь — только людей насмешишь. А Мормоль и его специалисты все так обдумали и устроили, что здешний пункт признан об-

разцовым, а те, у кого не вышло дело, ездят теперь сюда за семенем, считая, что его лучше брать тут, чем на областной станции. Ну, а Мормолю опять доход.

Это всегда так получается: то или иное новшество у Мормоля не вдруг зарождается, зато основательно и с верной пользой. И правильно. Ведь даже самое хорошее дело можно скомпрометировать спешкой или плохой постановкой. А это не только денежный ущерб, но и моральный.

Техник-осеменатор — должно быть татарин и шутник. На будке, где он хранит реактивы и инструменты, начертано: «Нэ трогат! Замынырвано!»

В Ново-Петровке много татар-переселенцев. Работают хорошо, и фамилии некоторых значатся на районной Доске почета. Но прежде всего, конечно, людям создают условия: жилье, домашняя живность, огороды, верный заработок в колхозе...

Михаил Давыдович вернулся действительно к вечеру. В кирзовых сапогах, в поношенном сером плаще, слегка запыленный, ветровой, пахнувший полем и дорогой. На скулах золотится молодая щетинка. Спросил, зачем я пожаловал, и тут же «прибеднился», ничего, дескать, нет интересного. Лето было дождливым. Хлеба ожидали больше, чем оно вышло. Соя тоже не очень радует. Силоса, правда, много заложили, но это все-таки наземный силос, соку много теряется и надо строить бетонированные емкости. Овощи ничего были.

Еще кое о чем он сказал «ничего», и я знал, что если так говорит, значит, вполне хорошо.

Вечером засиделись в конторе. Председатель с зоотехником Верой считали выручку за скот, прикидывали, выгодно ли получилось. Беседовали о разном.

Михаил Давыдович говорил, что завтра опять повезет скот сдавать и потребует созвать комиссию. А то

заготовители черт знает что вытворяют. Все стараются занижить упитанность. А ведь это же деньги — наши деньги и наш труд.

— Теперь вот Вера у нас зоотехник. Васю-то Крысantьева схоронили.

Васю — выпускника Благовещенского сельхозинститута я знал. Толковый был зоотехник и человек отличный. Этакий рыжий, как подсолнух, даже глаза вроде бы рыжие. И челка мальчишечья. Молчаливый был да вдумчивый.

Васина это память: подсосное воспитание телят, беспривязное содержание коров, механическая дойка, искусственное осеменение. Многое еще было у него в задумках, да вот так вышло...

— А первого секретаря, Илью Сидоровича, от нас забирают в область. Добром вспоминать будем.

Я уже говорил, что к Илье Сидоровичу все относились очень хорошо. Было у него что-то такое, что располагало к нему, хотя на вид он был человеком вроде бы даже суровым. Этакий грубовато-коренастый, по-шахтерски темнолицый, с тяжелой лысеющей головой, а из-под широкого бровастого лба, от черных глаз и мудрой их сумеречности всегда исходят тепло, доброта и внимательность. И шли к нему без стеснения всякие люди как по государственным, так и по личным делам, и всем, наверно, потом лучше было.

— Думать надо, ребята, думать, — говорил он, бывало.

И у него все думали и, конечно же, в первую голову председатели.

Вообще, это сколько же надо думать председателю?! С чем только не сталкивается он в своей нелегкой упряжке! Где-то есть автоматы и пульта управления. Какая бы там ни была погода — они работают четко и с

пользой. А тут каждый день один на один со стихией — ветрами, дождями, половодьем, засухой. Может, недалеко уж время, когда человек научится управлять погодой по своему усмотрению. А пока что, председатель, будь готов к любым сюрпризам и на каждый умей найти разумный маневр. Думай, твори, председатель. Нет почетней и выше дела, чем творить хлеб, дающий здоровье и жизнь человечеству. Нет крепче корней, чем те, которыми связаны человек и земля. Будь же добр, хлебобороб, к земле-матери, и она не поскупится на дары свои. Думай, хлебобороб, а больше всего — председатель. Не легко твой хлеб, зато деяния всегда во благо.

Гриша Трофименко, бывший одно время секретарем колхозной парторганизации в «Амуре», заметил при случае:

— Был и остается председатель коренником на селе. Всем делам он отец крестный и бабка-повитуха. Каждому председателю, который много работал и вывел колхоз в люди, следовало бы поставить памятник...

Возможно, так оно и будет, ибо председатель на селе был и есть первый проводник общенародных, государственных интересов, первый воспитатель коллективистского, советского отношения крестьянина к труду своему, первый боец и ответчик за все, что делается на селе. Это его еще в самом начале колхозов первого проклинали враги, в него стреляли из обреза, это он, сам-то будучи гол как сокол, все отдавал людям, организуя, уча и убеждая работать сообща и по совести. Это ему больше всех доставалось лиха во всякое лихое время. Так что и честь должна быть по заслугам.

Вспоминаю, как сомневались, потянет ли Михал Давыдович укрупненный колхоз, когда объединились вайковцы и новопетровцы. И земля, и число колхозников, и объем разных работ удвоились. Но прошел год, и ока-

залось, что второе отделение, бывшее недавно колхозом, дало доходу много больше того, что получали тут раньше. В целом же по хозяйству доход и в новых деньгах за миллион перевалил.

Когда мы впотьмах добирались к ночлегу, Михаил Давыдович говорил, что опять косить придется — и старую траву, и даже отаву кое-где. Амур не ко времени раздурился, вышел из берегов, много стогов залило, не успели вывезти. А вообще-то это наука. В здешних условиях надо сразу же прессовать сено и вывозить к фермам. Вон и пресс-подборщики привезли, да не успели. Хорошо еще, что с зерновыми быстро управились и пока не подперла соя все силы на сенокос бросить придется да на картошку.

Перед самой калиткой он пожаловался.

— Сейчас мне, однако, влетит.

А из темноты, со двора слышится женский, нарочито сердитый, но и обрадованный голос.

— Влетит, влетит, не беспокойся. Правильно рассудил. Картошка-то в огороде открытая лежит...

Вскоре картошка была укрыта, и мы сели ужинать. Хозяйка Любаша оказалась не такой уж сердитой, шутила по поводу нашего «зверского» аппетита, подливая и подкладывая в тарелки да усмиряя не в меру расшалившихся ребятишек, которых было трое.

Утром, как только заговорило радио, Михаил Давыдович привычно отправился на работу, а мне сказал, что сейчас будет короткая разнарядка и лучше, если я пожду его.

Поднявшись, я вышел посмотреть, какое занимается утро, но пока нельзя было понять — ведро обещается или дождик. Над займищем, что лежит в огромной излучине Амура, лохмотьями висел туман, и оттуда несло холодной сыростью. Наверно, Амур все еще прибывал.

Дружно горланили петухи, и похоже было, что погода будет все-таки хорошая. Их в эту пору много бывает — деревенских будильников. В добавление к старым певунам уже подрос молодняк и пробует голоса. Правда, разноголосье получается непостижимое. Есть звонкие голоса, как медные трубы, есть тенористые, зычные, визгливые, пискливые, хрипатые и с хрипотцой. Но особо стараются молодые. Вот и во дворе не спеша вышагивает один такой певун. Ступит шажок, ступит другой, склюнет что-то и опять, смешно выпятив грудь и выгнув шею, самозабвенно затягивает: «Кек-ке-ре-ке-е-е!» Иногда у него с первой же ноты срывается голошишко, и он, как бы конфузясь и цепenea от удивления, стоит несколько секунд не шелохнувшись, взмаргивает, а потом, дурашливо нахохлившись, бросается на невидимого врага. Драться ему пока не с кем да, наверно, и не хочется, но уже сказывается петушиный бойцовский характер.

Эти глупые хрипатые петушки, пожалуй, более всего напоминали, что все благополучно вызрело, лето кончается, и скоро наступит холодное время.

За завтраком разговорились с Любашей о том, что у здешних колхозников все больше появляется мебели на городской манер.

— Есть на что, вот и покупают. А мы вот все никак не соберемся. Оба на работе.

Она сказала также, что и мотоциклов в Ново-Петровке полно теперь. И правда, когда я подошел к конторе, а час был еще ранний, там стояло уже множество разномастных и разнокалиберных мотоциклов. Я даже подумал, не кросс ли какой затевается, но оказалось, что это на картошку народ собрался. Надо было поднажать, а то вон погода что-то морщилась. А меж тем еще и еще подъезжали мотоциклы.

Вскоре мотоколонна с большим шумом, треском и дымом отвалила от конторы, а Михаил Давыдович, кивнув вслед, проговорил:

— Когда уж все это кончится?

В виду он имел то, что, хотя и работали на полях копалки и картофельные комбайны, но много у них было еще недостатков, клубни выкапывали они плохо и требовалось еще много ручного труда, особенно на суглинках. А тут еще свеклы насадили.

Потом был обычный рабочий день — поля, фермы, бухгалтерские сверки и выверки, телефонные переговоры и поездка на приемные пункты.

А вечером снова была беседа. На этот раз уже не только о делах производственных.

Вообще-то он не любил о себе рассказывать, дескать, у всех у нас, таких, жизнь была в общем-то одинаковой. Вырос он тут, в Ново-Петровке. В войну ушел в армию и колесил больше по Дальнему Востоку. Вернулся домой, а проклятая война и тут дала о себе знать. Мужиков, почитай, не осталось — женщины да ребятишки. У матери в доме голые стены. В одной и той же юбке на работу и в люди ходила. Тяжело на душе, но сильно-то поддаваться этому некогда было...

Да, если бы не картошка да не соя, худо бы пришлось. Нажарят колхознички сои, насыплют по карманам и — на работу. Ходят, жуют, работают.

Председателей он всех помнил. Прикинул по косточке на счетах, фамилии назвал, и получилось их одиннадцать человек, а он теперь уж двенадцатый.

Сейчас, конечно, легче. Хоть людей не хватало, зато машин много шло. Тракторов уже с полсотни и комбайнов десятка два. Вот специалистов бы теперь на все участки, да не абы каких.

К специалистам у Михаила Давыдовича тоже свое

отношение. Кого попало-то не брал, присматривался. Ведь бывает еще так, что человек лишь ради диплома учился. Так что лучше уж пусть переучивается да свое дело ищет, чем себя и работу обманывать. Но если уж брали в колхоз специалиста, то вполсилы он не работал и несвойственными делами не занимался. Тут было полное доверие — твори, придумывай, показывай свою науку. Полная тебе поддержка. Но и спрос был строгий. Тот же Вася Крысantьев или Надя Мяги, которая до райкома комсомола в здешнем колхозе работала главным агрономом, говорили, бывало, что хоть и трудно работать у Мормоля, зато уж интересно.

Да. Теперь было легче. В правлении подобрались башковитые мужики, перешли на денежную оплату. Дома сидеть никому не резон. Меняются времена — к лучшему меняются. Только вот самому не мешало бы еще поучиться. А то что — был на курсах пропагандистов, парторгом работал немного, потом год учился на председателя и вот уже десять лет в этой упряжке...

Оказывается, оперяться колхоз начал с овощей. Подобрали женщин работающих. Не подведите, мол, бабоньки. Не подвели, в тот же год более двухсот тысяч рублей выручили. Старыми деньгами, конечно. А в пятьдесят пятом уже за миллион перевалили. Тут уж колхозники стали забывать о своих личных грядках. Ну, а теперь вот два колхоза слились — и в новых деньгах тоже миллионные доходы получаются...

Командировка моя закончилась. Опять иду знакомым проселком и опять... Ах, хороша эта пора — еще не осень, но уже и не лето. словно источая накопленное солнце, пылают веселым багрянцем перелески и рощи, бархатом стелются еще зеленые луговые отавы, а на них, будто головы витязей, дремлют многочисленные стога. Кротко и празднично поблескивают озера. Тыся-

чами трепетных бликов вспыхивает широко разлившийся Амур. И во всем выражение какой-то просветленности, умиротворения. В тени чаш, в глубине синеющих распадков — здесь вблизи и там в дальних далях — везде как бы прячется добрая и сдержанная улыбка. Природа увядает, но нет печали. Дело сделано. Семена созрели и брошены в землю.

С тех пор я не был в «Родине» почти десять лет, но из газет и радио знал, что колхоз этот по-прежнему на высоком уровне, а на отчетно-выборных собраниях вновь и вновь голосуют за Михаила Давыдовича. Изредка видел я его в городе, но, как всегда, он был занят, на вопросы отвечал коротко: «Строимся помаленьку». Побывал он за это время и на курсах повышения квалификации и не однажды. Так что теперь было у него солидное агрономическое и экономическое образование. По итогам восьмой пятилетки наградили Михаила Давыдовича орденом Трудового Красного Знамени.

На этот раз еду я от журнала «Дальний Восток» и у меня уже готов заголовок: «Десять лет спустя». Еду не на попутных и даже не на автобусе, большое число которых снует сейчас во всех направлениях, а на «Ракете» вниз по Амуру-батюшке.

В Константиновке, сойдя на берег, сразу почувствовал, насколько жаркий выдался день. До этого все не было настоящего тепла, а тут вдруг такой скачок! Да еще было как-то необычно тихо, но это, наверно, после гула «Ракеты». Тополя, черемухи, молодые березы и ильмы, росшие вокруг огородов и вдоль улиц, врасплох застигнутые сильной жарой, сильно блестели чуть ужившейся молодой листвой. И очень сильно пахло и этой листвой, и молоденькой травкой. Выводки утят и гусят уже дремали в тени, а молодой пузатый боровок с го-

ловой зарылся в грязь придорожной канавы. А было всего-то одиннадцать часов.

Улицей от берега к центру села надо идти не меньше километра. И пока я шел, все удивлялся, как много успели построить тут новых из силикатного кирпича зданий. Вспомнились слова Михаила Давыдовича: «Строимся...» Раньше тут было лишь два кирпичных здания — райкома партии да такой же жилой дом, в котором была когда-то и моя комнатка. Теперь эти здания были не первыми. Иные строения гляделись выше их и внушительней.

В районном производственном управлении я спросил насчет строительства, и Валентин Васильевич Левченко, тогдашний начальник управления, назвал такое число построенных и строящихся объектов, что я, не надеясь на память, вынужден был все это долго записывать. И это было приятно, как приятно и то, что Валентин Васильевич, совсем еще молодой человек, руководил довольно-таки крупным делом. Он назвал по памяти множество цифр, имен, характерных деталей из настоящего и прошлого района. Вообще, я считаю отрадным тот факт, что многие руководители колхозов и совхозов, начальники производственных управлений, главные специалисты, работники районного и областного масштаба — недавние выпускники Благовещенского сельхозинститута. Все это сравнительно молодой еще народ, свои амурские кадры, отлично знающие специфику здешнего земледелия. Некоторые из моих сокурсников и те, что вышли позже из стен института, защитили диссертации, занимаются научной работой, преподают в институтах.

— Лучше, пожалуй, своим глазом посмотреть, как мы тут строимся, — сказал Валентин Васильевич.

Начали мы с базы «Межколхозстроя». Это была принципиально новая строительная организация, базы

которой учреждались во всех районах на паевых началах. Будущая мощность Константиновской базы — осваивать ежегодно не менее трех миллионов рублей в год. В первый год она еще не вступала в работу на полную мощность, но уже должна была произвести работ на сумму в миллион рублей. Штат этой организации уже насчитывал около ста человек инженеров, техников, рабочих, механизаторов. Через год-другой штат вырастет до трехсот—четырехсот человек. Бульдозеры, скреперы, подъемные краны, самосвалы, трейлеры, экскаваторы и другая мощная техника — вот что будет применяться на сельском строительстве.

При базе было уже построено несколько жилых домов для специалистов и рабочих. Весь комплекс потом составит целый поселок.

Едем дальше.

— Тут у нас будет новая средняя школа. Старая хотя и вместительная, но уже не устраивает.

Для новой школы был заложен фундамент. А всего будет четыре корпуса, то есть комплекс строений школы-интерната со всеми службами на тысячу сто учащихся.

Впрочем, в Константиновке уже действовала школа-интернат, но рассчитана она была на детей со слабым здоровьем, которые прибывали сюда из разных районов.

Строился двухэтажный Дом связи, такой же универмаг, административное здание райкома партии, здание Дома Советов, три общежития, несколько шестнадцати-квартирных домов, десятки двухквартирных, новые склады райпотребсоюза и Заготзерна, гараж при «Сельхозтехнике» и столовая. Ну а то, что виделось по пути с берега — это здания сельскохозяйственного профессионального училища, его общежитие и столовая, жилые дома, детский сад и административное здание местного колхоза. Все это построено совсем недавно.

— Видите ли, — объяснял Валентин Васильевич, — наш район был слит с Тамбовским. Недавно только разъединились. Ну, а своя рубашка ближе к телу. Все в Тамбовке да в Тамбовке строили.

И правда, районное село Тамбовка теперь уже городком смотрелось. А в Константиновке наверстывали упущенное. Там и тут маячили подъемные краны.

Тогдашний секретарь райкома — кстати, тоже молодой еще человек, — Александр Степанович Серебряков, с которым мы встретились накоротке сказал, что в районе строят много и повсеместно. В колхозе «Родина», например (это у Мормоля), в последнее время построены Дом культуры на четыреста зрителей, четырехэтажный жилой дом со всеми удобствами, административное здание (на верхнем этаже контора, сельсовет, зал для различных занятий, на нижнем — гостиница и столовая). Построены коровник на триста мест, овощехранилище на шестьсот тонн, ремонтная мастерская, здание детсада. Строятся школа-десятилетка и зерносклад.

Такое же строительство разворачивалось и в остальных хозяйствах района. Только за последние четыре года было построено четыре школы-десятилетки, четыре Дома культуры. Повсюду теперь имелись детские сады, бани, столовые. Строилось еще пять клубов и Домов культуры и четыре школы. Строились жилые дома и производственные объекты.

В разные годы наблюдались в селах те или иные перемены. Было время, когда реорганизовали МТС и колхозники потом сами стали хозяевами земли, тракторов, сельхозмашин, транспорта, ремонтного оборудования. Не сразу и не все поверили в целесообразность этой перемены. Но жизнь подтвердила ее своевременность. Колхозники вскоре стали настоящими мастерами машинного производства хлеба, причем выращивался этот

хлеб не любой ценой, как было некогда, а с хозяйским расчетом, с небольшой себестоимостью и высокой прибылью. Да и земля — та же самая земля — стала родить больше.

Было время, когда выдвигалось множество различных починов, но на поверку они оказывались нежизненными. Наука и практика показали, что ко всякого рода новшествам в сельском хозяйстве следует относиться с осторожностью, ибо, прежде чем взлетать, надо обрести силу и крылья. И мы наблюдали потом всевозрастающий авторитет специалистов и постоянное укрепление материальной базы. Сегодняшние сельские приметы — это широкое строительство и научность. Те же подъемные краны, что возвышаются на городских кварталах, можно увидеть сейчас во многих селах. Во многих селах есть водопровод, газ, канализация.

Но, как и во всяком большом деле, не обходится и без узких мест. Тот же Валентин Васильевич, рассказывая о строительстве, сокрушался.

— Понимаете, в колхозах есть деньги. Могли бы строить быстрее и лучше, а подрядчиков нехватка. Вот поедете к Мормолю, сами убедитесь.

И опять я невольно сравниваю. Раньше, бывало, на колхозных собраниях дебатировали, как и где изловчиться копейку достать, чтобы купить неотложное. Теперь деньги есть, да залеживаются.

Да, строителей большая нехватка. Пока не обрели полную силу организации типа «Межколхозстрой». Вызывает огорчение, что многие строения выглядят больно уж безлико и скучно. Такой упрощенный проект. И ни рубля больше на всякие там украшения и художественное оформление.

Вот идем мы по улице с Валентином Васильевичем и он показывает на двухквартирный домик.

— Ну вот, чего стоило бы чуть поднять этот дом?! И крышу бы покруче, да четырехскатную бы сделать. А то не поймешь, то ли сарай стоит, то ли гараж. А ведь жилой дом. И стоять будет долго — стоять и наводить скуку.

Лет через десяток наверняка строить будут как-то иначе. Не просто жилье нужно, не просто административное здание, а как бы произведение искусства — по крайней мере, строительного искусства, чтобы глянул — и душа наполнилась радостью. Ведь вот, скажем, иным людям город больше нравится только потому, что там больше красивых зданий, площадей, скверов, парков. Культура, одним словом. И думается, что если бы села строили и украшали так, что по каждому из них можно было бы тосковать, то и молодежь поменьше бы норовила в городах оставаться — абы как жить, зато в городе. Ведь не хлебом единым живет человек, особенно молодой. Словом, и в сельском строительстве не гоже забывать о духовной стороне дела.

Красиво, со вкусом построенное село или отдельный дом можно смело отнести к числу наиболее сильных средств воспитания и агитации, ибо воспитывать чувство прекрасного и любовь к родному краю эти дома будут не один год и не в одном поколении.

Почти в каждом районе имеются сейчас сельскохозяйственные профессионально-технические училища. Готовят они и строителей. Но мастеров для художественного оформления зданий готовится явно мало.

О разном говорили мы с Валентином Васильевичем. Как одно из достижений последнего времени он отметил тот факт, что сейчас на селе восстанавливаются ленинские нормы в отношениях между руководителями и подчиненными, все больше научного подхода в решении разных вопросов.

А как же сказалась более здоровая, более деловая обстановка на показателях района? За первые четыре года шестидесятых годов средняя урожайность по району составила 6,8 центнера с гектара. За последующие четыре же года она поднялась почти до тринадцати центнеров в среднем за год, то есть выросла почти вдвое. Почти на три центнера увеличился и урожай сои. Причем все это обошлось дешевле. Скажем, в 1968 году соя обошлась в 8 рублей 59 копеек по району, а государство покупает ее по цене в 26 рублей за центнер. Пшеница обошлась в 5 рублей 23 копейки, а реализуется она по 12 рублей с половиной за центнер. А вот денежные доходы района за последние три года: 10 миллионов 939 тысяч рублей; 11 миллионов 835 тысяч; 12 миллионов 420 тысяч.

Вот что дает бóльшая самостоятельность хлеборобов, бóльшая инициатива.

В одно время высев сои довели до каких-то восьмидесяти — восьмидесяти пяти килограммов. Нечего, дескать, ценную продукцию в семена гнать. Но что же получалось? Получался самый низкий урожай. И без того соя редковато всходила, да еще, как того требовали агроправила, ее не однажды борошили до и после всходов, а потом культивировали. Поля, что называется, лысыми сделались. Эти лысины, конечно, оккупировал сорняк и на много лет вперед засорил землю своими семенами. А ведь было вроде бы благое указание — беречь, не тратить зря семена.

Сейчас сою высевают из расчета центнер и больше на гектар.

Что касается техники, то и она очень обновилась. С удовольствием приобретают колхозники такие тракторы, как «К-700». Мощная машина, с хорошей проходимостью и маневренностью. Ее можно использовать круглый год.

На пахоте два-три плуга тянет, а по дороге бегают со скоростью до тридцати километров в час и за раз может перевезти вагон угля. Но поскольку перевозки, особенно связанные со строительством, все возрастают, то как в районном автохозяйстве, так и в колхозах все еще испытывается нужда в автотранспорте.

И в производственном управлении, и в колхозах слышал я сетования на то, что до сих пор не созданы специальные соевые машины. Скажем, чайный лист собирать или хлопок — дело довольно сложное, а вот изобрели для этого машины. Сою же и сеют, и культивируют, и убирают по старинке теми же машинами, что и к зерновым применяются, только постоянно надо их специально переоборудовать. И как тут ни крути, неизбежны брак, потери, задержки во времени, лишние траты средств.

Константиновский район — наиболее колхозный район Приамурья, что отчасти и определило мою очередную поездку. В других районах либо в большинстве совхозы, либо — сплошь, например, в Благовещенском, где раньше были одни колхозы. В прошлом совхозы были почти все убыточными. Колхозы же, после реорганизации МТС, по существу жили на хозрасчете, на своей копейке. Может быть поэтому, когда повысились закупочные цены, колхозы как-то быстрее пошли в гору. Хозрасчет всегда заставлял больше думать, взвешивать, советоваться. И не случайно, конечно, и совхозы постепенно переводятся на полный хозяйственный расчет. И когда этот расчет наберет полную силу, то разницы между колхозами и совхозами, наверно, будет совсем немного.

Как оказалось, на позициях хозрасчета крепче других в районе опять-таки стоял колхоз «Родина», где председательствует Михаил Давыдович. Рентабельность

такова, что можно оборачиваться за свой счет по любым статьям.

И вот опять я в «Родине», у Михаила Давыдовича. Говорим об этой самой рентабельности. И опять вроде бы ничего такого особенного. Просто урожаи хорошие, просто фермы работают не в убыток, да и другие отрасли прибыльны.

Но почему же все-таки хороший урожай? Ведь в «Родине» давно уже нет новых земель, тем более целины, за счет которой кое-кто нет-нет да и выскакивал вперед. И раньше Михаил Давыдович говорил, что старые земли должны не меньше давать хлеба, а больше, и теперь то же сказал: «А как же?! Ведь к старым-то землям сколько уж лет руки прикладываем. Отчего же они должны быть хуже?»

Верно. Старые земли должны быть культурней. Такова логика земледелия. Поля в «Родине» и удобрениями не обделены, и с сорняком ведется своевременная и всесторонняя борьба. И, конечно же, семена высеваются только элитные. Агротехника и сроки всегда оптимальны, с учетом местных условий и погоды.

Что касается ферм, которые на протяжении многих лет были повсеместно убыточными, то их теперешняя прибыльность объясняется еще проще — в достатке разнообразных дешевых кормов местного производства. Скажем, многие хозяйства, желая отличиться, продают много зерна и сверх плана. А потом всю эту выручку тратят на закупку зерновых кормов у государства же. Конечно, от такого хозяйствования только накручивается себестоимость.

По-прежнему много выращивали в «Родине» овощей, которые никогда не залеживаются, для чего куплена даже собственная самоходная баржа. Эта баржа хорошо выручает и в сенокосную кампанию, когда на остро-

ва нужно перебросить технику, а отсюда вывезти пресованное сено.

В этот раз Михаил Давыдович просил меня передать низкий поклон Якову Михайловичу Одноконю за его прекрасные сорта амурской пшеницы.

— Это ведь его пшеничка-то, — говорил он, указывая на поля с тучными зелеными.

Десятки лет проработал Яков Михайлович на земле амурской. Был просто агрономом, агрономом-селекционером, главным агрономом сельхозуправления, ректором института. Но главное — всегда селекционировал, находя для этого время и средства. И вот амурские хлебобороны уже который год засевают поля семенами выведенной им пшеницы. И в том, что за последние годы значительно повысился в области урожай, немалая заслуга и Якова Михайловича. Его пшеница устойчива к полеганию, не поддается ржавчине и пыльной головне, дает полновесный колос и доброе зерно.

«Газик» кружил по полям. Михаил Давыдович и молодой агроном колхоза Леонид Крошко останавливали машину, выходили, чтобы осмотреть, где как растет и как люди работают. Шла культивация сои. Вот они склонились, копают пальцами землю, вынимают по стебельку с обнаженным корнем.

— Да ведь хорошая. Зря говорили...

— И вовсе нередкая. Нормальная.

С поля на поле прямо не проедешь. Между полями, как это свойственно для пойменных мест Приамурья, тянутся падаюшки с водой, кочками, цаплями.

С полей открывался широкий обзор. Было видно, как там и тут пылили тракторы и снующие по дорогам машины. Там, где поля были уже прокультивированы, они казались как бы разлинованными темными линиями, между которыми тянулись ровные зеленые строчки —

соевые рядки, вобравшие труд, сноровку и опыт пахаря. Другие поля изумрудно светились зелеными, а над ними встреч ветру скользили белокрылые луни. В понижениях, подобно призрачным озерам, колыхалось и тянулось к небу жаркое марево, которое так обманывало зрение, что дальние села казались парящими в воздухе.

— Ах, как влага-то летит! Это же сколько ее в воздух уходит! Тысячи тонн!

Понимаю председателя, понимаю молчаливую озабоченность агронома, и мне почему-то неудобно ходить за ними. Я и не хожу, стою у обочины и слышу, как говорят они слова, которые, наверно, не всякому были бы понятны.

— Должна бы хорошо сыпать.

— Должна бы. Будет сыпать.

— Не присушило бы только.

Это они опять про сою.

Садимся в машину и едем дальше.

— Понимаешь, Леня, — говорит председатель, — вот на этом поле мы однажды рискнули заборонить всходы пшеницы. Очень удачно вышло, как раз под дождик. Хлеба было!.. А в другой раз промазали. Понимаешь, проборонили, а погода как раз сухая пошла. Не выправилась пшеница. Где не боронили, так нормальная стоит, а тут, как отрезало — желтенькая, махонькая, обиженная. Так что и хорошее дело не всегда хорошо выходит. Иметь бы нам с тобой, Леня, точный прогноз погоды! Вот тогда бы да!..

Замечаю, что в нынешних разговорах у Михаила Давыдовича погуще стало специальной агрономической терминологии. Да это и понятно: в последнее время председателей довольно часто и основательно подучивали в связи с хозрасчетом и другими важными проблемами.

Опять я хожу по Ново-Петровке. Бывало, она радовала меня добротностью строений, радиоприемниками в каждом доме и хорошей мебелью, удивляла множеством мотоциклов, вызывала гордость за работающий народ. Теперь я вижу тут и строения городского типа. В центре села возвышается четырехэтажный дом, о котором Михаил Давыдович говорил, что он кое-кому просветлил мозги. Сначала-то вроде бы никто не хотел жить в нем. Сказывалась давняя привычка к своему огороду, сараю, погребу, ограде. Но вот один попробовал пожить, второй, третий, и вдруг за одни сутки весь дом заселили. Даже шум был, что не всем желающим квартиры тут достались.

— Так я же вас сколько агитировал! — смеялся Михаил Давыдович, — а теперь еще и недовольны.

И сейчас многие шумели, требовали еще строить такой же дом.

— А построить у нас есть полная возможность. Да подрядчика хорошего найти не можем. Ведь кого попало на это дело не наймешь. Надо с толком строить.

Валентин Васильевич Левченко о том же говорил. Есть возможность. На счету у Мормоля всегда лежит не менее миллиона рублей свободных денег.

А поворот в сознании людей этот дом действительно произвел заметный. К вечеру каждого дня житель дома пользуется горячей водой. Душ, ванная. Пришел с работы, помылся, переоделся, и вот уже празднично смотрится человек, тем более что одеть-обуть есть что. Дважды в неделю по целому дню горячая вода. Ну и магазин тут же. Вообще, бытовые условия, пожалуй, гораздо успешнее сближают город с деревней, чем все прочие средства.

Из окна двухэтажного здания конторы, построенной тоже недавно, видна старая, теперь уже совсем осев-

шая конторка. Домик с четырехскатной крышей, напоминающий слежавшийся зарод. Его немного жаль — так он стар и приземист и так высоко над ним светятся окна новой конторы. Кстати, эту контору Михаил Давыдович тоже долго не решался строить, видимо, считал ее предметом роскоши и стеснялся, как стеснялся когда-то «Волпи». Но колхозники настояли. Посоветовали. Вообще он всегда соблюдает эту вот линию — советаться.

Но самое красивое здание — это новый Дом культуры. Даже в городе не часто встретишь такое.

Завклубом — его еще не утвердили директором Дома культуры — молодой симпатичный парень, открыл двери и позволил мне осмотреть зрительный зал, фойе, сцену, убранство. Легкие современные кресла поблескивали лаком, светящийся желтизной паркет источал освежающий запах мастики, дорогие портьеры полуприкрывали окна, вместительная сцена, пригодная для больших концертов, ждала театралов, певцов, танцоров.

— Недавно тут у нас московские артисты выступали, — сказал он, — очень им понравился наш Дом культуры.

Потом он посетовал, дескать, сначала народ охотно ходил сюда. Хор организовали и в другие села выступать ездили. А теперь вот даже в кино реже ходить стали, хотя и установка стационарная, и зал не хуже городского. А все почему? Да потому, что телевизоры... Эвон, лес какой!..

И правда, вся Ново-Петровка ошетинилась телеантеннами.

Для сетований у заведующего, конечно, были основания. Но дело было в общем-то сложнее. В колхозных Домах культуры не просто самодеятельность нужна, не просто заведующие и директора, а нужно настоящее ис-

кусство, настоящие артисты и специалисты своего дела. И те, кто не ходит сейчас в Дом культуры, по-своему правы. Ведь они каждый день имеют возможность посмотреть более высокое, интересное и разнообразное искусство, сидя дома у телевизора. Время такое, что калорийность духовной пищи на сценах Домов культуры и клубов должна быть значительно выше.

Напоследок была беседа с главным бухгалтером колхоза Иваном Семеновичем Сорокиным насчет заработка. Он взял счета, полистал и назвал цифры. Среднегодовой заработок механизатора — 2500 рублей; шофера — 1894; у работника фермы — 1754. Главные специалисты получали ежемесячный оклад в 200 рублей, средние — 176. Это, конечно, без премиальных за перевыполнение плана. А планы всегда перевыполнялись. Ну и подсобное хозяйство у каждого.

Что касается будущего, то планировалось оба села — Ново-Петровку и Войково — слить воедино, то есть войковцев переселить в Ново-Петровку. Пусть будет одно село, где встанут большие дома с удобствами и коттеджи, будет административный и бытовой центр. Дом культуры и школа-десятилетка. Зачем в обоих селах строить одно и то же, если можно в одном месте построить так, чтобы расчет был и на дальнее будущее.

...Когда автобус бежал по верху степного увала, сразу виднелось несколько сел. В каждом из них, как стаи белых птиц, виднелись новые силикатные дома и разные другие строения. А степь, покрытая зелеными, от сахарной белизны этих строений казалась такой ухоженной и праздничной...

Через три года, то есть в самой середине лета 1972 года я вновь побывал в Константиновском районе. Но прежде несколько встреч было с аграрниками из Бла-

говещенского, когда-то захудалого района, которые с удовольствием отмечали, что теперь и они кое-кому на «пятки наступают». Я тоже в который уж раз убеждался, что наконец-то и этот район вышел в люди и дело тут, конечно, не в том, что район пригородный, а в теперешней материальной основе, без которой ни щедрые шефы, ни усиленное внимание местного руководства не дали бы того, что сейчас имеется. Села района — а теперь это все совхозные села — в буквальном смысле отстроены заново, особенно производственная база. Что касается достатка рабочих в совхозах, то о нем можно судить хотя бы по разговору, который у нас однажды состоялся с Борисом Ивановичем Марамзиным — секретарем парткома совхоза «Марковский».

— ...Вот привези сейчас сотню «Волг», и завтра же их раскупят. У всех денег достаточно.

Конечно, «Волги», наверно, раскупили бы в каждом хозяйстве, ибо в селах есть на что покупать. Но, к сожалению, ни «Волг», ни подобных машин, ни других солидных товаров, достойных человека, работающего на земле, в продаже либо нет пока, либо очень мало.

Но вообще-то, конечно, хорошо, что благовещенские совхозы, которые еще недавно изрядно отставали, скажем, по рентабельности от степных хозяйств, все более крепнут и выходят на уровень передовых.

Что касается Константиновского, степного района, то там по-прежнему абсолютное большинство хозяйств — колхозы, и в эти три последние года урожайность полей и доходы хозяйств тоже не стояли на одном уровне. Причем совхоз «Пограничный» и колхоз «Вперед к коммунизму» достигли такого уровня, что о них все чаще говорят, как о лидерах. И тем интереснее было знать, как же выглядит на этом фоне колхоз «Родина» и председатель его Михаил Давыдович.

В этот раз по полям и проселкам проехать было нельзя, потому что много дней кряду шли сильные дожди. В иных местах влаги выдалось даже гораздо больше среднегодовой нормы. Метеостанции отмечали, что порой за одну ночь выпадало до тридцати сантиметров осадков. И вот поля, особенно соевые, с открытыми еще междурядьями, теперь сплошь блестели водой, а в понижениях разлились настоящие озера. Погода явно перестаралась, да к тому же была односторонне пристрастной к южным районам области. На севере и северо-западе поля томились без влаги, а на Зее-Буреинской равнине, с эпицентром к Амуру, лупили с небольшими передышками обвальные дожди. И все же в каждом, наверно, жила надежда, что погода образумится и урожай, может самый богатый за все последние годы, будет все-таки убран и доведен до ума.

Дорога до Тамбовки на Константиновку — прямо на юг и на протяжении всех шестидесяти километров, по обе стороны — прекрасные хлеба, то есть, если бы все удалось взять, то наверно бы каждый из сотен тысяч гектаров дал не менее двадцати—тридцати центнеров хлеба. Правда, пшеница только еще «обещала», а вот ячмень уже «вышел», уже выколосился, и на светло-зеленых полях его размеренно и тяжело перекачивались сизовато-золотистые волны.

То ли потому, что на края полей больше пришлось семян и удобрений, то ли оттого, что тут припахана была новая земля, но именно здесь были особенно рослые и густые хлеба. И невольно сжималось сердце, когда виднелись темно-зеленые провалы полегшего и «покрученного» хлебостоя.

А небо продолжало хмуриться и то там, то здесь над степью от туч до земли висели косые занавеси дождя. Вообще, эти дожди были как бы компенсацией за то, что

весна началась очень рано. Потом она сильно затянулась, похолодало, и даже самые ранние посевы дали всходы с большим опозданием. Так что и ранние и поздние посевы в этом году поднялись в одно время, и пора уборки наступит тоже враз и, конечно, обещает быть очень напряженной.

И в райцентре, и в колхозах разговор начинался с одного и того же: дождь. Хватит лить дождю. И не только хлеб уже страдал от него, но и сенокос. Конечно, люди находили себе работу и в дождь. Строили навесы для приемки и просушки нового урожая, ставили железобетонные плитчатые стены в траншеях для наземного силосования, косили сеяные и дикие травы и перерабатывали их на муку и гранулы, делали различные ремонты. Кстати, установки для изготовления витаминно-травяной муки в хозяйствах Приамурья — новинки последнего времени. Муку из травы делали и раньше, но теперь эта мука еще и прессуется в гранулы, напоминающие крупные зеленые таблетки. Гранулированная травяная мука занимает гораздо меньше тары, меньше пылит и теряется и очень хорошо и долго сохраняется. В связи с этим я слышал такое выражение: «Спасибо прибалтийцам!» То есть первыми это дело начали они, ибо там ясных дней не так уж много и если надеяться только на солнце, то с травяными кормами было бы зимой туго. В прибалтийских республиках начали, и вот теперь это дело пошло по всей стране и очень успешно приживается у нас на Амуре.

В «Родине» в эти дни строили большой склад для удобрений и химикалий, готовились к силосованию трав и вырабатывали травяную муку. Об этой муке Иван Семенович Сорокин — он по-прежнему возглавлял счетно-экономическую часть правления — сказал, что обошлась она в 1971 году по семь рублей с небольшим за цент-

нер. Это несколько дороже, чем обошлись зерновые, и дешевле того, что затратили на центнер сои. Но по кормовым достоинствам травяная мука, конечно, выше, поскольку и каротина в ней очень много и прочих полезных вещей, которые сохраняются почти в таких же видах и соотношениях, как в первородной зеленой траве, только в более концентрированной дозе. То есть заниматься мукой — прямой расчет не только потому, что это можно делать и в дождливую погоду, но и потому, что она хорошо окупает себя в виде привесов и надоев, и для здоровья животных — первейшее дело. Словом, и теперь и со временем травяные гранулы сулят очень много выгод, ибо уже заставили всерьез заниматься травосеянием и «зеленым конвейером».

В связи с травами, думается, уместно вспомнить о Петре Ильиче Баранасе — директоре Чесноковского совхоза, что в Михайловском районе. В те годы, когда с полей изгонялись многолетние кормовые травы, он на свой страх и риск оставил несколько полей с травами, которые в отчетах проходили, конечно, под другим знаком. Не мог он не доверять травам, ибо опыт убеждал в обратном. И вот, когда стали реабилитировать травы, то оказалось, что у него и семена уже имеются, и сена из тимофеевкиросло столько, что стог на стогу стоят. С тех пор каждый год люди обращаются к нему с просьбой осудить или продать травяных семян. Культурные травы, оказывается, дают так много сена и такого хорошего качества, что без них животноводство никак не сделать прибыльным. Конечно, это была старая истина, да кое-кто слишком легко забыл ее. И когда сейчас приезжают в совхоз «Чесноковский» разузнать, отчего там столь рентабельно животноводство, которое обычно у многих поедало чуть не все прибыли даже от растениеводства, то в основе оказывались опять-таки обычные

корма — хорошие и недорогие, собственного изготовления. И конечно же львиная доля кормовых единиц приходилась на сеяные многолетние травы, дающие не по одному укусу.

Вообще, о Петре Ильиче надо рассказывать особо и много, но здесь я ограничусь лишь некоторыми фактами. Два года назад я был в Чесноковском, чтобы узнать, как там работают звенья. Дело в том, что звеньевая организация труда, возникшая в Приамурье даже раньше, чем в других местах, постепенно начала упраздняться или охаиваться. Во многих хозяйствах, где затевались звенья, опять вернулись к бригадам. А вот Петр Ильич крепко держался за звенья и доказывал, что они работают куда производительней, чем бригады, и много лучше к земле относятся. Конечно, все это надо было доказать фактами и цифрами, сравнивая их с лучшими показателями.

Лучшими были показатели знаменитого колхоза «Приамурье», где работали бригадами. Вот их-то я и выписал в свой блокнот, отправляясь в Чесноковский. Уж сравнивать, так с высшими достижениями! Сравниваю и не сразу верю упрямым фактам. И в том, и в другом хозяйстве размеры посевных площадей почти равны, и урожаи держатся на одном уровне. Но в знаменитом «Приамурье» «лошадиных сил» больше чуть не вдвое. Одних только «К-700» около двадцати, а каждый из них тянет за 250—230 лошадей. Намного больше комбайнов, автомобилей и электромоторов, что вообще очень важно. Одних специалистов сорок человек. И, тем не менее, чесноковцы не отставали от «Приамурья». Значит, что же получалось? Если силы почти вдвое меньше, а доходы такие же, то, естественно, себестоимость продукции и выработка на единицу силы должны быть выгодней. Так оно и оказалось. Я разделил общий доход

«Приамурья» на среднегодовое число работающих и получилось, что производительность колхозников в денежном выражении составила 4130 рублей. Отличный показатель! Но у чесноковцев он оказался еще выше. Вот как выглядели эти цифры начиная с 1963 года: 4231; 2600; 3156; 4954; 5914; 6836.

Не сомневаюсь, что теперь эти показатели стали весомее. В чем же секрет? Петр Ильич говорил, что — в звеньях, в их по-настоящему хозяйском отношении к земле и технике. Вообще о сути звеньев сказано и написано много, и я не буду лишней раз доказывать их преимущества. Факты говорят сами за себя. Конечно, и талант руководителя, в данном случае Петра Ильича — дело очень важное.

Сильно я удивлялся и недоумевал, почему же чесноковцы не гремят, как «Приамурье»? И, конечно, был очень рад, когда узнал потом, что и Петру Ильичу присвоили звание Героя Социалистического Труда, а многих звеньевых наградили по заслугам.

Интересно, что, защищая звенья, Петр Ильич не упускал из виду и такое дело, как воспитание любви к земельному делу с детских лет. Оказывалось, что и тут звенья давали больше пользы. Если бригада — это коллектив различных по возрасту и семейному положению людей, заинтересованных в равных правах и возможностях, то звенья (пять-шесть человек) могут быть наполовину или полностью семейными. В бригаде не каждый согласится на то, что чей-то подросток будет вместе с отцом работать и, так сказать, отбирать хлеб да и лишние хлопоты создавать. А в семейном звене, поскольку тут все свои и делить на своих и чужих некого, подростков не гонят с поля, а доверяют им работать и на культиваторах, и на тракторе, и на комбайне. Конечно, рядом с отцом или братом. Семейные звенья и соревнуют-

ся лучше. Даже дома советуются, как дело поставить. Или случись какое неотложное дело — всей семьей в поле высыпят. Так было, когда требовалось просушить, скажем, подмокшие валки скошенного хлеба. Тут не надо было никакой агитации — сами.

— Или когда начнется культивация, попробуйте удержать ребят дома! Вроде и не положено несовершеннолетних допускать к машинам, но если они работают с отцами и старшими братьями, то почему же им не разрешить? Пусть меня ругают, но я считаю, что к работе в поле, к работе на сельхозмашинах надо приучать с детства. Отцы и дети в таких случаях лучше находят общий язык, младшие учатся у старших и уже с малых лет привязываются к земле...

Да. Чем раньше молодые люди приобщатся к земледельческому труду и машинам, тем лучше.

— Нам ведь очень важно, чтобы молодежь любила землю, любила работать на ней и как можно раньше научилась хозяйствовать по-умному и не оголяла землю, разбегаясь по городам.

Как известно, одно из условий счастья — любимая работа. Без большой любви к чему-либо ничего хорошего не получится. Любимая работа — праздник, который всегда с тобой. Настоящее земледелие тоже начинается от любви к этому делу. Теперешние молодые люди через несколько лет должны будут и земельные дела вершить, и страной править. И, конечно же, это умение надо воспитывать с детства. И очень хорошо, если ребяташки рвутся в поле с отцами и братьями. Помните: «Отведает свежего хлеба ребенок и в поле охотней бежит за отцом». Да если к тому же этот хлеб-то своими руками выращен, так оно и совсем хорошо. Но, к сожалению, нынешние крестьянские дети пока что не очень охотно бегут в поле. Чаще получается наоборот. И дело, как

видно, не только в том, что в городах пока выше культура, чище жизнь и все к твоим услугам, но и в том, что к полю-то пристрастить детей не стараются. Чаще их просто не пускают туда — по инструкции не положено. А подростки — народ активный, просто созерцать поле и то, как тракторы на нем работают, их не устраивает. Другое дело, если они сами за рычаги сядут, пусть рядом со старшим братом или отцом. Есть семьи, где школьники ждут не дождутся лета, чтобы работать со старшими в поле. Но это случается чаще в звеньях.

Все хорошее начинается с детства. Любовь к крестьянскому труду — тоже, и тысячу раз прав Петр Ильич, когда старается способствовать этому.

Но вернемся в «Родину» к Михаилу Давыдовичу. Он тоже стоит за многолетние кормовые травы. И у него животноводство одно из самых рентабельных. В 1971 году на пятидесяти гектарах росла люцерна и дала три укоса за лето. А вот в 1972 году она не взошла, и приходится ломать голову — почему? Может, не надо было делать третий укос, после которого люцерна ослабла и не смогла перезимовать? А может, малоснежье повлияло? Теперь вот надо думать и решать, как быть.

Сеяные многолетние травы всегда были признаком культурного земледелия, и очень хорошо, конечно, что они и на Амуре завоевывают теперь свое законное место.

Но дела, конечно, движутся вперед. Константиновский район получает за последние годы по 15—18 центнеров хлеба с гектара. Растет урожай зерновых и по области. Что касается хозяйства «Родины», то оно по-прежнему главенствует по многим показателям. За шестьдесят девятый год получено дохода 1 282 087 рублей, за семидесятый — 1 383 656 рублей, за семьдесят первый — 2 375 573 рубля. Рентабельность перевалила за шестьдесят процентов, и это здорово.

— Сейчас у нас и животноводство по-настоящему прибыльно, — говорил Михаил Давыдович. — Строим хорошие помещения, механизуем, породность скота улучшаем и нормально животноводам платим.

Позже я узнал в бухгалтерии, что заработок свинок, например, за год обошелся почти в три тысячи рублей.

Несколько изменилась в колхозе и структура посевных площадей. От овощей тут отказались и заменили их картошкой. Овощами теперь занимаются пригородные хозяйства, и это во всех отношениях выгодней. А вот с картошкой одним пригородным хозяйствам не справиться. Ее требуется много. В «Родине» для картошки подбирали земли полегче, с супесью, чтобы хорошо комбайны шли. И вот удобрения да хорошая агротехника, да сорт «приекульский» дают уже по 126—128 центнеров на каждом гектаре. Я что-то не слышал, чтобы где-нибудь в области получали по столько. Картофельный гектар принес самый высокий доход, хотя трудов на него затрачено, конечно, больше, чем на любую другую культуру. Если зерновой гектар принес в прошлом году 216 рублей, соевый — 400 (ее урожайность была рекордной — 15,4 центнера), то картофельный выдал более 800 рублей.

Что касается производительности труда, то о ней можно судить по тому, сколько каждый работающий колхозник принес дохода колхозу. В среднем этот доход превышает шесть тысяч рублей. Не каждое хозяйство может похвастаться таким показателем.

Вообще, основные проблемы, когда-то остро стоявшие на повестке дня, теперь почти решены, кроме вот севооборотов да строительства.

Михаил Давыдович говорил, что строительство повсеместно идет за счет ссуд. Даже знаменитое «При-

амурье» без ссуд не обходится. «Родина» в этом смысле — единственное хозяйство.

Не хватает строителей. Но села, конечно, строятся, и это одна из главных примет сегодня. Строится Ново-Петровка. Кстати, прежнее решение — сконцентрировать жителей обеих бригад в одном месте — отменено, войковцы не хотят двигаться со своих мест, и это надо учитывать. Так что отстраивать на высшем уровне придется оба села.

— Строимся, но медленно, — сетует председатель.

В этот раз он был сильно озабочен еще и тем, что ненастье угрожало положить хлеба. А хлеба росли превосходные. Беспокоила соя, которая сначала не шла в рост из-за того, что было холодновато, а теперь из-за того, что было слишком сыро. Но план есть план, и его надо выполнить. Надо думать председателю.

За эти двенадцать лет, как я знаю Михаила Давыдовича, внешне он изменился немного. Только посолдней стал да седины посеребрила красивую и крупную его голову. Но во взгляде что-то уже чувствовалось, то ли от усталости и постоянных председательских забот, то ли он немного недомогал. А впрочем, что же тут такого? Ведь уже двадцать лет прошло с тех пор, как принял он колхоз, двадцать лет с большой пользой для народа и честью для себя зарабатывает он свой председательский хлеб.

Жизнь как весна

В пору моего студенчества, будучи на производственной практике, шел я степной дорогой из Михайловки в Поярково. С транспортом тогда было туговато, больше на ноги надеялись, но мне все же повезло. Не прошел я и десяти километров, как сзади загудело и показалась машина, тянувшая за собой завесу пыли. Да и шофер оказался хорошим человеком — от денег отказался и даже укорил: за кого, дескать, принимаешь! Ехал он с прицепом, сверх меры нагруженным длиннющими бревнами-хлыстами. Не так-то про-

сто с таким грузом ехать по проселочной дороге и уж совсем ни к чему тормозить без нужды и останавливаться. Но он остановился.

Лето в тот год было сухим и жарким, все ждали дождя, а его не было. В южной стороне за Амуром что-то горело — может, тайга, может, торфяники. Ветер подувал с той стороны и нес какие-то печальные запахи, степь накрыта была желтоватой пеленой, а солнце просвечивало сквозь нее, как расплывшийся яичный желток. По обе стороны дороги стояли блеклые, еще неколосившиеся хлеба.

Дорога была длинной, ехали мы не прытко и коротали время за разговорами. Шофер, которого я принял за стопроцентного представителя рабочего класса, явно выказывал приверженность к крестьянству и говорил больше о деревне. Голая степь ему сильно не нравилась, он хотел бы видеть меж полей высокие тополя и сосны, клены и черемухи. Он утверждал, что при хозяйском отношении к делу давно бы уж в каждом селе было зеленым-зелено от парков и садов и ругал тех, кто без разбору корчевал степные дубравы и перелески. Будь в степи побольше лесов, перелесков, защитных полос и садов, засуха не сказывалась бы столь губительно.

— Я, видишь ли, перед войной в лесном техникуме начинал учиться, — уточнил мой собеседник.

Мы въехали в какое-то село, шофер долил воды из колодца и охладил радиатор. А когда тронулись дальше, он довольно сказал:

— Вот видите. Совсем другое дело.

Но в виду он имел не радиатор с мотором. С одной стороны село охватывал широколиственный лесок, с другой — виднелся обширный сад в полной силе, а на самом выезде, к удивлению моему и радости, встретила нас зеленая стена соснового бора. Вот это все и имел

он в виду. Он даже посветлел лицом, и, осторожно спустив лесовоз с насыпи, стал.

— Здесь я всегда немножко отдыхаю.

Бор от нас был шагах в десяти. После степного однообразия, навевавшего скуку, он показался чуть ли не сказочным видением или, по крайней мере, — оазисом. Над соснами, как и в степи, тоже висела желтоватая пелена, которую принес ветер из-за Амура, но в самом бору струился голубоватый свет и таилось нечто раздумчивое, вечное, располагающее к доверию.

Мы прошли под сосны. В сухом воздухе сильно пахло смолой и еще чем-то эфирно-духовитым, горьковато-освежающим. Примешивались тут и запахи молодой грибницы, сухой древесной осыпи и спелой земляники.

Шофер выбрал местечко поровней и лег навзничь, заломив руки и раскинувшись вольно и живописно. Я тоже лег на его манер, выбрав для изголовья корень, взбугривший землю. Над нами чуть заметно и как бы с тревогой глядя в мутноватое небо покачивались и тихо шумели вершины сосен, как могут шуметь только кедры да сосны. Не знаю, как он, а я чувствовал себя словно в детстве, когда, набегавшись, падаешь в мураву и в сладком оцепенении смотришь в высокое небо и следишь, как плывут там высокие, чистые и таинственные облака.

— Между прочим, — тихо сказал он, — бор этот не сам по себе произрос. Посаженный. Отец говорил: был тут директор такой... Давно еще...

Я поднялся и другими глазами начал оглядывать сосны. Да, они были еще молоды — не так уж толсты, но стройны и прогонисты, с густой сизоватой хвоей. Чуть в стороне я заметил муравьиный теремок. Красные муравьи ручейками растекались и стекались к своему жилищу и несли всевозможный строительный материал и

запасы. Я прошелся лесом и испугнул какую-то птицу, нашел несколько красных ягод земляники и стайку грибов. Словом, все тут было, как в настоящем лесу.

Я и не думал, что потом, через четырнадцать лет, близко познакомлюсь с человеком, посадившим этот удивительный бор, и проведу в беседах с ним немало времени.

Надышавшись бором и словно захватив про запас бодрости и хорошего настроения, мы выехали опять в степь. Дорога повернула чуть в сторону, я оглянулся и увидел, что бор — это сосновый остров. Он показался мне драгоценным самоцветом на груди опаленной зноем степи.

И вот я опять в тех местах, опять — дорога, но теперь везет меня не попутный грузовик, а вполне комфортабельный автобус, который ходит этим маршрутом по расписанию. И не приземистые, исхлестанные дождем и ветром серые телефонные столбы сопровождали дорогу, а железобетонные опоры высоковольтной линии.

Я думал, что опять пересеку тот сосновый остров и увижу, как изменился он, как выросли сосны. Но оказалось, что новое шоссе проходит стороной.

У меня интересный попутчик, сосед по сидению — живой и веселый мужичок, родом с Тамбовщины. На Амур он приехал лет двадцать назад как переселенец, но говорок свой особенный все еще не утратил.

Он сказал, что к Амuru прижился накрепко и даже не подумает куда-либо уезжать. От добра добра не ищут, чего зря мельтешить по белу свету.

Через проход напротив сидела пожилая женщина с рабочими руками и придерживала на коленях внушительных размеров коробку из картона.

— Ты чего это отхватила? — спросил мой сосед.

Женщина ответила, что купила проигрыватель.

— А как он играть?

— От электричества.

— Ишь ты! Все на электру перешло...

Потом он стал вспоминать директоров, которых пережил, работая в совхозе. Одних хвалил, других поругивал.

— Эх, какой был, какой был! Прийдесть, как солнышка взойдет. Простой, душевный, шутник! Всех рассмеет!.. А тот, другой, не-ет. Сурьезный был. И глядел, как будто все кругом виноватые...

В пору молодости мой спутник, оказывается, был одним из первых, кто пошел в коммуну и работал так же совестно и азартно, как когда-то на своей земле.

Потом он заговорил о переселенцах:

— Иным не глянется. Назад норовять. Ну что, спрашиваю, какого вам кляпу еще? «А вот, говорят, там у нас рядышком речка была и лес...» Вот оно как! Не через одну брюху довольствуется человек. Жратва, квартера, телевизор... Это не все, стало быть. Надо, чтоб природа была для ласкания души...

Конечно, на этот разговор, отчасти, наталкивал его и я. Ведь я ехал к человеку, который всю жизнь работал с думами о живой душе, украшал землю, мечтал о прекрасном будущем и делал все для него. Всюду, где он приложил руки, осталась хорошая память о нем. Парки, питомники, зеленые дубравы, аллеи и даже леса. Тот самый сосновый бор, который однажды так обрадовал меня, посажен тоже им. Человек этот почти четверть века живет в Чесноково, на берегу Амура. В общей же сложности и, как потом я узнал, отдал он амурскому краю без малого сорок лет жизни.

Впервые я услышал о нем лет шесть назад, когда в «Огоньке» один из корреспондентов опубликовал обшир-

ную статью о посещении Амура и в числе прочих достопримечательностей назвал и «Никитенковский бор», что украшает центральную усадьбу Завитинского совхоза. Однако я не предполагал, что он и поныне живет в нашей области.

Никитенковский... Никто официально не присваивал такого имени. Так нарекли этот бор люди в честь первого директора, организовавшего совхоз, Ефима Ивановича Никитенко. Сам Ефим Иванович потом рассказывал об этом так:

— Делами строительства совхозов ведал тогда Михаил Иванович Калинин. Крестьянина он хорошо знал. Еще до того, как приехать на Амур, встречался я с ним и беседовал. Идет, бывало, Михаил Иванович пешочком по улице, с тросточкой. Ну, каждый почти в лицо его знает. Здравуются люди, и он всех приветствует, кивает радушно. А знакомство наше произошло, когда я учился на специальных курсах директоров. Потом уж с Амура я приезжал в Москву с проектом и профинпланом нового совхоза и опять беседовал с Михаилом Ивановичем. Вот, мол, хочу организовать такое дело. А он мне и говорит: «Делайте, дорогой товарищ, все, что нужным посчитаете. Ведь мы затем и на совхоз послали вас, что доверяем, полагаемся на вас...»

Ну, коли так, сами знаете, вроде и сил прибавилось. А помните: еще в самые первые годы Советской власти Владимир Ильич хотел заложить повсеместно хорошие лесопитомники? Нет? Не помните? Ну, я-то хорошо помню. Владимир Ильич хотел, чтобы вокруг наших промышленных предприятий, сельскохозяйственных экономий, везде, где жить и работать людям, были бы посажены отличные парки, сады и леса, чтобы лучше было, чем у князей да помещиков, чтобы красота тут была и отдых здоровый... Очень, конечно, правильно.

Так вот, когда спланировали мы совхоз, поехал я в Хабаровск. Было это в тысяча девятьсот двадцать девятом году, когда наша область подчинялась непосредственно краю. Навел я там справки, отыскал управление лесного хозяйства, встретился с одним человеком... Ах, какой человек! Прекрасной души человек! Выслушал просьбу мою — и давай обнимать. «Да знаете ли, говорит, какую радость вы доставили мне?! Вы единственный человек, кто сам пришел и попросил саженцев вон на какую площадь! Единственный из директоров! Обычно мы всех упрашиваем, да братья за это дело никто не хочет...»

А питомники уже переросли, много материала погибло ни за что. И до того обрадовался мой знакомый, что и специалиста своего дал мне в помощники. Самый близкий к нам питомник был в теперешнем Белогорске. Вот оттуда мы и привезли сосенок сразу на пятнадцать гектаров.

Рассчитывал я и потом еще произвести посадки на всех отделениях совхоза, да не сбылись мои мечты...

По дороге в Чесноково вспомнился мне рассказ давнего моего знакомого, Виктора, кстати, тоже шофера. Ездил Виктор с краном по области. Там блоки надо уложить на фундамент, там балки, там железные фермы. Кругом идет строительство, и кран его «мазовский» всюду нарасхват. Так он и рассмотрел всю южную часть нашей области. Переезжал как-то на новое место. Впереди стрела торчит, туда-сюда покачивается. И вот спускается он, этак, с увала. Солнышко уже садится. Внизу под увалом речка Завитая — не зря так названа — вся извивалась, вензелей навывисывала. А над речкой туман приподнялся и зарделся в лучах закатного солнца. Дальше, за речкой, на другом увале — сад обширный, всеми красками расцвеченный. Как раз была пора со-

бирать плоды. Любуется Виктор, соображает, какое село? Но и на дорогу посматривать надо. Глянул на стрелу, а она как раз нацелилась на что-то темное, вовсе не знакомое. Мать честная! Да это же бор! Настоящий, сосновый! Если бы где в лесу, то и дива не было бы. А то в самой степи...

Это и была центральная усадьба Завитинского совхоза. А сад, о котором с таким восторгом говорил Виктор, заложен был тоже еще Ефимом Ивановичем одновременно с закладкой бора. Виктор был в том саду, и у него шея заболела от того, что туда-сюда головой вертел — хотел рассмотреть, что назрело там.

Все это было здорово, если бы не видел собственными глазами, ни за что не поверил бы, что на Амуре могут расти такие плоды.

Слушая Виктора, я вспоминал и того шофера, что вез меня однажды на лесовозе, и нашел в них что-то общее. Подумалось, что у шоферов, которым больше всех приходится колесить по дорогам, должна быть особая тяга к земной красоте. Но у шоферов ли только? Всем она дорога и мила — красота земная, каждому человеку. Да и что значил бы человек без дружбы с ней, без ее мудрого колдовства и прелести, без тех чувств, которые будит она, без того доброго заряда, которым наполняется неочерстевшая душа, соприкасаясь с природой?

Мне даже пришло на ум, что человек, которого не волнуют закаты и восходы, не чаруют и не зовут леса и горы, степные дали и речные верховья, — обиженный чем-то, с ущербинкой человек. И вряд ли он очень уж дорожит всем этим, а значит — и своей родиной.

Трудно также поверить в патриотизм, гуманность и гражданственность человека, которому все равно, что будет расти и цвести потом, лишь бы на уровне был сегодняшний производственный и личный показатель.

Еще вспоминался мне разговор с директором совхоза «Прибрежный» Георгием Дмитриевичем Кайденко, который состоялся задолго до встречи с Ефимом Ивановичем. (Центральная усадьба совхоза расположена в селе Чесноково, где и живет Ефим Иванович.)

Когда Георгий Дмитриевич принял совхоз и начал входить в курс дела, частенько наведывался к нему довольно пожилой человек. Обычно он приходил спозаранку, даже чуть раньше, чем командиры производства. Если была уже очередь, то и он становился в очередь. Ему предлагали пройти без очереди на том основании, что возраст уже почтенный, но он усмехался и отказывался — «несправедливо». Впрочем, если случалась очередь, он не заставлялся. Просил у секретарши лист чистой бумаги, присаживался и писал директору, что, дескать, приходил по такому-то делу, но вы были очень заняты, и я вот оставил записку. Зайду завтра.

Почерк четкий, каллиграфический, по-старинному писарскому образцу. Написано кратко и вразумительно. Подпись: Никитенко.

Он оставлял записку, а сам спешил по своим делам, которых у него всегда предостаточно.

Поначалу директор недоумевал и даже склонен был считать этого человека несколько странным. Ему, видите ли, до всего дело и больше всех нужно. А чего бы, казалось, не хватает? На селе всеми уважаем, отработал свое и получает пенсию. Дома сад немалый, требует постоянного ухода и догляда, теплица, которую и топить надо, и чинить, а в теплице не огурчики какие-нибудь, цитрусовые — лимон, мандарин, инжир. Да еще дендрарий, где около семидесяти различных древесных и кустарниковых пород.

Недоумение директорское скоро, однако, сменилось удивлением и уважением. Невероятной казалась работо-

способность в таком возрасте. Но как бы то ни было, Ефим Иванович управлялся и в своем саду, и в совхозном, вел всевозможные наблюдения и записи, переписывался с сотнями людей во всех концах страны, консультировался и сам консультировал по делам садоводства, цветоводства, лесных и декоративных посадок. Но и это не все. На директорский стол один за другим ложились его проекты, планы и сметно-расчетная документация. Эти проекты и расчеты касались благоустройства и озеленения сел.

— И все это не какая-нибудь голая фантазия, — говорил Георгий Дмитриевич, — все рассчитано толково, обоснованно, причем, так, чтобы и денег лишних не гнать. Должен признаться, что и сам я зарядился от него.

И еще припомнил такой случай. Пришел он на работу и видит на столе ящик стоит, похожий на посылку. И запах витает больно уж приятный. Открыл ящик — и что же? В ящике в аккуратных отдельных упаковочках разные сорта яблок, груши, сливы и еще какие-то ягоды. Ну, прямо хоть сейчас на выставку. И записка. Вот, дескать, собран первый урожай. Прошу продегустировать, как оно...

Догадался: от Никитенко. Встретил его потом, благодарил, деньги предлагал. А он его же и укорил: «Зачем вы так! Это просто обычай такой. Считайте, вроде подарка, и не забывайте, что может рожать земля наша...» Так что с одной стороны чуткость человеческая, с другой — как бы наглядная агитация...

Час был еще ранний. В кабинете директора сидело несколько человек. Решали текущие дела. С улицы доносился шум моторов: бежали грузовики, гудели тракторы — должно быть, проходили обкатку — и то взры-

кивали, то стрекотали легко и ровно. В окна глядел не по зимнему разгоравшийся день — ясный и в легкой сиреневой испарине. Вообще погода стояла на удивление: февраль, а с крыш капало, к полудню натаивали и поблескивали лужи. Давно не случалось такого февраля. И оттого, что было тепло и ясно, что заливисто гудели моторы, что звонко перекликались пегухи и порхали под окнами воробьи, казалось, уже наступила весна и не сегодня-завтра начнется посевная. Но речь шла пока о вывозке удобрений, о кормах, удоях, ремонте машин и строительстве.

Потом в кабинет вошел пожилой человек среднего роста и довольно крепкого сложения. Из кармана серого матерчатого пиджака поблескивала головка авторучки. Был он бритоголов, и это как-то особенно подчеркивало мужественные резковатые бороздки на обветренном лбу. Подсушенное, но не сухощавое лицо его было покрыто тем устойчивым загаром и подспудным румянцем, как это бывает у людей, большую часть жизни проводших под открытым небом. Освещалось это лицо внимательными, молодо голубевшими глазами. И еще я заметил рыжеватые густые брови, малость подстриженные и оттого казавшиеся пушистыми.

Это был Ефим Иванович. В кабинете он побыл немного, выяснил что-то у директора и ушел. Он показался мне человеком, который только что вернулся из путешествия или экспедиции и теперь спешит составить отчет. Нет, он совсем не похож был на того, которого я когда-то пытался представить, оказавшись в его сосновом бору.

Беседовать с ним мы должны были после работы, которую он собирался закончить пораньше. А пока расторопный и вежливый комендант Петр Григорьевич повел меня устраивать в гостиницу.

Две комнаты, отведенные под гостиницу, располагались на втором этаже кирпичного двухэтажного здания. Остальные десятка два предназначались под общежитие. Все только что покрашено, побелено и прибрано. Верхний этаж был еще не заселен и потому — гулок и тих, только трубы водяного отопления то засыпали, то вдруг мурлыкали, пересвистывались и пощелкивали.

В четырехместном номере, где мне предстояло жить несколько дней, стояла мощная радиола «Беларусь», лакированный стол из дорогого дерева, стулья, графин, стаканы на подносе, пепельница. Номер располагался рядом с гостиной, где стояли диваны и цветы.

На нижнем этаже обосновались детские ясли и медпункт. Оттуда неслось веселое щебетание и хоть нестройное, но дружное пение. Растут, поют...

Что ни говори, а еще недавно нечасто можно было встретить подобное в селах.

Часа в три зашел Ефим Иванович и пригласил меня домой. Мол, здесь оно, конечно, уютно, но хозяйство-то мое там. Сходя с лестницы, похвалил помещение:

— Вот, опереяемся. Хорошее здание. Светло, покрашено, паровое отопление. Ремонтники довольны будут, — и добавил: — Тут вот в гостиной надо бы еще стол круглый поставить да телевизор. Правда, изображение у нас слабоватое, далеко от города. Вот, говорят, в Поярково скоро поставят вышку. Тогда — другое дело...

Мы пошли в другой конец села. Солнечно. Улица дымится влагой. Подувает ветерок и доносит шумные ребячьи голоса — в школе очередная перемена у второй смены. Село растянулось километра на два по берегу. Берегом же тянется и дорога, по которой мы идем.

— Вот смотрите, — повернувшись к Амуру, показал он рукавицей. — В большую воду по этой канаве вода из Амура в озеро заходит. Его отсюда не видно, оно

за кустами. Озеро большое, глубокое. И вот, знаете, иду однажды летом по берегу. Перед этим была большая вода, потом упала. Смотрю: кто-то в ручье хлопчет. Подошел, а человек рыбу ловит. Полное ведро. Глянул на рыбку и — что вы думаете! — сплошь малек. И малек-то, знаете, все ерш амурский. Прекрасная рыба. Спрашиваю: зачем? «А свиней кормить. Им это очень полезно...» Вот это резон! Понимаете? Хотел было заставить я этого типа выпустить малька в реку, да поздно уж. Погиб малек. Пожурил, да толку что? Разве проймешь такого? Эх, думаю, надо делать что-то. Значит, наше озеро нравится ершу для икромета. Поднимается вода, ерш заходит, выметывает икру и — в Амур. Выводится малек, подрастает и тоже — в реку. Настоящий питомник. Да... А потом кто-то распорядился и во все засыпать этот ручей, чтобы ездить лучше. Видите, как оно теперь — дамба. А как же ерш? Потычется, потычется, да и выбросит икру где попало. Нет, негоже так то. Пошел к директору, в профком. Сначала вроде бы за пустячное дело приняли. Потом все же со мной согласились. Договорился соорудить проход под дамбой. Раскопал ее. Народу, правда, немного пришло, так я и семейство свое сюда привел. Положили в одну линию несколько бочек без днищ. Труба получилась. Да засыпать не успели. А тут вода приперла, как на грех. Размыла дамбу, хлынула в озеро, все прибывает, вышла из берегов и затопила гектаров тридцать посевов. Вода, конечно, и так перехлестнула бы через дамбу. А тут выходило, что я помог, разломавши дамбу. Виноват. А раз виноват — к ответу. Приехала комиссия, акт написала. Читаю. Меня виноватят — без расчетов математических, без инженеров взялся водопропуск сооружать. Неграмотно. И все это подписано тремя инженерами. Не буду называть фамилии... Конечно, заело меня.

Сел да и написал свою бумагу этим специалистам. Вы, мол, из-за угла смотрели, ждали указок, не было вас, когда позарез требовались, а теперь с ученым видом рассуждаете, что грамотно, что не так. А где же забота человеческая о природе нашей, где гражданская совесть? Мы тут кумекаем, как бы все сделать получше и, как могли, делать начали, инициативу проявили, а вы? Что вы сделали?..

Он усмехнулся, поправил кончиком рукавицы шапку и сдержанно махнул рукой.

— Все же дошло вроде. А то казенщину развели. Зафиксировали происшествие...

Теперь я лучше рассмотрел Ефима Ивановича. Фуфайка на нем, валенки, цыгейковая шапка-боярка. На улице, на ветру и солнце он казался более к месту, чем там, в кабинете у директора. Он очень привычно вписывался в то, что окружало нас, — заснеженную ширь Амура, заросли тальника с красноватыми молодыми побегами, поля с прошлогодней травой, колеблемой ветром, и дорогой через пустырь, отделяющий одну половину села от другой. Может, оттого, что он малость разволновался, может, на ветру и солнце в лице его под слоем загара проступили веснушки, точно у школьника и — ей-же-ей — это было как-то необычно. Я не удержался и спросил Ефима Ивановича, правда ли, что ему уже семьдесят четыре года.

— Было, — ответил он, — а теперь семьдесят пять, — и, не распространяясь больше о возрасте, повел меня дальше, рассказывая, что получилось с этим озером потом.

Нынче опять он ходил в дирекцию и в профком, писал докладные, убеждал. Пошли навстречу. Сейчас через рытвину строят мост, чтобы ездить по нему, а не по дамбе, которая наглухо изолировала озеро от Амура.

Когда построят мост, дамбу раскопают и вновь тут будет свободный проход для воды и рыбы. Будет заходить ерш и выметывать икру.

Некоторое время мы шли молча. Я размышлял о том, как это не просто — осваивать земли, строить дороги, каналы, заводы и вместе с тем не нарушать баланса в природе, который устанавливался в течение многих миллионов лет. Зато как просто неразумным вмешательством нарушить его. Мне пришло на ум, что всякому, кто строит, осваивает и «покоряет», совершенно необходимо знать хотя бы минимум того, что представляет собой природа данной местности, каков тут исторически сложившийся животный и растительный мирок, как повлияет на него то или иное вмешательство.

Конечно, когда речь идет о строительстве крупных гидроэлектростанций, предварительно изучается все. Но все ли изучается и учитывается, когда мы в повседневной нашей жизни изменяем девственный ландшафт? Нет, далеко не все. Мне кажется, на этот счет у нас еще не хватает знаний. Наряду с тем, что мы изучаем химический состав почв и составляем почвенные карты, изучаем верхние слои атмосферы, очевидно, необходимо побольше изучать то, что рядом с нами. Неплохо бы, если бы и в школах с первых же лет обучения прививали на этот счет определенные понятия.

Теперь уже ясно, что на любое вмешательство природа реагирует как бы синхронно, как громадный живой организм. Познание законов этой синхронности — дело очень важное. Ведь речь идет о будущей жизни.

А пока что в селах и пригородах, в лесах и горах строим мы и осваиваем природные богатства зачастую так, как бог на душу положит. Хотя есть на этот счет вполне разумные законы, решения и указания.

— Да вот, — говорил Ефим Иванович, — опять мед-

ленно идет наше дело. Строим-то мы, так сказать, на одном энтузиазме, по воскресникам. Кто придет, а кто и нет.

Мост, однако, строился. По обоим берегам лежали отесанные бревна, а там, где надлежало выбрать грунт, горели пожоги.

По дороге же, благо, идти было не близко, рассказывал Ефим Иванович и о сосне.

— О! Сосна! Вы знаете — какое это дерево! Может, лучше всяких врачей. Вот вы там ехали, не обратили внимания на правую сторону перед селом? Нет? По левую у нас сад, а по правую — пустырь километра на полтора. Так вот. На этом пустыре наметил я заложить сосновый лес. Почву уже исследовал. Ничего. Подходящая. Сосна будет расти.

Он сошел с дороги, выломал прутик в ивняке, позвал меня и начал чертить на снегу схему посадки сосен. Он собирался применить известный конвертный способ, но со своей придумкой. Заключалась она в следующем. Вырезается прямоугольник из картона, толя или той бумаги, из которой мешки для удобрений делают размером пятьдесят сантиметров на пятнадцать. По углам его и по середине прорезаются отверстия. Этот прямоугольник укрепляется на грунте так, чтобы ветром не сорвало, а в местах, где отверстия, сажают сосенки. Они растут, а вокруг них этот самый лист не дает ходу сорняку и зря влаге испаряться. «Конверт» от «конверта» располагаются на расстоянии метра. Когда подрастут сосенки, их можно будет проредить — что-то пересадить в другое место, что-то отдать на новогодние елки.

— Вот только семян у меня маловато, — сказал он. — Нельзя ли там через вас достать? Понимаете, все ездить надо самому. Транспорт и время нужны. А тут работы полно.

Мы прошли еще метров сто, и он опять остановился.

— Вот. Видите этот дикий кустарник? — спросил он.

Перед нами, метрах в сотне от берега начинался пустырь, заросший различными кустами и бурьяном.

— Эту площадь давно уж облюбовал я для парка отдыха. Вполне подходящее место. Тут — Амур-река, тут — парк. Вон и просеки уже прорублены. Это там, где будут аллеи. Никто, знаете, не пошел рубить, пришлось опять с женой и ребятами... сами прорубили. И на этот парк еще сосны потребуются. Хотелось бы мне заложить его в честь пятидесятилетия Советской власти. Понимаете? А теперь глядите сюда, — продолжал он, показывая рукавицей налево. — Замечаете?

Ничего я пока не замечал, кроме высоких черемух да еще каких-то деревьев. Потом все же заметил: и черемухи, и незнакомые мне деревья, оказавшиеся ильмом, кленом, ясенем, амурским бархатом и маньчжурским орехом, стояли ровными шеренгами, примыкая одним флангом к дороге, другим — к чьему-то огороду.

— Это я специально посадил рядами, подальше ряд от ряда. Тут пятьдесят рядов. Меж рядами рассчитывал посадить что-нибудь декоративное и фруктовое. Да не осилил, а помощников не нашлось. Семян нужных не прислали и проволоки для изгороди не сыскали.

Мы шли мимо этих рядов. День, хотя и клонился к вечеру, был все еще не по-февральски теплым, ветер казался талым и ласковым. Деревья чем-то неуловимым уже перекликались с весной, чуть слышно шумели и покачивали вершинами. Мне почудилось, что они не только рукотворные, но и живые, и как живые приветствуют Ефима Ивановича.

В морозные дни они замирали и недвижно стояли, посеребренные парчой инея или одетые в горностаевые меха свежего снега. К весне их вершины начинали свет-

леть, румяниться и предвещать скорый приход тепла, движение соков, буйное цветение и колдовские зори, сопровождаемые птичьим гамом и звоном пчел. Весной у них гулко лопались почки и появлялись листочки. Они и зеленели, и цвели по-своему, соответственно породным особенностям. Летом их зеленые блестящие плащи, как паруса, наполнял ветер и не мог одолеть. В ответ они смеялись и радовались своей силе и крепости, переливчато играя каждым листком, кружились, помахивали ветвями, и это похоже было на танец торжества.

В середине лета или к осени у них созревали семена, и ветер разносил их по округе, чтобы затем появилась новая жизнь на земле.

К осени им становилось немного грустно, но грусть эта была светла и осмысленна, ибо знали они: с весной все повторится.

Да только ли эти деревья... Когда мы прошли нефтебазу, то сразу же по правую руку встала перед нами густая и высокая роща, обнесенная легкой изгородью.

— И это я сажал со своим семейством, — сказал Ефим Иванович и, глянув на мои ботинки, пожалел: — Вот беда: в ботинках-то не пройти вам. Тут снегу навалило — не то что в степи. Ну, да я вам отсюда покажу и объясню.

И он долго рассказывал, как заложил тут питомник, второй, третий, четвертый. Три питомника реализовал, и деревца отсюда перекочевали во многие села Михайловского района и частью даже — в Благовещенск. С четвертым же питомником получилась неувязка. В районе появилось новое начальство, которое по-своему реагировало на всякие там питомники: прежде всего целина! Деревца между тем переросли, и питомник превратился в рощу. С тех пор и стоит эта роща; или, вернее, — своеобразный дендрарий.

Роща тянулась к небу. Деревья как бы подгоняли друг друга. Ровный, глубокий и первозданно чистый снег устилал их подножия, а на нем виднелись частые следы зверушек и птиц. И опять я подумал, сколь велик контраст между безлесным пространством и тем, на котором стоит лес. В степи я видел жесткие, вперемешку с пылью сугробы и рядом пашню, оголенную ветрами. А здесь все было уравновешенно и спокойно.

Нет, я не хотел бы, чтобы вместо пашен и лугов повсюду стояли лишь леса и рощи. Но было бы хорошо, когда бы они разумно перемежались с полями, когда бы в селах и деревнях и вдоль наших дорог было больше леса. Научкой давно уж доказано, что именно лес лучше всего задерживает земную влагу и не дает ей бестолку испаряться и улетать в небо, лес смягчает климат и умиряет ветры. В добавление ко всему лес может кормить и поить так же, как хлебное поле.

Мы стояли на утоптанном пятачке с краю рощи, и все той же рукавицей прицелисто и безошибочно Ефим Иванович показывал то на одно, то на другое дерево. Тут было два или три вида берез, несколько видов тополей и кленов, дуб, бархат, ильм, маньчжурский орех, ясень, черемуха Маака, липа, черноплодная рябина, шелковица, калина, бузина, сибирские яблони и много других деревьев.

— Посмотрите, как растет маньчжурский орех на едине и как в роще. Тут он весь раскустился, вширь раскинулся, а в роще вон какое высокое и стройное дерево. Только верхушка — куполом. И знаете, как это красиво! Что пальма! Лист до восьмидесяти сантиметров длиной. Так почему же в Крыму или еще где-то вот такие деревья украшают улицы, дворцы, парки, а у нас нет? Почему? Ведь орех тут растет прекрасно. Надо только заниматься. Представьте себе сосновый лес, а

между соснами — ореховые деревья. А? Разве плохо? Мохнатые кроны сосен и — этакie развесистые зонты из громадных резных листьев!

Вот в том парке, про который я вам говорил, и в том лесу, который будет за околицей, я, конечно, постараюсь сделать такое сочетание.

Помолчав, он добавил:

— А загвоздка опять же в семенах. Нужно мне килограммов восемьдесят маньчжурского ореха. А лесхоз, с которым я договорился, прислал только десять. Но я думаю, что все-таки раздобуду семян. Сам поеду...

Потом он объяснял, как какое семя ведет себя. Например, ильм. Очень прихотливая штука. Семена созревают где-то к десятому июня. И тут уж, будь добр, не мешкай, собирай семена и сразу же высевай. Иначе погибнут. Не живет долго ильмовое семя. А деревца лучше всего выращивать из семени. Это уж надежно. Здоровое деревце и пересадок не боится. А отводки да черенки — это уж не то. Это насилие над природой. И что вырастет, так не столь уж полноценно — просто боролось за жизнь и чем-то пожертвовало. А от семени все, что унаследовано, проявляется полнее.

Вечерами беседы наши затягивались до полуночи. За ужином Ефим Иванович угощал меня вином собственного производства, и должен отметить, что давно уж не пил я столь приятного напитка. Ни сам Ефим Иванович, ни жена его Александра Степановна не имеют пристрастия к вину. Но потчевать любят.

Квартира у Ефима Ивановича из двух комнат, небольшой прихожей и такой же кухоньки. Коридор, а под углом к нему — не то летняя комната, не то веранда, заваленная книгами, журналами, газетами, какими-то приспособлениями и инструментом. Тут же зимуют всевоз-

можные ящики с землей. Скорее всего, это рабочий кабинет на лето и зимнее хранилище для различных семян и корневищ.

К дому Ефима Ивановича примыкает огород и сад площадью в шестнадцать соток. Растет в саду три десятка сортов крупноплодных яблонь, несколько сортов груш, вишен, крыжовника и слив, маньчжурский орех, шелковица, черноплодная рябина, смородина, жасмин, сирень, малина, земляника, калина и еще что-то, чего я не запомнил.

— Вы никогда не ели калиновое варенье? — спросила однажды Александра Степановна.

А я не только не ел, но и не слышал о таком.

— А вот оно и есть, — указала она на объемистую вазу с золотисто-янтарным вареньем, кое-где подернутым кружевом тонкой пены.

— Да, — поддержал Ефим Иванович, — ни за что не подумал бы, что из калины может быть такое варенье.

А варенье и впрямь было отличное — с необычно тонким привкусом, напоминающим не то гранат, не то ананас.

Но самое лучшее варенье, как уверял Ефим Иванович, из черноплодной рябины. К тому же свежие ягоды ее — очень ценное лекарство от сердечных заболеваний.

Калину Ефим Иванович считает прекрасным декоративным кустарником. И цветет она великолепно, пчелам нравится и всю зиму удерживает рубинно-яркие свои гроздья.

— Нет, вы только представьте, — говорил он, — стоит зимний парк. Аллея. Деревья в инее. И тут же, как подлесок, эта самая калина. Тихо, чисто, бело от снега, и в этой чистоте и белизне этакie яркие и чистые круглые фонарики...

Я представил и нашел, что это хорошо.

— Вы видели наш Дом культуры? — спросил Ефим Иванович без всякой связи с калиной. И сам ответил: — Неплохое здание. Но стоит оно пока что на голом месте. По обе стороны от него ветхие избушки. Весь вид портят и место занимают. Ну, я, кажется, договорился с дирекцией и сельским Советом убрать их и расчистить площадь. И заложу я тут еще один парк. Директор идет навстречу. Вот калину-то и хочу там насажать по аллеям.

Он помолчал, постукивая пальцами о столешницу. Пальцы эти явно говорили, что потрудились они изрядно, но и сил в них еще достаточно.

Ефим Иванович сидел в клетчатой рубашке с расстегнутым воротом. Сидел, немного откинув голову. Бритая голова, спокойное лицо, молодо голубеющие глаза — весь он наводил на мысль, что жил не зря и знает, что делать дальше. Ощущение того, что он вернулся из путешествия, не покидало меня и здесь, у него на квартире.

— Там, где сейчас Дом культуры, — заговорил он, — спортивная площадка разбита. Так вот, когда еще был тут колхоз, то с одной стороны этой площадки по доброй воле насажал я несколько рядов сосенок. Принялись и росли прекрасно. Окрепли уж. И, понимаете, обидно. То свиньи там бродят, то пастухи стадо гонят. А потом еще и трактористы сено да солому возили по этим сосенкам напрямик. Все порешили, ничего не осталось. Нынче опять садить буду.

— Ой, да разве это первый случай! — как бы укорила его Александра Степановна, убирая со стола. — А сады? Сколько садов погибло! И здешнему, бывшему колхозу сад посадил. Все загубили. То скот запустят по недогляду, то на зиму укрыть поленятся. А у нас ведь

морозы... И дошло до того, что перепахали сад под картошку. Принесла я одно выпаханное деревце домой. Уцелело вроде. Посадила. Отросло. Так знаете, какая яблоня получилась! Пепин шафранный. У нас пуды яблок на нем вырастают.

— Да, да, — покивал Ефим Иванович, — вот с ней, с Александрой Степановной, мы и сажали тот сад. Тут недалеко от нефтебазы. Да ребята наши помогали.

Ребят у Ефима Ивановича и Александры Степановны трое. Старший Владимир служил в армии, а двое еще школьники — Люда и Витя. Витя самый младший, застенчивый и вежливый человек лет двенадцати, с веселыми веснушками на переносье. Пока мы беседовали, он раза два сходил в теплицу, чтобы подшевелить там огонь в печах. В теплице требовалось поддерживать плюсовую температуру, и ее всю зиму отапливали.

Еще и еще рассказывал Ефим Иванович о садах и лесах, посаженных им, о срывах и неудачах, о сложных перипетиях жизни, о чьей-то бездумности, о мудрости, о великодушии встреченных им людей и о многом другом.

Он не был замкнутым человеком. И то, что я слышал, он рассказывал, наверно, не только для того, чтобы объяснить, как и что было в прошлом, а для того, чтобы заставить меня задуматься. Чем больше слушал я его и размышлял, тем настойчивей чувствовал необходимость узнать о истоках его. Как и почему именно таким сложился этот человек?

И вот после вечеров, проведенных в длительных беседах, после всего того, что я уже знал о нем, путь, пройденный этим человеком, озарился тем особенным светом, который осеняет судьбы и пути тех, чьими руками была завоевана и утверждена Советская власть, кто заложил фундамент новой жизни и продолжал беречь ее по чести и совести.

...Начало двадцатого века. Россия. Курская область. Путивльский уезд, имение сахарозаводчика Курдюмова. Дымят заводские трубы, хлопочет рабочий люд, тянутся крестьянские обозы с сырьем и топливом для заводов, скрипят колеса на шляху, обозные крики, брань, песни... Обгоняя обозы, проносятся богатые экипажи.

Курдюмовское дело поставлено на широкую ногу. К хозяину наведываются солидные деловые люди. Скачут курьеры. И во всей этой сутолоке целыми днями носится по городку голенастый веснушчатый мальчик с золотисто-рыжей головой. Он так и называется — конторский мальчик. Ефим. Ефимка, Ефимша.

Ефим еще мал, но понимает, что хозяин его — мужик толковый, ведет большое и интересное дело и за это в общем-то нравится, хотя, конечно, шапку перед ним ломать полагается. Все есть у человека, так мало. Еще надо, чтоб всякий нищий и неприкаянный уважал его и кланялся.

Ефимов дядька — ветеринарный фельдшер — долго возил своего племянника по разным богатым домам, чтобы определить в подручные. Не нравился малец богачам. Больно уж невзрачен на вид. А Курдюмов взял и не пожалел, потому что Ефим и на ногу скор оказался, и смышлен, другим не чета. Иные владельцы магазинов потом затылки чесали, пожалуй им пришлось, что не взяли Ефима. Шагом он не ходил, бегал, точно рысак, во все концы и любое поручение исполнял быстро и с толком.

Однажды хозяин вручил ему увесистый пакет с громадной суммой денег и велел доставить по указанному адресу. Из незапечатанного конверта не пропало ни рубля, чему немало дивились и хозяин, и сам адресат. Ай да Ефимка! Знать, хороши отец и мать, что воспитали такого сына! Но, как выяснилось, ни отца, ни ма-

тери он не помнил. Он был еще мал, когда они померли. Воспитывался то у бабушки, то у дядьки, пока не подрос, и определился вот в конторские мальчишки. Теперь сам себе хлеб зарабатывает.

Бабушка-старушка была хожалая, любила постранствовать с посошком по белу свету. Не раз она и внука брала с собой. Так что сызмальства и приучил Ефим ноги свои к ходьбе и выносливости. Однажды они с бабушкой дошли аж до Северного Кавказа. Стоял там в предгорьях таинственный монастырь, куда ходило множество паломников. Дорога чудесная — по холмам и лесам, через светлые речки и ручьи, а по обе стороны без всякой охраны растут яблони и груши, сливы и шелковицы. И все это обильно плодоносит: ах, какие ароматные, какие сладкие были яблоки и груши! Подходи, бери, только не ломай деревьев. Бесплатно и сколько душе угодно.

Но кто же сажал эти благодатные деревья? Никто, оказывается. Паломники питались фруктами и за долгие годы рассеяли вдоль дороги всевозможные семена и косточки.

Что-то, быть может, от этих впечатлений тоже заронилось в душу Ефиму тем семенем, из которого проросло потом столь разумное и бережное отношение ко всему, что растет и живет на земле. Но главное, конечно, в том, что все детство и юность прошли на земле с глазу на глаз с природой, и уже в это время он был ей защитником и помощником.

Быстро, очень быстро шло время — быстрее, чем бегал конторский мальчик. Он уже изрядно подрос, но все так же бегал по городку, подметал полы, вытирал столы и подоконники, мыл окна. После работы отправлялся в чулан, где жила хозяйская прислуга. Там был его дом и ночлег, там сказывали сказки и загадки, там, несмотр-

ря на нелегкую жизнь, пели вечерами и плясали. Там была одна добрая женщина, которая, как мать, любила сироту Ефима. Жизнь казалась интересной. А тут еще и грамоту одолел, потянуло к книгам, открылся мир неведомый, полный загадок и потрясений, красоты и жестокости. Читал все без разбору, в том числе и совершенно взрослые книги.

Когда приспела юность, Ефим уже работал учетчиком труда в одной из курдюмовских экономий. Хозяин замечал в нем любознательность и редкостную увлеченность земельным делом. К двадцати годам он был практикантом, то есть помощником управляющего экономией. А на эту должность обычно ставили человека с агрономическим образованием. Потом он одолел и бухгалтерию — произвели в бухгалтеры. И все это без школ, самоучкой, ибо слишком велика была тяга узнавать да открывать что-нибудь.

В тысяча девятьсот пятнадцатом взяли его на царскую службу. Солдатчина. Прошел унтерскую школу, где опять-таки показал немалые успехи и оставлен был при учебной команде.

А война шла, и землю отечества топтали враги. Он строчил рапорты с просьбой на фронт. Не отпускали: нужен был в тылу для обучения солдат.

Приходили тревожные и разноречивые слухи. Поговаривали о революции и никчемности войны. Надо было разобраться, что же происходит. На фронте сильно пострадал офицерский корпус. На взводы и роты не брезговали брать теперь и кухаркиных детей — людей с унтерскими погонами. Ефиму дали маршевую роту, которая своим ходом должна была прибыть на позиции.

В пути застала весть о революции. Царь сброшен, и учреждено Временное правительство. Каждый день стали появляться разные агитаторы. Одни призывали к вой-

не до победного конца, другие — повернуть оружие против своих генералов да господ или воткнуть винтовки штыками в землю. Большевики, кадеты, эсеры, меньшевики... Разные программы и тактики. Не просто сразу выбрать верный путь.

Шли дни, и рота все больше становилась революционной. На шинелях у солдат появились красные банты, а сам командир маршевой стал председателем ротного комитета. Дни были бурными и тревожными, в самом воздухе витало нечто великое и грозное. Однажды вечером, когда рота стояла на привале, часовые передали, что с председателем ротного комитета желают разговаривать незнакомые люди. Оказалось, что это кубанские казаки-революционеры. Узнав, какая это рота и куда идет, они заявили, что так двигаться опасно. Рота революционная, а винтовки без патронов. В тот вечер рота получила от них патроны.

В пути на одном из митингов какой-то оратор предложил несколько лозунгов, с которыми должны были идти теперь солдаты. Ефиму понравился лозунг: «Слава революционному подполью последних двенадцати лет!» Он нашел красное полотнище и собственноручно, стилем «рондо» вышил на нем лозунг, употребив на буквы золотистый шнур, из которого делали аксельбанты. С этим лозунгом и красными бантами на шинелях рота отправилась дальше. Фронт был уже близко, слышался гул артиллерии. В одном из сел роту остановили. Тут скопились мелкие подразделения разных родов войск — кавалеристы, пехотинцы, казаки, интенданты, штабисты, санитары, музыканты. В селе оказался штаб корпуса, которым командовал генерал-адъютант Миллер. Царили разброд и неразбериха. Постреливали. Наконец было приказано собраться на площади и выстроиться каждому подразделению отдельно. Рота Никитенко выстрои-

лась впереди. Над площадью кое-где плескались красные полотнища. Но больше всего красного было над головами солдат маршевой роты Никитенко. Да и на шинелях у всех были красные банты.

Проходил час, второй, а солдаты стояли и не знали, что ждет их. В штабе Миллера, наверно, совещались, как быть, как поступить с революционно настроенными солдатами.

Наконец появился хмурый полковник с осунувшимся от бессонницы лицом и лихорадочным блеском в глазах. Молча окинул взглядом замершие ряды солдат и, пройдясь, не приказал, а попросил командиров передать своим солдатам приказ генерал-адъютанта — убрать лозунги и снять нагрудные банты. Впрочем, командиров не было, были председатели комитетов. Ефим Никитенко вышел перед ротой и так, чтобы слышали не только его солдаты, сказал:

— Товарищи! Нам предлагают убрать лозунги и снять красные банты. Но я считаю, что этого делать нам не стоит, товарищи!

— Правильно! — загудела площадь. — Не сымем! Пусть сам Миллеров придет!..

Полковник резко поворачивается и уходит. И опять долго стоят солдаты. Ждут.

Только к вечеру в окружении свиты соблаговолил появиться сам генерал Миллер. Ах, какой генерал! Картинка! Только и он больно уж бледен. Молча, несколько раз прошелся он перед строем, пристально и строго разглядывая и как бы изучая лица солдат.

Рядом с Никитенко стоял солдат, которого раньше в его роте не было. Откуда он взялся? Был он приземист, коренаст, с широким рябоватым лицом, лет тридцати пяти. Генерал, которого интересовала никитенковская рота, особо пристальное внимание уделил как раз этому

незнакомому солдату. Он остановился перед ним и долго разглядывал. Солдат в свою очередь спокойно глядел в его глаза и ждал, что скажет их высокопревосходительство. Генерал отвел взгляд и чуть иронически скривил губы. Он догадался, что перед ним не просто солдат, а агитатор. Впрочем, могло быть и так, что генералу уже известны были агитаторы, а теперь он перед солдатами показывал свою «проницательность». Генерал потянул руку к его банту и, словно передумав, сорвал бант с соседа слева. Сосед не шелохнулся, а генерал пошел дальше к левому флангу, срывая с солдатских шинелей красные банты и бросая их под ноги. Сорвав последний бант с левофлангового, генерал опять ходил перед строем и рассматривал лица. Вот он опять приблизился к тому коренастому солдату с широким лицом, долго стоял перед ним, упершись в него взглядом, и, потянувшись, хотел было сорвать бант и с него. Солдат мгновенно закрыл бант ладонью, а второй рукой поправил кобуру на поясе. Генерал схватил его за кисть, чтобы силой оторвать руку от груди. Генерал — детина, но и солдат оказался силен. Рука его не разгибалась. Оба они побагровели и засопели носами. Наконец генерал отпустил руку.

— В строю, — сказал он негромно, но строго, — ничего лишнего носить не полагается.

Генерал был явно взбешен, но он умел владеть собой. Не срываясь на окрик и все тем же спокойным голосом он повторил приказ. И тогда солдат звонким голосом хорошего оратора прокричал в лицо генералу:

— Не вы, генерал, дали мне красный бант и не вы его уберете. Мне дала его революция.

Этот голос был услышан. По площади прокатился ропот. Но генерал не отступал. Он потянулся теперь к Ефиму, чтобы сорвать бант с него. Но Никитенко, как и

незнакомый сосед, тотчас закрыл бант ладонью. И уже никто, с кого пытался теперь сорвать генерал банты, не дал ему сделать этого. Весь правый фланг остался при бантах.

Генерал отступил, повернулся и, отойдя к свите, распорядился записать фамилии оставшихся с бантами.

Полковник, исполнивший это приказание, хлопнул блокнотом о ладонь, давая понять, что кое-кому теперь не сдобровать.

Ефим Иванович и его товарищи ждали распоряжения об аресте. Момент был, конечно, тревожный. Блокнот полковник опустил в карман френча и хотел, видимо, еще раз призвать к благоразумию, но тут из задних рядов хлестко прозвучали чьи-то слова:

— Товарищи! Да как они смеют?! Арестовать их, товарищи! Долой царских холоуев!..

Солдаты загудели. Хлопнул выстрел. Качнулись, сгрудились и сломались еще миг назад стройные ряды. Генерал и его свита были окружены плотной стеной штыков и сабель. Была близка расправа. Но вдруг откуда-то прорвались незнакомые солдаты-здоровяки, заслонили генерала, и один из них зычно заорал, перекрывая шум и гвалт:

— Товарищи! Нельзя чинить беззаконие! Мы будем судить их революционным судом! Мы должны их взять пока под стражу!..

Так началась для Ефима Ивановича революция.

Стремительный водоворот событий захватил и понес молодого солдата, бывшего унтер-офицера, сталкивая его все с новыми людьми. То было время окончательного выбора пути. После Октября он добровольцем ушел в Красную Армию. Через год командовал батальоном, который прошел весь юг России и выполнил немало сложных и опасных операций.

Но вот закончилась гражданская война. Истоптанная, избитая, опаленная, политая кровью и усеянная костями, земля ждала покоя и теплых крестьянских рук, ждала иных посевов, чтобы выметать тучные злаки и скрыть под ними нанесенные шрамы и увечья, чтобы, сияя извечной красотой своей, дарить людям мир и довольство и напоминать о гибельном значении войн.

По всем статьям Ефиму Ивановичу лежал путь по военной части. Он числился в рядах наиболее способных красных командиров, прошедших школу мировой и гражданской войн. Но он был еще и аграрником.

С 1923 года он вновь возвращается к полям и садам. Теперь он был уже партийным человеком.

В ту пору, конечно, не было еще колхозов и совхозов. Большая часть земли принадлежала единоличникам. Но создавались уже и коллективные хозяйства. Базировались они в большинстве случаев на месте бывших помещичьих, княжеских, графских, баронских и прочих усадеб, перешедших после национализации в руки Советской власти. Теперь это были социалистические сельскохозяйственные экономии. Одну из таких экономий и возглавил Ефим Иванович. Принадлежала она Ржевскому сахарному заводу. В прошлом это было имение знаменитого садовода француза Пэрэтэ, жившего в России. Во время революции он уехал из России, но потом вернулся и, как видный ученый и специалист, работал в Совете Народного Хозяйства.

Рассказывая о том времени, Ефим Иванович, как это свойственно ему, восторгался то человеком, то произведением природы или рук человеческих. Причем не было случая, чтобы он не вспомнил чьей-либо фамилии. Однажды, правда, запамятовал, да и то, как он объяснил, потому, что человек-то был дрянной и помнить его не обязательно.

Он был в восторге от своей экономии.

— Нет. Вы поймите правильно, — как бы извинялся он. — Дело тут, видите ли, в том, что на Руси-матушке всегда было много людей, достойных уважения, похвал и преклонения. Были и знаменитые аграрники, опыт которых после завоевания власти надлежало нам перенять, использовать и преумножить. Скажем, Пэрэтэ этот... Знали бы вы, какой это был сад! Что только не росло там. Сто девять десятин! Впечатление неизгладимое. Какая красота, как все умно и продуманно! И говорю я все это вот к чему. Часто мы воспитываем человека одними теориями. На языке он тебе все расскажет. А разве практический результат, факт, если он действительно прекрасен, не воспитывает? Да он еще больше воспитывает. Стало быть, очень и очень нужно беречь нам все, что любо человеку, что радует его и дает добро в конечном счете. Представьте себе тот сад. Надо быть без головы и души, чтобы, побывав там, не задуматься, как прекрасна земля и как велик, может быть, человек на ней. И вообще, какой великий смысл в том, что вот так живет человек!

...Мне нравится слушать Ефима Ивановича. Так может рассказывать лишь человек, очень пытливый и наблюдательный, очень любящий свое дело и очень заинтересованный в том, чтобы и люди любили все это. Впрочем... Как явствует из его же рассказов, трудно выделить самое любимое занятие его. В жизни ему приходилось выращивать пшеницу и свеклу, варить сахар, садить сады и леса, строить пруды, заниматься экономикой и финансами, цветоводством, пчеловодством, животноводством, оленеводством, промыслом морского зверя и рыбы. И, рассказывая о том или ином деле, обязательно вспомнит он что-нибудь такое, что достойно, по его мнению, великого удивления, уважения и восхи-

щения. «Какой был человек!» — вдруг скажет он, назвав очередную фамилию. Или: «Какое это интересное дело!», «Какая красота!» Нет, это не слабость, не односторонность. Немало в его жизни было и такого, что уж никак не может вызвать восторгов.

В экономии, где работал Ефим Иванович, кроме гигантского сада, с которого, пожалуй, навсегда утвердилось в нем пристрастие к садоводству, были еще и обширные поля, где выращивали свеклу. Через полгода дела в экономии пошли на лад, запущенный было сад зацвел по-прежнему, поля обрели хозяйственную руку. Ефиму Ивановичу предложили теперь возглавить центральное отделение Ржевского сахарного завода, где он проработал ровно год и память о себе оставил — с помощью государства и специалистов электрифицировал село. В бывшем помещичьем имении стоял сломанный двигатель. Его отремонтировали, провели провода.

— Когда зажглись лампочки — это было таким праздником!

Рассказывая, он как бы удивлялся, что народ очень уважал его. Вроде бы ничего особенного и не было, а уважал, все доверял. Несмотря на большую занятость его на центральном отделении, он был избран еще и председателем заводского комитета. «Как интересно было работать!..»

Через год был он директором Дерюгинского песчано-рафинадного сахарного завода в Льговском уезде Курской области. Здесь неподалеку от завода стоял естественный изрядно запущенный лес, который новый директор с помощью неоднократных воскресников превратил в великолепный парк.

— До чего же хороший парк получился! Дубы, липы, бук, сосна... Дорожки, аллеи в акациях... сирень, яблони...

В двадцать седьмом он был в Москве на переподготовке директоров сахарной промышленности, а через год возглавил группу Рыжковских совхозов Курского отделения сахарного треста. Затем — директором завода «Коммунар» Грайворонского уезда. То был, пожалуй, особенно интересный период. Он восстанавливал разрушенное, строил заново, налаживал технологию, вводил новую культуру.

— Не знаю, как другие тогдашние совхозы, а наши сахарные всегда с прибылью работали, — говорил он. — У директора всегда был порядочный фонд. Разница же по сравнению с соседними хозяйствами заключалась в том, что... Понимаете... Стоит село голое в степи, ну и стой. Ни парков, ни лесов, ни садов вокруг не садыт. Да мало ли что можно придумать и сделать для украшения собственной жизни!

Расскажу я вам, как это было у нас. Вы не помните старый Мавзолей Владимира Ильича? Нет? И на картинках не видели? Жаль. Тот Мавзолей, знаете, простой такой оградкой обнесен был. Оградка из березок. Понимаете? Белые березовые брусочки вместе с берестой и крестообразно, как бы в клеточку, аккуратно меж собой связаны. И получалось что-то немного северное, очень русское, очень родное, светлое и задумчивое. Это, конечно, художники сделали. С любовью. Ходил я и любовался, в Мавзолей схожу и оградкой любуюсь. Это когда я на курсах-то был.

Да. Так вот. Приехал я в свой совхоз и думаю: а почему бы вокруг каждого двора не возвести такие оградки? А к тому времени на центральном отделении начали мы строить для рабочих не такие домики, как сейчас строят, а, как бы это сказать, прибалтийской архитектуры. Высокие домики, с высокой крышей, с мансардой и шпилем. Ну, сейчас, может, сказали бы — изли-

шество. Да ведь красиво и удобно! Глаз радуется, жить веселее. Почти все центральное состояло из таких домиков. Эх, думаю, теперь обсадить бы все это деревьями да цветниками и возвести бы оградки из березок!..

И знаете, получилось. Сначала я собирался было заложить свой совхозный питомник, вырастить деревца и перенести на усадьбу. А потом совсем случайно обнаружил под Курском государственный питомник. Ехал однажды в область на совещание. Тогда на лошадках ездили. Вижу, что-то очень уж интересное зеленеет в стороне. Заехал. Оказалось, крупное лесничество. А лесничий... Какой прекрасный человек! Культурный. Ученый лесовод. Разговорились. Что это у вас? — спрашиваю. А он грустно так вздохнул и с болью душевной отвечает: «Лесопитомник, дорогой товарищ. Прекрасный материал, да пропадает ни за что». — «Да как же так?» — удивляюсь. А сам думаю: «Наверно, очень уж дорого стоят эти деревца, потому и не берет никто». А он мне: «Наверно, есть дела поважнее. Не до этого сейчас». Я и говорю: не одним, мол, днем живем. Вместе с другими делами и о красоте, и о здоровье заботиться надо. А он с любопытством поглядывает на меня. «А почему, — говорит, — вы, товарищ директор, не берете?» Я отвечаю, что работаю в этих местах совсем недавно. Но если можно, то я возьму, только, наверно, это слишком дорого будет. Рассказал я ему про домики свои и про оградку у Мавзолея. Вижу, посветлел лицом, доволен, согласен со мной. «Раз, — говорит, — вы такой человек, я вам бесплатно дам сколько угодно». Бесплатно я, конечно, не соглашаюсь. И вам, говорю, надо доход иметь. Но взял он с меня всего по копейке за деревце. Шуточное ли дело! На каждое деревце столько времени затрачено! Так вот, сколько бы вы думали? Четыреста тысяч деревьев одного американского клена взял я у него. А

клен — чудесное дерево! И растет отлично, и кустится, и лист широкий, резной. В конце лета какими только цветами не окрасится! Все горит, бывало. Праздник!

Зацвела наша усадьба. Оградки решетчатые вокруг каждого дома. Только, знаете, березок у нас не нашлось подходящих. Так оградки сделали из ореха. Очень даже хорошо получилось. Орех — дерево ровное, гладкое и кора красивая...

Он замолк, задумался, и я понял, что он мысленно был в том совхозе и любовался делом рук человеческих. Из глаз струился мечтательно-теплый отсвет, лицо чему-то чуть заметно улыбалось. Он вспоминал.

Мы сидели в горнице. Семейство Ефима Ивановича уже отдыхало. В доме было тихо. За окнами густела ночь.

— Однажды, — заговорил он, — сидел я после работы на конторской веранде. Веранда плющом увита, в деревьях прячется, а с улицы до самого крыльца аллея подходит, как туннель зеленый. Дождик как раз прошел. Парок над землей, все сверкает, зелень, цветы, деревья, капли падают с листа на лист, ручей бормочет, аромат плывет, птицы заливаются. Смотрю, легковушка остановилась напротив конторы. Вышли трое мужчин. Стоят, оглядываются, жестикулируют. Понравилось, видать. Меня им не видно, а я их хорошо вижу. Идут в контору. Спрашивают, какое село, не сбились ли они с дороги. Да нет, говорю, правильно едете. А они, видите ли, не узнали наше село. Не верилось, что все тут вон как преобразилось. Раньше ничего не было и — на вот! Оказалось, что это начальство из области. И говорят мне: «Ты тут как в раю живешь. Успокоился. Надо в другое место перевести тебя. Хватит...» И понимаете, через несколько дней действительно приказ пришел. Опять поочевал я в другое место. И в том, в другом совхозе опять

из того же питомника успел насаждать клену. Парк заложил. Теперь там, наверно, уже громадные деревья...

Он опять помолчал, слегка откинувшись на стуле, положив большие руки на край стола и раздумчиво пошевеливая пальцами. Качнулся и заговорил:

— Я забыл вам рассказать еще о прудах. Ох, интересное это дело! Когда-то был в тех местах пруд помещичий. Рыбы там было. А помещица не то чтоб странная особа, но своеобразная. Никому не разрешала рыбу ловить. Мужиков за это порола. Только сама придет, бывало, с удочкой, посидит, половит карпов немного. После революции мужики вычерпали рыбу неводами, а пруд разрушили. Грязь одна.

Он с сожалением пожал плечами.

— Понимаете... Трудно, пожалуй, было сохранить в целости все, что отняли у помещиков. Хотя, конечно, можно бы. Ведь в первые годы Советской власти, при Владимире Ильиче еще более бережно относились ко всему такому. Это уж потом на самотек пошло, многое зря порешили. Например, пруды, дворцы, храмы, памятники, сады.

Старый строй разрушить до основания — это понятно. Так и нужно было. Но произведения рук человеческих, произведения ума и таланта... Ведь тот пруд, например, построен был теми же мужиками. А вот вышло непонятно. Конечно, ненависть ко всему господскому велика была. Но были и головотяпы, и подстрекатели. Были...

Да. Вот и подумал я: почему у помещицы водилась рыбка, а у нас нет ее? Напротив, должно быть еще лучше. Все наше, сами хозяева. Надо сделать, чтобы всякий мог прийти порыбачить, отдохнуть, подышать. Стал я об этом говорить на собраниях и совещаниях. Загорелись. Давай пруд строить, а тем временем я с рыбозав-

водным хозяйством договорился насчет малька зеркального карпа. Им земля под пруд требовалась. Я им — землю, они мне — малька привезли. Сорок тысяч. Прекрасная рыба! Через два года пруд наш буквально кишел рыбой. Какие великаны, какие красавцы эти карпы! Тут уж естественный расплод начался, еще больше рыбы стало. Пришлось подкармливать. Дело это несложное. Жмыхи да горох дробленый. Просто и выгодно. Пошло дело. Еще несколько прудов запрудили. Благодать.

Ну а жадные да браконьеры — тут как тут. Мало им удочек. Давай вентера ставить, сети, невода забрасывать. Пришлось объездчика ставить. Да разве уследишь? Ночами разбойничали. Вырядятся в черное и прячутся в камышах. А утром глядь: то там, то здесь невода вытаскивали. Это же очень заметно — трава примята, ил вытащен, ракушки. Случалось, ловили, штрафовали, снасти отбирали, а все равно не помогало. Думал я думал, и вот что надумал. Во всех тех местах, где можно невода тянуть, вентера и сети ставить, в зимнее время по льду, тайком от лишних глаз, набили мы крепкие сваи. Кто не знал, думал, кормушки устраиваем. А у нас сваи-то эти все в гвоздях да закорючках железных. Скрывались они под водой ровно настолько, чтобы лодки проходить могли. А сверху их не видно.

Растаял лед. В прудах заплескалась рыбка, а объездчика нет. Раздолье браконьерам. Ночами, утречком по туману с неводами поперли. Да не тут-то было. Заведут, а вытянуть не могут. Мечутся, спешат, и все снасти — в клочья. Так на сваях и оставили. Какая уж тут рыбка! Нельзя поймать ни неводом, ни сетями, ни вентерями. Осталась только удочка. И что вы думаете? Перестали губить малька и маломерок, так столько рыбы расплодилось, что всем хватало.

Я это вам к тому опять же, что мы своими руками очень

много сделать можем для собственной нашей радости, пользы и удовольствия. Надо только не изгаляться над природой, не насиловать, не грабить ее, а всячески способствовать ей в умных трудах ее. Ведь без этого же не обойтись ни при каких машинах и культурах ни сегодня, ни завтра, никогда — ни нам, ни детям, ни внукам нашим.

Зима и лето тысяча девятьсот двадцать девятого года прошли за учебой в Москве. Теперь Ефим Иванович изучал методы хозяйствования в иной отрасли — в специализированных зерновых совхозах. Своих советских методов ведения крупного хозяйства тогда у нас еще не было, и приходилось учиться у заграницы.

Но вот и учебе конец. Приспело время определяться по местам. С напутственной речью выступил Михаил Иванович Калинин. Советовал он в земельном деле всячески учитывать здравый мужицкий подход к местным условиям. Ничего, что он, мужик-то, неграмотный, зато у него громадный опыт. Советовал соблюдать меру и осторожность в проведении коллективизации. Целью тогдашних совхозов было не только производство хлеба машинным, наиболее дешевым и производительным способом, но и показ крестьянам на деле преимуществ коллективного хозяйствования. Совхозы должны были стать образцовыми хозяйствами.

Кстати, директорам тогдашних совхозов предоставлялись очень широкие права и полномочия, простор для инициативы, самостоятельности и новаторства в решении местных вопросов.

— И вот я сравниваю тогдашнее с теперешним, — рассуждал Ефим Иванович, — и прихожу иногда к выводу, что самостоятельности у тогдашнего директора, пожалуй, было больше. И то сказать, ленинские принципы и нормы еще не нарушались, как это пошло потом

и вылилось в то, что без санкции сверху и малую малость не сделаешь. Потому, думаю, и топтались совхозы долгое время на одном месте. Это уж теперь, после пленумов, получше становится с инициативой и самостоятельностью.

Для комиссии, ведавшей распределением, было не совсем понятно, почему это бывший директор сахарной промышленности, исконный житель центральной полосы, высказал желание отправиться на Дальний Восток.

— А мне, знаете, хотелось и землю нашу посмотреть побольше, и поработать в малообжитых краях. Был я тогда, как говорят, в расцвете сил. И здоровье отличное.

Я спросил его, не повлияли ли на выбор места так называемая романтика, желание странствий и так далее. Он хмыкнул и сдержанно развел руками.

— Как вам сказать. Я ведь был уже не юноша. Мне было тогда за тридцать. Конечно, тянуло узнать побольше. Даже теперь... Но главное, хотелось на новом месте сделать что-то хорошее. Понимаете? Да разве я один к тому стремился? Представьте себя на моем месте. Мы только что своими руками завоевали Советскую власть, только что расчистили поле для строительства новой жизни, и, конечно, все мы несли в сердцах тот огонь, который помог пробудить Ленин. Так разве могли мы поступать и думать иначе? Созидать, украшать землю, порядок наводить повсюду — вот что постоянно двигало нами. Много, очень много прекрасных людей, замечательных товарищей довелось мне увидеть рядом с собой! — подумал, помолчал. — Жаль, конечно, что многих из них нет в живых...

Перед отправкой на Дальний Восток Никитенко было дозволено лично подобрать кадры для нового совхоза еще там, на месте. Так что на Амур он приехал

как бы со своим штабом. Характерен такой случай. В учреждении, где оформлялись документы на тех, кто поедет с Никитенко, подошел к нему знакомый югослав Торбашинович, который, как и Никитенко, учился по программе директоров зерносовхозов. В Россию он попал по время Брусиловского прорыва, как пленный. Потом участвовал в революции, стал коммунистом.

— Слушай, Никитенко, — сказал он, — возьми ты меня с собой на Дальний Восток заместителем. А? Понимаешь, чем-то ты мне понравился.

Ефим Иванович засмеялся, развел руками:

— Чудно получается. Совсем не знаешь меня, а говоришь комплименты, ехать со мной собираешься за тридевять земель. Может, я совсем не такой, как тебе показалось.

— Нет, брат. У меня чутье на людей. Будь добр!

Правду сказать, Ефим Иванович усомнился. Слишком уж просто получалось. Может, чужак какой этот Торбашинович. Однако, подумал-подумал и — по рукам.

— А ведь не ошибся! — восхищался Ефим Иванович и добавил свое обычное: — Какой был человек! Прекрасный товарищ! Да и внешность примечательная. Высокий, широкоплечий, с громадными черными усищами. А уж дело знал! С тех пор и стал он у меня заместителем по финансовой части. Еще там в Москве, в общежитии сидел и щелкал счетами.

И еще деталь. В Москве для нового совхоза исколотал Ефим Иванович и духовой оркестр вместе с музыкантами. «Зачем тебе оркестр?» — спрашивают. «Да как же без музыки! — недоумевал он. — На такое дело идем!»

— Нет. Вы понимаете, что такое музыка? Новый совхоз, рабочие — одна молодежь, а музыки нет. Да как же так? Нешуточное дело. Музыка у нас не только под-

нимала дух и молодежь удерживала, но и агитировала. В соседних селах тальянки да балалайки, а у нас настоящий духовой оркестр. Вот к нам и шла молодежь. Сначала музыку послушать, потанцевать, а потом и на место жительства, на работу. А как же. Все надо было учитывать...

И опять я невольно сопоставил, так сказать, дух и физический возраст этого человека. Семьдесят пять лет. Но он живет как бы не замечая их. Вот уж, воистину — не хлебом единым. В эти дни спозаранку отправлялся он в совхозный сад. Там надо было готовить материал для изгороди на громадной площади. До тепла надо было запасти необходимые удобрения, семена и так далее. А в выходные дни или когда стопорилось дело в саду, отправлялся он строить мост, который должен был положить конец разлуке озера с Амуром.

О музыке он поведал мне, когда показывал прилегающую к Дому культуры площадь, на которой уже спланировал посадку фруктовых деревьев по обоим крылам здания, а в конце площади, за стадионом, намечал посадить сосновый лесок. Площадь пока представляла собой пустырь с двумя ветхими домишками с фронтальной стороны и футбольным полем в глубине ее. Домишки надлежало сломать, а улицу перед Домом культуры, по которой сейчас громыхали грузовики, — перегородить с обеих сторон, и она тоже впишется в площадь. Статуя Ленина окажется в центре передней части площади, вокруг нее будут разбиты цветники и аллейки, окаймленные бордюром из декоративного кустарника. Ефим Иванович потом показывал мне макет этого парка, который он называет именем Ленина. На макете обозначены яркие квадраты, прямоугольники, круги — карминно-красные, голубые, золотисто-желтые, оранжевые, белые, фиолетовые, розоватые.

Объяснял он также, от каких кустов и цветов какая расцветка получается и... запах. Опять он вспомнил о калине. «Да, да. Вот тут будет калина. Тут маньчжурский орех, тут сосны...»

В тот вечер было довольно прохладно, не то что накануне. Солнце красной копной садилось, казалось, прямо на лед Амура. В черемухах, окружавших старые дворы, гомонили воробьи — гомонили так, словно им не хватило для этого дня и, наверно, к перемене погоды. В воздухе пахло дымом печей и снегом. Ефим Иванович то ходил, то останавливался и объяснял, где и чему быть. Ходил он по-хозяйски — не спеша и чуточку по-морскому, покачиваясь. Он, кажется, совсем не замечал мороза, фуфайка наполовину была расстегнута, шарфа не было, голая шея и грудь в клетчатой рубашке выглядели по-домашнему. Черная шапка-боярка съезжала на затылок, отчего обнажалась бритая голова, он поправлял шапку и все показывал да объяснял, как показывают и объясняют влюбленные в свое дело. Пожалуй, он увлекся и потому забыл о крепчавшем морозе. Потом, наверно, заметил, что я подрагиваю и, прибавив шагу, повел ужинать.

— У вас в городе, — спросил он по дороге, — наверно, не так относятся к посадкам? Берегут, наверно. Да и охранять есть кому. Дружинники, милиция, общественность...

И я должен был признаться, что в городе безобразий на сей счет предостаточно. На прекрасной набережной в Благовещенске, недавно одетой в бетон, были посажены молодые липы, клены, сосенки. Почти все они были искалечены, сломаны, скручены в штопор. Когда оттаяла земля, пострадавшие деревца выкопали и на их место посадили корявые, старые уже ильмы. Авось эти не свернут.

И еще был печальный факт. На площади Мира заложили отлично спланированный сквер, который со временем обещал превратиться в красивый парк. Там наряду с другими деревцами посажены были четырехлетние сосенки, которые сразу преобразили и сам сквер, и дома, и улицы вокруг, и даже мамаш, гулявших с детскими колясочками по желто-песчаным дорожкам. Осенью, когда выпал снежок, молодые еще неокрепшие деревца почти незаметны были в своей наготе и казались редкими прутиками. Зато сосенки в зеленых мохнатых шубках на белом снегу глядели так уютно, приветливо и кстати! Их было немного, стояли они редко, но именно они оживляли зимнюю площадь.

В ночь под Новый год почти все сосенки исчезли. Их украли на елки, спилив под самый корень — украли красоту, которая могла радовать не одно поколение и, как говорил Ефим Иванович, наводить на добрые размышления. Да, да. Эти сосенки могли не только радовать, но и воспитывать, ибо красота невольно пробуждает красивые и добрые чувства. А где добрые чувства, там добрые мысли, где добрые мысли — там добрые дела. И наоборот.

Когда Ефим Иванович со своим «штабом» приехал на Амур, двадцать девятый год был уже на исходе. Дорога заняла много времени, ездили тогда непрытко, да и путь был неблизкий. И то следует учесть, что в пути «штаб» уже работал — составлял расчеты и планы, слал заявки, договаривался с попутными городами о присылке необходимых материалов для совхоза, которого еще не было.

Однако шли уже грузы — тракторы, сеялки, стройматериал. Прямо с «колес» Ефим Иванович взялся «проворачивать» необходимые дела в Амурском окружном и Хабаровском краевом земельных отделах.

Вспоминая людей, с которыми знакомился здесь, он, как обычно, хвалил то одного, то другого. Очень ему понравился начальник краевого земельного отдела Бояр. Уж как знал край здешний и сельское хозяйство! Было чему поучиться у человека...

Несколько месяцев ездил Ефим Иванович по степи с экспедицией, возглавляемой землеустроителем Амурского окружного земледела Комаровым. Стояла уже зима, а снегу в степи совсем почти не было, и это удивляло. Здесь, на Амуре, оказывается, вообще не бывало большого снега. Да и степь тогдашняя выглядела не так, как сейчас. Березовые рощи, дубовые леса и перелески, острова лещины и мелколесья встречались довольно часто. Очень много водилось косуль и фазанов. Но на землях, которые нарезались совхозу, Ефим Иванович запретил трогать рощи и перелески, чтобы служили они пристанищем зверю и птице, чтобы сдерживали ветры и чтобы села, которые будут потом строиться, не скучными были. И лесные острова из дуба, березы и различных кустарников, надо сказать, долго стояли в целости.

— Так вот, — повествовал он, — нарезали мы для нового совхоза знаете сколько? Сто пятьдесят тысяч гектаров пахотно-пригодных земель. Десять отделений по пятнадцать тысяч гектаров. Владения наши простирались от Пояркова, то есть от берега Амура до теперешнего Завитинска и железной дороги. Хозяйство, может, слишком громадное получилось, но понимаете, хотелось побольше сел охватить, где предстояло новую жизнь строить.

Когда завершили землеустройство, надо было решить, где основать центральную усадьбу. Прораб, который осуществлял строительство, строго держался буквы закона. Главную усадьбу, согласно проекту, надо

было строить в центре нарезанных земель. Центр выпадал на Старую Райчиху. Но это было слишком далеко как от железной дороги, так и от поярковской пристани. А дороги тогдашние были столь труднопроходимы даже для гужевого транспорта, что более или менее успешно перевозить грузы можно было лишь в зимнее время, когда болота и ручьи замерзали. А перевозки для совхоза-гиганта предстояли нешуточные. Одного горючего требовались тысячи тонн. Еще более сложным делом могла оказаться вывозка хлеба. Вдоль тогдашних дорог в осеннее время от глубинных сел до самого Благовещенска можно было видеть остатки поломанных телег и россыпи зерна. Тем не менее прораб стоял на своем. С Ефимом Ивановичем у него начались распри, и дошло до того, что начал он писать доносы, обвиняя директора во вредительстве. А «вредительство» заключалось в том, что Ефим Иванович настаивал строить центральную усадьбу ближе к поярковской пристани на том основании, что совхоз располагался на громадной территории, а поярковский порт мог обеспечить доставку и перевозку любого груза по Амуру. Да и большинство сел, входящих в совхоз, располагалось ближе к реке. Дороги здесь тоже были лучше, чем в центре нарезанных земель. Словом, были все основания, чтобы центральную усадьбу строить неподалеку от пристани.

Когда Ефим Иванович был в Москве на обсуждении и утверждении профинплана, прораб развернул бурную деятельность. Все строительные и хозяйственные грузы из Завитой, Пояркова и Благовещенска пошли в Старую Райчиху. Обо всем этом сообщалось Ефиму Ивановичу в телеграмме, посланной заместителем по финчасти Торбашиновичем. Он возмущался и просил директора немедленно возвращаться, чтобы приостановить уже начатое нелепое дело. И, отложив еще многие нере-

шенные дела в Москве, Ефим Иванович помчался на Амур. По приезде сначала отправился в земельный отдел и показал телеграмму, а также высказал свои возражения и соображения. Начались переговоры с Москвой и крайкомом. В итоге план его признали наиболее разумным. А прораба дипломатично перевели в другое место еще до возвращения директора в совхоз.

— И вот как у нас все это получилось, — рассказывал он. — В семи километрах от Пояркова облюбывал я местечко для центральной усадьбы. Коренной берег Завитой. Высоко и сухо. С одной стороны лесок смешанный, который я сразу же запретил трогать. Объездчика поставил, чтобы ездил по совхозным угожьям и следил за лесами, пожары пресекал и зря дичь стрелять не давал. Ну, а дальше вы уже знаете: заложил бор сосновый на пятнадцати гектарах и сад фруктовый почти на такой же площади. Да питомничек еще в полгектара. Строиться начали. Временки, бараки, а потом уж капитальные строения. Все ходом пошло, с людьми дело отрегулировал. Трактористов набрали и обучать тут же начали. А трактора тогда были еще американские: «Катерпиллер», «Клетрак». Довольно сильные машины. Позже, помню, были «Фордзоны» и еще какие-то.

Сами знаете, наша промышленность только еще начиналась. Своих тракторов не было, и мы мечтали о ста тысячах тракторов.

На реке Завитой в ту пору была плотина и мельница мощностью в тридцать лошадиных сил. Ефим Иванович созвал специалистов. Они обследовали плотину и нашли, что ее можно поднять еще на метр и тогда мощность значительно увеличится. Это было хорошим подспорьем для совхоза. Но осуществить эту мечту не удалось по причинам, от Ефима Ивановича не зависящим.

Рассказывая о тех временах, через окно он показал

на нефтебазу, расположенную неподалеку от его дома, наискосок, и пояснил, что эта вот самая нефтебаза в тридцатом году была тоже при нем основана. В состав Завитинского совхоза тогда входили и теперешние отделения совхоза «Прибрежный» и Чесноковского. Эту нефтебазу бывший прораб собирался тоже строить в центре. Ну а поскольку директор привязал свои коммуникации к Амуру, то и нефтебазу построили на берегу.

— Прислали мне специалиста из Хабаровского нефтесбыта, — вспоминал он, — как сейчас помню: симпатичный мужчина, деловой. Туполев по фамилии. Проехали мы с ним по Амуру на катере и вот облюбовали местечко на краю Чеснокова. Место тут глубокое, любая баржа причалит. Очень быстро получилось. Построили. А потом и за дороги взялись. Все отделения закольцевали. Понимаете, получилась у нас круговая дорога. Поедешь в один конец, а вернешься с другой стороны. Только уж больно длинен был путь этот!

В первую весну в первом амурском совхозе посеяли восемь тысяч гектаров зерновых. Осенью неплохо справились с уборкой. На другой год, согласно наличным материальным средствам, собирались посеять двадцать пять тысяч. Но тут начался непонятный ажиотаж. Перечеркнули уже составленный план и довели новый, вдвое больший. Утвердили план на пятьдесят тысяч сразу, хотя прежде планировалось исподволь расширяться, подготовившись соответственно. А план есть план. Надо выполнять. При сдвоенном плане появилась острая нехватка семян. Что ж, приложили все силы, запасли и семян к весне. Громадные штабеля мешков, укрытые брезентом, лежали в Поярково на перевалочной базе. Подкинули новых сеялок.

Пришла весна, как обычно на Амуре, — то потеплеет, то подморозит. Нужно бы выбрать самое время, как со-

ветовали старожилы, да план слишком велик и пого-няльщиков много. Тогда был тройной контроль. Сводки и отчеты тоже слали по трем каналам.

Пришлось начать пораньше. Работали почти кругло-суточно. Тем не менее, дело не двигалось быстрее того, как было рассчитано прежде, согласно наличным материальным средствам. Со всей очевидностью обозначилась несостоятельность удвоенного плана. К тому же, как на беду, никуда не годными оказались новые сеялки, которых в общем-то было много и на которые уповали при составлении плана. У сеялок этих очень слаба была ось, тракторной нагрузки не выдерживала. Досевать пришлось всеми способами, в том числе и ручным. Но посеять удалось — увы! — лишь в пределах первоначального плана — двадцать пять тысяч.

Началось следствие. Прежде всего — почему ломали сеялки? Действительно ли так уж слаба ось? Вызвали представителя завода, выпускавшего сеялки — из города Николаева под Одессой.

— Ну что ж, — рассказывал Ефим Иванович, — встретил я этого человека на пристани. Едем в совхоз. Разговорились. Он вздыхает, усмехается. Еду, мол, к вам, а ведь знаю, что ничем помочь не смогу. Оси действительно слишком слабы. Все нехватка сортового металла... Да и экономить велели...

Следственная комиссия проработала больше месяца, да так и не нашла, кому предъявить обвинения. Было совершенно ясно, что в совхозе никто не виноват. Напротив, абсолютное большинство работало просто героически.

Впрочем, на этом мытарства не закончились. Долго еще пришлось Ефиму Ивановичу отстаивать свою правоту. «Во искупление вины» его посылали то в одно, то в другое хозяйство, чтобы поправить там дела. И он

поправлял вполне успешно. А когда представилась возможность осуществить свою давнюю мечту — побывать на севере, он поехал на север.

Во Владивостоке прошел специальные курсы по добыче рыбы и промыслу морского зверя. Получил диплом, получил катера, снасти и поплыл на Камчатку.

Едва причалили катера, с берега спрашивают, который тут Никитенко. Встретил секретарь райкома партии, о котором опять-таки чуть не с восторгом вспоминал Ефим Иванович. На Камчатке вместо рыбокомбината предложили принять оленеводческий совхоз.

И северная природа покорила Ефима Ивановича — покорила своей первозданной дикой красотой и суровостью. Громады прибрежных скал, расцвеченные мхами и лишайниками, необозримые просторы, вечный рокот моря и его неповторимые запахи, крики бесчисленных птиц. Все не обжито, все ждет приложения человеческих рук и ума. Он испытал нечто вроде восторга перед громадностью этого края и такой же громадностью дел, которые предстояло совершить. И сразу почувствовал, что это его стихия.

Оленеводческий совхоз располагался на Охотском побережье Камчатки и назывался Пенжинским по имени губы и речки. Владения его простирались до Берингова моря и составляли миллион четыреста тысяч гектаров одних только пастбищ. Не всякий русский наравне с коренным оленеводом-коряком мог преодолеть путь с оленьими стадами через горный хребет, отделяющий Охотское побережье Камчатки от Берингова моря. Ефим Иванович преодолевал это расстояние не однажды — туда и обратно.

Долгими зимними вечерами, когда я жил в Чесноково, он рассказывал о камчатских красотах — мраморных ущельях на самом хребте, через который кочевал с

оленьями, о тамошних светлых и порожистых речках, полных рыбы, о буранах невероятной силы и буйства, о ночевках в тундре, когда и палатку, и оленей замечает, о том, как вкусны и душисты заварной чай и свежая оленина после долгого пути по зимней тундре, о лишайниках, которые очень красивы, хотя и принято их считать простейшими из растений. И еще он вспоминал тамошние восходы и закаты, не похожие на другие. И опять восхищался людьми. Теперь он знакомился с коренным камчатским народом — коряками. Были среди них отличные зверобой и оленеводы. Однако не все шли в совхоз и хотели там работать. Вдумчиво и осторожно налаживал он отношения. Сильно еще давала знать себя власть шаманов и память о людях из Америки, торговавших и грабивших на этих берегах.

Строился. Создавал базы на пастбищах, куда по нартовому пути забрасывал все необходимое. Центральную усадьбу перенес в другое, более удобное место, как бы в центр владений, на Лисью речку, что по-корякски звучит «Аел-ваям». Теперь отделения были на равном расстоянии от центра — примерно по двести километров.

Было очень трудно. И не только потому, что все почти приходилось строить и организовывать заново, но и потому, что все было необычно и незнакомо. Главные трудности, пожалуй, носили характер чисто государственный. Своеобразный край, своеобразное население с почти первобытным укладом жизни. А нужно было строить социализм. Но...

— Уж так мне понравилось! — признавался Ефим Иванович, — вот тут, думаю, и буду жить до конца жизни. Дел невпроворот и каких дел! И оленеводство очень понравилось. Язык корякский изучил, легче стало людей понимать.

Очень хотелось ему, чтобы самые опытные оленево-

ды перешли в совхоз. Он и сейчас помнил их имена. Одного звали Ну-танват, другого — Ты-кок. Хозяева они были умные, олени стада у них самые здоровые и упитанные. Долго не шли в совхоз, да и секреты свои держали взаперти. И только после того, как обрел он большое доверие и уважение среди местного населения, согласились они слиться с совхозом.

«Если хочешь, чтобы олени были сытые и здоровые, — сказал ему Ну-танват, — много кочевать надо. От одного моря к другому. А у вас пастухи больше на одном побережье толкуются».

Кочевать — это значит идти к Беринговому морю через горное плато и дикие хребты. Зачем? А вот зачем. Летом на Охотском побережье сильно донимает гнус, просто нет отбоя. Потому заблаговременно надо двигаться на возвышенность, где похолодней, ветру больше и гнусу трудней держаться. А путь неблизкий — тысяча двести километров в один конец! Пока идут стада до Берингова моря, все пасутся по прохладе, в горах. Да и само дальнее побережье много северней и холодней. Попаслись там, а к зиме — в обратный путь. Пока идут, и на Охотском побережье похолодает, гнуса не сгнет. Так что сначала олени как бы уходят от этой напасти, потом возвращаются, когда ее уже нет. Но дело это очень трудное, требует большой выносливости и разума. Надо знать не только пути-дороги, но и уметь предугадывать погоду и многое другое. А оленей было более двадцати тысяч голов.

Все больше убеждался я, что Ефим Иванович не просто живет и делает какое-то дело. Он постоянно печется о жизни вообще. Нет ничего такого, до чего не было бы ему дела. Он повышенно жизнелюбив и очень заинтересован, чтобы все хорошее было открыто и доступно людям и свято охранялось. Мне кажется, он мог

бы стать большим ученым, сложись его судьба иначе. Собственно, он и сейчас ученый в том смысле, в каком обычно предстают народные умельцы-самородки, в частности, знаменитые хлеборобы-практики, люди типа Мичурина и Мальцева, которые своим умом дошли до открытия и понимания сложных истин.

Очевидно, он мог бы стать великолепным популяризатором, он умеет рассказать и подать самую суть. Он и сейчас не просто рассказывает и не просто переписывается с сотнями людей по всей стране и что-то спрашивает, но и консультирует. Он уже известен многим благодаря обширной переписке. Разумеется, и знает многих. Об амурских садоводах отзывался с похвалой, особенно о Ефанове из Свободного.

Есть в этом человеке не только творческая, но и художественная жилка, может, даже — жила, как это говорят о золотоносной жиле. Рассказывает он не спеша и раздумчиво, часто останавливается, чтобы полюбоваться какой-то подробностью, деталью или особенностью человека. Рассказ ведет отнюдь не прямолинейно и анкетно, а с разбором обстановки и причин. Иногда начинаешь опасаться, не забыл ли Ефим Иванович главной нити разговора. Не выдержишь и спросишь. А он чуть заметным движением остановит и продолжит свое. И только уж потом, когда вдруг озарится вся картина, он слегка поднимет палец и скажет: «Так вот. Вы спрашивали. Вот потому так и случилось...» Даже то, о чем говорилось несколько дней назад и не было досказано и о чем я забыл уже, он вспоминал как раз там, где нужно, и вел рассказ до конца. О чем? О том, как сажать сады и высевать то или иное древесное семя, как разводить зеркальных карпов и северных оленей, промыслять морского зверя и рыбу, планировать парки и аллеи, делать вино из плодов и ягод, почему раньше не зимова-

ли дрозды в его саду, а теперь зимуют. Как разобрался, где правда революции и почему пошел добровольцем в Красную Армию и стал коммунистом...

Камчатская жизнь чуть было не кончилась для Ефима Ивановича трагически. По ложному обвинению он долго сидел под следствием. Потерял жену.

С сорокового по сорок третий год Ефим Иванович работал директором Райчихинского зернового совхоза, который в начале тридцатых годов был отделением Завитинского, созданного им самим.

Шла война, здоровые мужчины были на фронте, работали в основном старики, женщины и подростки. Многого не хватало. Голодали.

Здоровье Ефима Ивановича и так подорвано было, а тут и вовсе пошатнулось. Он бросил курить и отрекся от всего спиртного. Но безрежимная, почти круглосуточная работа отнюдь не способствовала выздоровлению. Он был очень плох, маялся желудком. В ту пору его частенько навещал тогдашний председатель Амурского облисполкома Николай Александрович Горнов. Посмотрел он однажды и говорит: «Совсем ты плох стал, Ефим Иванович. Того и гляди... Надо спасти тебя».

Переговорил Горнов с секретарем Михайловского райкома партии. И вот перекочевал Никитенко в Чесноково заведовать той самой нефтебазой, которую обосновал в тридцатом, да садами и лесами попутно заниматься. С тех пор и пошли его сажены по амурским селам. Работа эта, конечно, была более спокойной и здоровой. Ефим Иванович поправился.

— Что ж, — рассказывал Ефим Иванович, — шла война. А я думал: вот вернутся люди с победой и посмотрят, как тут села, оставленные ими перед войной? Хотелось украсить как-то, чтобы не скучно было. Зало-

жил я тут питомник сразу же. Да! — спохватился он, — я ведь и в Райчихинском совхозе питомник оставил. У меня с ним интересная история получилась. Подарил я его Емельяну Ярославскому. Понимаете, он тоже был большой любитель этого дела. Поинтересовался, что растет на Дальнем Востоке и что приобрести можно. А мне как раз переезжать в Чесноково. Все равно, думаю, без меня некому будет заниматься питомником. Сколотили ящики, соблюли все правила транспортировки и отправили эти саженцы в Москву. Несколько тонн груза получилось.

Ну, а здесь, в Чесноково, как я уже говорил, три питомника вырастил и реализовал, а из четвертого вот лес получился.

И опять Ефим Иванович сетовал, что слабовато у нас занимаются и охраной природы, и садами, и лесами, и посадками. Он по-своему и объяснял это явление.

— Я думаю, равнодушие оттого, что многие люди не по призванию работают.

Этим словом «призвание» он как бы оценивал деятельность людей, с которыми встречался. «Этот был так... не по призванию работал». Или: «О! Это был рожденный руководитель!» Директор совхоза Степаниденко, которого сменил Георгий Дмитриевич Кайденко, не по призванию работал потому, что не советовался, а командовал. Председатель колхоза, которому он посадил сад, а тот перепахал его под картошку, — не по призванию. Инженеры, что обвиняли его за размытую дамбу и не поняли его гражданской озабоченности, — не по призванию. Словом, к этой категории людей относил он тех, кто не был мастером своего дела и гражданином одновременно.

После я задумался над этими словами: «по призванию» и «не по призванию». И мне показалось, что яв-

ление это не столь уж редкостное в нашей жизни и не так безобидно, как может показаться на первый взгляд.

Мне кажется, вопрос о подборе кадров, о работающих по призванию и по обязанности — очень важная социологическая тема. Человек, который бы добросовестно исследовал этот вопрос и показал, сколь велик нравственный, политический и экономический ущерб от формализма в этом вопросе, сделал бы великое дело.

Несколько раз договаривался Ефим Иванович с местными властями и односельчанами о том, чтобы каждому, кто живет в Чесноково, посадить фруктовые сады. Все как-то не получалось. Лишь у единомышленников его и таких же энтузиастов дальневосточного садоводства растут сейчас сады и радуют всякого, кто живет не одним днем. Появились хорошие сады в колхозах и совхозах. Но их не так уж много.

Поссорившись со Степаниденко, не поддержавшим почти ни один план Никитенко, Ефим Иванович вынужден был заниматься закладкой садов в других хозяйствах. Сад в Михайло-Чесноковке и уличные посадки — это его помощь. Дополнительный посев сосны в Завитинском совхозе — его бывшем совхозе, обновление сада — тоже не обошлось без его участия и консультаций. Сад в совхозе «Пограничный» посажен лично им. Постоянные консультации любителям-садоводам — неотъемлемая часть жизни Ефима Ивановича за все эти годы. В общем-то, кажется, не так уж мало. Но он недоволен. Мало. Можно бы гораздо больше.

— Понимаете, что произошло однажды, — вспоминал он. — Завитинский сосновый бор чуть было не погиб. Сосны начали желтеть. В чем причина? А вот в чем. Опять же недомыслие и равнодушие. Мало того, что бор под боком, так взялись еще топливо там добывать. Берут грабли и пошел выгребать все, что осыпа-

лось с сосен — хвою, шишки. Начисто оголили корни и нарушили естественный лесной покров почвы. А ведь лес сам для себя и удобряет почву и влагу регулирует. Правда, вовремя остановили это безобразие. Опять зеленеют сосны. Был я там недавно. Знаете, есть уже сосны под тридцать метров! Летом туда со всей округи народ по грибы ездит. Любо, конечно, и просто время провести под соснами...

Я рассказал ему, как мой попутчик в автобусе вспоминал переселенцев, которые собрались уезжать обратно потому, что неоставало им леса и речки.

— Так это понять можно, — сказал он, — я вот приведу вам случай. Нужен был механик в Чесноково. Формально, не мое вроде бы дело заниматься подбором кадров. Но как раз был я в Завитинском совхозе и встретил там замечательного тракториста. Опытный, башковитый человек. Вполне мог бы работать механиком. Взялся я агитировать его. Приезжай, мол, в наше село. Будешь механиком. А он мне и говорит: «Чудак человек. Да я из-за одного бора соснового никуда отсюда не уеду». Не сказал я ему, что не сам по себе вырос этот бор. А на душе было приятно, знаете...

Дважды Ефима Ивановича лишали пенсии на том основании, что иной раз зарабатывал больше. Его звали то в один совхоз, то в другой, чтобы заложить сад. Он охотно ехал, выбирал место для сада, самолично ездил по лесхозам и питомникам, договаривался, спорил, привозил саженцы и почти все их, пропустив через свои руки, сажал в грунт. Изредка, на попутном транспорте наведывался домой. Ему платили ставку агронома. Сад заложить — не простое дело. Уходили месяцы. Наконец возвращался в свое Чесноково, и ему сообщали, что он снят с пенсии.

— Да что же я, калымщик какой! — возмущался он,

не повышая, однако, голоса. — Для себя, что ли, мотаюсь по совхозам?

Он даже вынужден был на несколько лет прервать свое шефство над соседними садами, чтобы не лишиться пенсии — шестидесяти рублей.хлопотное это дело — заново собирать всякие бумажки.

Между тем нужда в его помощи все возрастала. Звали то в одно село, то в другое. Он не ехал, ограничиваясь лишь консультациями. Зато полностью отдавался опытам в своем саду. Наконец кого-то осенило, что человек этот вполне заслуживает и персональной пенсии. А будь персональная, так и райфо не тягало бы и опять расширилось бы поле его деятельности. И вот он получает персональную, работает в совхозном саду, ездит по селам и райфо действительно «не тягает».

Отошедший день оставил над селом, заснеженными полями и широким торосистым плесом Амура легкую дымку испарений и первых предвесенних запахов. Сгущались сумерки. За селом догорал неброский февральский закат, дремотно темнели заросли на речных берегах, на островах и в самом селе. Подмораживало, но воздух не казался холодным, он был недвижим и ласков.

В этот вечер беседа наша была несколько лирической. Весна обещала быть ранней, скоро должны были вернуться птицы. Хозяева мои оказались большими их любителями.

— Знаете, какая птица всех удивительней поет? — спросил Ефим Иванович.

Я сказал, что непревзойденным певцом принято считать, конечно, соловья.

— Соловей — это понятно и привычно, — возразил он. — Я ведь сам курский. А вот наша самая обыкновенная, к тому же зимующая пичуга — синица. Не могу выразить, как поет!

В прошлом году, сами знаете, зима была очень суровая. Весна поздно пришла. И вот выдалась погодка. Утром на восходе солнца вышел я на крылечко. Тихо, ясно и чувствуется, что все уже приготовилось ожить по-настоящему. На душе благостно. А тут вдруг еще запело что-то. Я даже не поверил, что это птица. Мне показалось, что запела сама природа, само утро, воздух, солнце. Все наполнилось удивительной такой нежной и такой звучной и чистой музыкой. Сначала я не понял, откуда она берется. Стою, поворачиваюсь, ищу. А потом вижу: у соседа над перильцами веранды порхает какая-то пичужка, будто жаворонок. Вверх-вниз и все крылышками машет в воздухе и поет. Ах, как поет! Уж до того радостно! Да что же это, думаю, за такое? Этакий крохотный живой комочек, а на всю вселенную звенит! Какие чудеса еще таит от нас природа! Как может радоваться всякая живая душа. Ведь ее же, наверно, прорвало, захлестнуло, не могла она удержаться. Ну, пела бы как-то по-другому. А то ведь словно человеческое что-то поет. И была это простая наша синичка с желтой грудкой. Перезимовала. А тут весна.

...С тех пор все время прислушиваюсь, не запое ли опять.

— А сорока? — вступает в наш разговор его жена Александра Степановна. — Тоже не подумаешь...

Она рассказала, как весной, когда листва уже распустилась, вот в этой самой роще, у нефтебазы, целыми днями развлекала ее сорока: то по-собачьи затывкает, то замяукает, то бормотать начнет.

Мне припомнилось, что и я однажды в Архиерейской роще, на берегу Зеи слышал подобные звуки. Я подумал, что это проказник скворец, но когда пришел под березу, в вершине которой что-то лаяло и мяукало, наверху, прошелестев листвой, мелькнула какая-то хвоста-

тая птица, похожая на сороку. Тогда я был уверен, что это не сорока. Вот еще не хватало, чтобы какая-то сорока-воровка...

— Когда здесь был пустырь, то и птиц меньше было. А сейчас появились самые разные, — продолжал Ефим Иванович. — И зимовать остались такие, которых раньше не видно было. Дрозд появился. И еще какой-то бородач с хохолком. Наклюется ягод и сидит себе на жердочке, дремлет, на солнышке переваривает пищу. Зоб набок. Хохолок, борода...

В тот же вечер был у нас разговор о рыбах, рыбалке и грибах. Хозяева вспоминали, как в трудные военные годы и потом, после войны, кормились они рыбалкой на Амуре. Даже Александра Степановна наловчилась, как настоящий рыбак. Да и теперь не прочь порыбачить.

Ефим Иванович рассказывал, как лучше всего ловить сазана, леща, конька, осетра, калугу, тайменя и прочих амурских рыб, и выказывал при этом большие познания и мастерство.

Грибы — дело, конечно, известное. А вот культурным разведением грибов никто пока не занимается. А надо бы, особенно в степи.

Есть у Никитенко в Великих Луках друг — инженер. Так вот инженер давно уж занимается шампиньонами. Специально сконструировал двухэтажный домик из шлакобетона. Недавно он прислал проект этого домика, и Ефим Иванович думает осуществить и эту мечту — выращивать шампиньоны да проводить опыты и по другим грибам.

И опять эти разговоры отличались большим человеческим теплом ко всему живому и растущему и тем особенным любованием, которое так присуще Ефиму Ивановичу.

Потом он показывал свой план, технологические карты и чертежи. План парка на берегу Амура, где уже прорублены просеки, на бумаге пересечен был аллеями, размечен всевозможными квадратами, кружками и прямоугольниками — скамейки, павильоны, танцплощадка с летней эстрадой и так далее. Парк возле Дома культуры и площадь, примыкающая к нему, будут названы именем Ленина. И наконец совхозный сад. Начало ему положил Ефим Иванович в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году, еще при том директоре, который «больше командовал, чем советовался». Он скомандовал заложить сад не больше чем на пяти гектарах, а Ефим Иванович заложил на восьми. Конечно, эти три лишних гектара пришлось «вытягивать» одному, так что и затраты многие пошли из собственного кармана. Что ж. Он не раз уже тратился так, чтобы делом доказать что-нибудь.

Теперь дело пошло лучше. Сад расширили до двадцати шести гектаров. Нынче предстоит засадить еще четырнадцать, чтобы довести площадь до плановых размеров, то есть до сорока гектаров.

В совхозном саду будет расти все, что растет в приусадебном саду Никитенко, — сливы, груши, яблони крупноплодные и полукультурки, смородина, черноплодная рябина, крыжовник. То, что посажено было три года назад, уже плодоносит и дает неплохой урожай. А вообще об отдаче и окупаемости затрат в садоводстве можно говорить лишь с седьмого года, когда сад набирает полную силу и зрелость.

Большое будущее предсказывает Ефим Иванович черноплодной рябине. Первокласное сырье для варенья и очень целебные свойства.

— Я бы вам показал сады и школку, — сказал он, — да сейчас зима. Все главные саженцы и деревья закопаны. Так что, на первый взгляд, вроде и нет ничего.

Тут же дал пояснение, что прикапывать лучше свежей землей, избегая мусора и особенно соломы, чтобы мыши не завелись и не повредили корней и коры.

Что касается самой посадки, то, по мнению Ефима Ивановича, наилучший способ — это поверхностная посадка, то есть не в ямку, как это у многих принято, а прямо на поверхность, для чего следует расправить корни горизонтально и прикрыть их сверху плодородным слоем земли. В этом случае саженцы развиваются куда лучше, чем закопанные в землю.

С подобным мнением я уже встречался. Некоторые считают совершенно бессмысленным пахать землю глубоко. Природа миллионы лет обходилась без вспашки. Она наращивает органическое вещество сверху. Этот органический слой, когда его не трогают, представляет собой не только прекрасную среду для питания растений, но и незаменимый накопитель и регулятор влаги. Даже в засуху этот слой гораздо более влажен, чем почва, лишенная органического вещества.

За поверхностную обработку почвы стоит и наш известный хлебороб — академик Терентий Мальцев.

Конечно, было бы шаблоном применять повсеместно такую обработку, но там, где органический слой невелик, видимо, лучше поверхностная обработка, а не вспашка с оборотом пласта.

У нас в Приамурье гумусный слой невелик. И я не однажды слышал, как старожилы поругивают любителей запахать поглубже. В старых земледельческих брошюрах отмечается, что целину пахали всего на полтора-два вершка. Это кажется даже невероятным. Тем не менее это так. И пахали отнюдь не потому, что мало было лошадиных сил, а просто так считалось разумней, лучше для хлеба и с сорняком бороться легче. И урожай с новых земель снимали от ста до трехсот пудов с десяти-

ны, то есть от шестнадцати до сорока восьми центнеров с гектара. Амурские старожилы не знали теорий. Они просто наблюдали и пришли к выводу, что под хлеб глубоко пахать в наших местах незачем.

И вот Ефим Иванович с поверхностной посадкой саженцев наводит на ту же мысль: самая верхняя земля и есть самая лучшая.

...Я не знал, что такое школка, о которой говорил Ефим Иванович. Оказалось, что это небольшой питомничек для того, чтобы брать в нем для подсадки, ремонта и прививок тот или иной материал. В школке у Ефима Ивановича растут вишня песчаная, черемуха Маака, смородина «приморский чемпион», три сорта уссурийских слив, китайская вишня, дикий амурский виноград, уссурийские груши, сибирские яблони, сосна, ель, ильм, лиственница.

— Школку я, знаете, по-своему выращиваю, — говорил он, — ведь в естественных условиях всякий росток в тени находится какое-то время, под покровом взрослых особей. Молодые деревца — тоже. И это им не во вред, а на пользу. Им, маленьким, тоже защита нужна — и от слишком яркого солнца, и от ветров, и от ливней. Я над школкой своей растягиваю марлевый полог. Это дает рассеянный свет, как под сенью леса. Солнце не слишком жжет и угнетает, всякий дождь, даже ливень, разбивается о марлю, теряет силу и, как из сита, орошает молодую поросль, не калеча и не прибывая ее.

Я не совсем понимал, что это за такой вал зеленый на макете фруктового сада, который окружал всю территорию. Он пояснил:

— А это у меня живая изгородь. И защита. Вот я вам говорил про вишни китайские. Очень они густую, почти непроходимую поросль дают. А тут еще виноградник дикий. Тот все переплетет. А для опоры вот эти

вишни. Это один ряд. А второй, самый наружный, — это сосны и маньчжурский орех. Вот так все сорок гектаров будут обнесены живой изгородью. Ну и красота, конечно...

— А на входе, — продолжал он, — арки должны стоять. Видите, — показал он на чертежный макет, — по краям опоры. На одной из них хотелось бы доску такую прибить, и обозначить на ней хорошими красками, что растет в саду и на какой площади.

...Пример жизни Ефима Ивановича не однажды заставлял меня задумываться о том, как по-разному живут люди и как не много таких, кто оставляет после себя сколько-нибудь заметный след на земле. Можно сказать: вот этот дом построил такой-то. Этот мост через большую реку соорудил инженер Н. Книгу написал литератор П. Мост и дом понятия вещественные. Их можно даже в деньгах оценить. Если они хороши, то имеют и воспитательную ценность, ибо заставляют удивляться и почтительно склонять голову перед гением и лишний раз подумать о том, какие чудеса может вершить человек. Они будят мысль, чувство, воспитывают вкус. Следовательно, и мост, и дом, и множество других, чисто материальных творений, как и хорошая книга, и мудрый свод законов, могут служить благородным целям совершенствования личности. Отсюда нетрудно понять, сколь велико влияние на нас всего прекрасного.

Следы человека... Они не только в вещах и предметах, сделанных руками человека, и не только в этом качестве представляют ценность. Они остаются и в нас самих. Следы или лучи моего отца, деда и прадеда, Пушкина и Толстого пройдут через меня и через тех, кто еще не родился. По этим следам мы порой, как по компасу, сверяем свой путь с общечеловеческим. И на этом пути, как и всегда, духовное совершенствование будет

главной целью, ибо все в конечном счете зависит от того, каков человек. Порой мне кажется, что шелест леса и аромат его дыхания могут оказать более исцеляющее действие, чем дорогое лекарство, что милый сердцу пейзаж агитирует любить Родину и творить добро не меньше, чем многие писанные страницы, что человек, которого, кроме матери, отца и педагогов, воспитывала еще и родная природа, развивается более гармонично.

Думая об этом, я вспоминаю Ефима Ивановича. Я встречался с ним в 1967 году. Сейчас Ефима Ивановича уже нет с нами. Он завершил свой путь, трудясь до последнего дня во имя щедрости и красоты земной, во имя доброго человеческого отношения ко всему, что живет и растет. Это была прекрасная жизнь, подобная весне, с которой всегда начинается обновление.

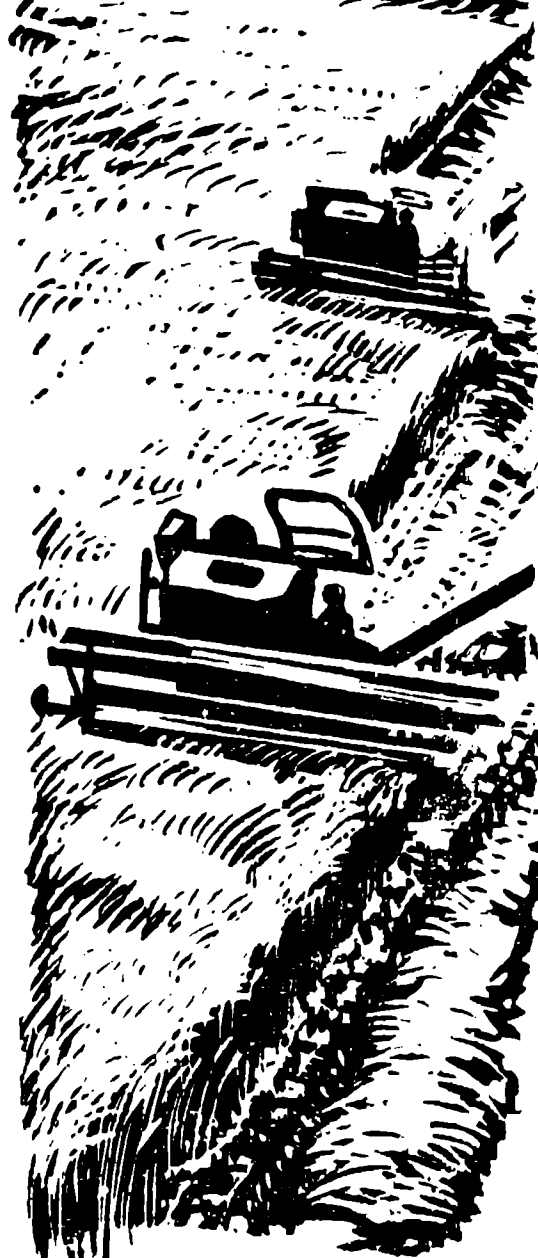
Село, близ которого когда-то заложил Ефим Иванович сосновый лес, теперь называется Зеленым Бором. Шумит зеленый Никитенковский бор, а под сенью его поднимается новая поросль и шагает дальше. Стоят и радуют человеческое сердце никитенковские сады и парки. И когда проходишь или проезжаешь мимо, все кажется, что незримо встречаешься и с самим Ефимом Ивановичем, что жизнь его продолжается. Да она и впрямь продолжается.

В степи за Зеей

Из конца в конец, там и тут во всех направлениях разбежались по степи телеграфно-телефонные столбы и несут на своих плечах многочисленные нити проводов. Большие металлические опоры с проводами высокого напряжения выделяются особо. Ажурное их железо, раскаленное морозом и густо заиндевелое, гудит, как туго натянутый трос. Тревожно и зябко поют провода. Зима, мороз подувает... Через высокое черное шоссе, стелясь и извиваясь, ползут белые языки поземки. Вымороженный снег, как сухой пе-

сок, кочует по амурской степи от синеватых торосов Зеи до отрогов Малого Хингана, и, кажется, не будет конца этому белому движению. Но стихнет ветер, снег остановится, жесткие сугробы замрут близ каких-нибудь преград, а ровные открытые места почти оголятся.

Снега в степи мало. Редкую зиму он полностью укрывает гребешки зяби и щетку стерни. До весны его несколько раз перегонят кочующие ветры в разные стороны, он станет еще более сыпучим и подвижным, а потом, пригретый солнцем, остановится, слежится и незаметно испарится вовсе. Лишь в понижениях да там, где были большие сугробы, останутся невзрачные озерца талой воды, и на время жировки облюбуют эти места утки да гуси. Потом все высохнет, стечет в распадки, и степь начнет сильно парить, заколеблется светло-студенистое марево. Над поверхностью уходящих к горизонту полей оно будет видеться, как сплошные призрачные разливы, полные зеркального блеска, а дальние рощи и деревни поплывут в них и закачаются, словно на волнах.

Но сейчас разгар зимы, канун Нового года. Только что закончился съезд колхозников — событие важное для всего народа, и в степи — вместе с кочующим снегом, силуэтами затуманенных сел, полевых станков, бегущих машин и телеграфных столбов — чувствуется близость новых перемен.

В командировочных разъездах я много раз повидал эту степь всю — с запада на восток, с севера на юг. Пролетая на самолете, видел, как вся она распахана и обжита, все разлиновано и очерчено.

Весной с первым теплом, потревоженная бороной и плугом, степь быстро одевается в черное. А когда будет распахано и засеяно последнее поле, там и тут проступят нежно-зеленые квадраты ранних посевов.

Потом степь будет сплошь зеленая, и только опытный

глаз отличит одно поле от другого: там пшеница, там соя, а вон то поле с круглым лиманчиком внутри — кукурузное.

В пору цветения, в пору налива и созревания хлебов степь будет раскрашена яркими и веселыми цветами, словно прошла по ней кистью и красками старательная и щедрая детская рука. Поля станут золотистыми и охристыми, светло-лимонными, буроватыми, молочно-серебристыми, как снег в лунную ночь, сизыми, как свежий срез на металле, и свекольно-лиловыми.

Потом комбайны простригут первые загонки, начнется уборка. Сверху отрадно будет видеть, как много машин вышло на поля, как быстро продвигается жатва. Вон на одном поле целый десяток комбайнов — идут косяком, уступом, друг за другом, как шли, бывало, косари по лугам, и хорошо видно, как свежее жнивье отличается от поля с колосом, как выстраиваются кубики свежих соломенных куч, как подворачивают к выгрузным шнекам кузова машин. Стоит над степью желтовато-сиреневая роздымь хлебной страды, поля и луга пестрят копнами и стогами, разномастными стадами, там и тут растекаются дымки пожаров, полевых кухонь, пастушьих костров, снуют машины, и все четче обозначаются полевые дороги и просто колеи. А по сельским улицам струится дрожжевой, хмелящий дух только что выпеченного хлеба из зерна нового обмолота.

Когда уберут хлеба и сложат в ометы солому, степь сверху покажется уютной и прибранной, ярко будут выделяться на зеленой отаве и сжатых полях пестрые, как цветная фасоль, коровьи стада. Только аспидно-черные поля зяби придадут степи пустоту и холодность. Но хлебороб тем довольней, чем больше черного, ибо это земля, уже приготовленная для будущего урожая.

Зимой степь однообразна, заснежена. Пар и дым

столбятся и стелются над селами. Но всегда, в любое время чувствуешь, что всего тут коснулась трудовая человеческая рука, что все тут обжито, дышит и готовится к новой страде. Проезжая зазейские села, всюду видишь стрелы подъемных кранов, целые улицы кирпичных домов, построенных на городской манер, превосходные здания Домов культуры, высокие, напоминающие минареты, водонапорные башни, целые городки животноводческих помещений, комплексы зерновых дворов. Есть водопровод, газ, АТС. В домах обычные электроприборы — не даром степь во всех направлениях пересекают столбы и опоры проводов высокого напряжения.

Теперь в Приамурье засеивается более полутора миллионов гектаров земли, и земля эта по праву считается житницей Дальнего Востока. Приамурье — главный цех страны по производству сои; благодаря этой культуре большинство хозяйств получает миллионные доходы.

До революции в распоряжении амурских крестьян было 121 942 лошади. Сейчас на Амуре работает почти двенадцать тысяч тракторов, заключающих в себе более полумиллиона лошадиных сил. Ну, а если перевести в «лошадей» силу комбайновых, электрических и автомобильных моторов, то наберется еще столько же, если не больше. Да еще мотоциклы, да мотороллеры, да лошадки на подсобных работах. Так что далеко за миллион лошадиных сил набирается.

Но жизнь не стоит на месте и выдвигает все новые задачи, в том числе и такие, о которых прежде не было разговоров даже в перспективных планах.

Когда мы подводим итоги, то рассматриваем их как результат большого постоянного труда: сделано столько-то и благодаря таким-то методам. Но, как показывает анализ, как диктует здравый смысл, некоторые методы следует заменить новыми, а полезный опыт развить и

усовершенствовать. Словом, как всегда, вслед за итогами встают новые задачи, во многом непохожие на прежние, и это верный признак движения вперед, признак прогресса.

Наверно, ни один человек, хоть как-то связанный с сельским хозяйством, не остался равнодушным, когда в зимние дни 1969/70 года был опубликован Примерный устав колхоза. Прошло тридцать пять лет с появления первого устава, и много за это время накопилось такого, что настоятельно потребовало существенных дополнений и изменений. Они, эти дополнения и изменения, хороши тем, что не свалились, как снег на голову, а появились и долгое время проверялись и совершенствовались на практике. Да и принятию нового устава предшествовало длительное и всестороннее его обсуждение. Так оно и должно быть в сложных земельных делах. Многие помнят, конечно, к чему в свое время привели скоропалительные «новшества», с легкостью необыкновенной поддержанные и раздутые на местах беспринципными людьми, или «инициативщиками», как удачно называл их известный публицист Г. Радов.

Главный разговор, конечно, о земле и хозяйском ее использовании. В докладе об основных положениях и особенностях нового устава говорилось: «Земля — основа жизни и благополучия народа. В отличие от машин она, как известно, обладает замечательным свойством: не стареет, не изнашивается. Если с нею разумно обращаться, она улучшается, ее плодородие растет».

Но разумное обращение с землей — дело, которое не всякому по силам. Ведь сплошь да рядом у хозяйств, находящихся в совершенно равных условиях, результаты получаются разными. Значит, кто-то обращается с землей и вообще хозяйствуется более толково. Один мой зна-

комый агроном сравнивает труд хлебороба с творчеством шахматного гроссмейстера, который тем успешней проведет сражение, чем больше будет предвидеть ходов и вариантов как со стороны противника, так и со своей стороны. Правда, хлебороб действует не на шахматной доске, сидя за столом, а на громадном пространстве хлебного поля. Не играет он и «блицтурниров», ибо «игра» его рассчитана на весь хозяйственный год, на любую погоду и только в конце года становится ясно, выиграл он или проиграл. Его «игра», кроме всего прочего, рассчитана на многие годы. И сражается хлебороб не с одним, а с множеством всевозможных «противников». Тут и капризы природы, и эрозия почв, колебания уровня влаги и температур, сорняки и грызуны, вредоносные насекомые и болезни растений. К тому же, случается, не хватает удобрений, запчастей, рабочих рук и многого другого. Но он обязан выиграть, он должен быть тем сильнее, чем больше в его руках научных знаний, техники, личного и общественного опыта.

Сейчас редко найдешь председателя колхоза или директора совхоза без агрономического и экономического образования. Но и теперь они во многом отличаются, ибо одинаковых людей, а стало быть и специалистов, нет. Одни тверже, уверенней стоят на своем, логика и аргументация их сильнее, убедительнее, другие придерживаются золотой середины, третьи, а такие есть еще, к сожалению, ждут указаний свыше, дабы лишнего не думать и не делать, а в случае чего и защита была бы (мол, такое было указание). Четвертые, пусть и не много их, действуют по принципу «шумим, шумим...»

Меж тем потребность в большой творческой самостоятельности наших хозяйств возникла уже давно. Сельские кадры за сорок лет коллективного хозяйствования окрепли настолько, что в лишних няньках уже не

нуждаются. И конечно же, несравненно лучше, если человек делает свое дело сам, а не с помощью многочисленных наставников.

Новый устав не оставляет без внимания и эту насущную потребность — потребность самостоятельно решать коренные хозяйственные вопросы. Новый устав и узаконивает, и значительно расширяет творческую инициативу колхозов, серьезней решает многие вопросы их деятельности. «Размеры отчислений на пополнение основных и оборотных фондов определяются теперь самими колхозниками с учетом обеспечения роста общественного производства. Изменился и порядок планирования. Прежний устав обязывал принимать к исполнению планы сева, уборки и других работ, устанавливаемых сверху государственными органами. Ныне колхозы сами составляют и утверждают план своей хозяйственной деятельности. Отправным началом для его разработки является твердый план-заказ продажи продукции государству на ряд лет».

Новый устав закрепил права колхозников на получение гарантированной оплаты, более правильное распределение доходов, получение пенсий, право устанавливать прямые связи с государственными магазинами и потребительской кооперацией, продавать продукцию на колхозном рынке. Колхозы теперь вправе развивать подсобные предприятия и промыслы, а также объединять усилия для того, чтобы специализировать производство, развивать подсобные предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов, организовывать лучший сбыт, успешней строить и производить строительные материалы.

Многое из того, что ныне закреплено колхозным уставом, в той или иной мере уже применялось на практике и не один год. Скажем, хорошо зарекомендовали

себя строительные организации «Межколхозстрой», действующие на паевых началах. Строительство дорог и ремонт техники на договорных началах между колхозами и другими организациями осуществлялось и раньше, но, разумеется, не с той широтой, какую дает новый устав. Распоряжаться деньгами по своему усмотрению некоторые председатели ухитрялись и раньше. Но это грозило неприятностями. Теперь дело обстоит совсем иначе.

Неизбежно должны измениться и функции специалистов сельского хозяйства. Известно, что прежде им нередко приходилось заниматься делами несвойственными. Мечта каждого специалиста-аграрника — это чтобы не отвлекали его куда попало и на что попало. Ученый агроном или ученый зоотехник должен не только носить некий объем научных познаний, но и иметь полную возможность научно заниматься практикой, проверять свои знания в деле, экспериментировать. Без всего этого он еще неполноценный специалист. Словом, речь идет о более правильном использовании грамотных людей, в руках которых сосредоточены огромные ценности человеческих знаний. Сошлюсь на выдержку из брошюры известного советского экономиста В. И. Терещенко «Организация и управление»: «...При правильной организации не должен нарушаться экономический принцип, согласно которому ни один человек высокой квалификации, получающий большую зарплату, не должен делать работу, которую может выполнить человек меньшей квалификации, получающий более низкую зарплату. Нарушение этого правила повышает себестоимость производства, ведет к расточению человеческих ресурсов».

В эту зимнюю пору, когда в колхозах обсуждали и принимали новый устав, довелось мне побывать в знаменитом колхозе «Приамурье», председатель которого

Михаил Максимович Ступников участвовал в работе Третьего съезда колхозников, а затем избран был в состав областного совета колхозников. В эти дни он много ездил по области, встречался с людьми, рассказывал о съезде, о своих впечатлениях и, конечно же, агитировал за все то лучшее, что было в колхозной практике и что довелось узнать на съезде.

В начале 50-х годов, когда я учился в сельхозинституте, мне несколько раз пришлось побывать в этом колхозе либо на экскурсиях, либо на практике. Уже тогда этот колхоз выгодно отличался от многих. И тогда это был лучший колхоз, и если в область приезжали какие-либо делегации, их везли туда знакомиться с достижениями. Там был сортоиспытательный участок, племенная ферма, там впервые начали применять колхозный профинплан, там раньше, чем где-либо, получили миллионный доход, а председателя избрали депутатом Верховного Совета СССР. (Теперь он — Герой Социалистического Труда. А недавно вышел на пенсию.) Все это привлекало журналистов, ученых, всевозможных гостей, в том числе и зарубежных. В общем, колхоз достиг такого состояния, когда встает вопрос: А что же дальше? Что впереди?...

Много, очень много написано про этот колхоз, говорят, более трех тысяч раз упомянут он в различной периодике. И конечно, продолжают писать еще, хотя и реже. Были попытки написать и историю этого колхоза, но это, кажется, не увенчалось успехом. Наверно, было бы неплохо, если бы ветеран колхозного строительства, сам Михаил Максимович Ступников написал книгу мемуаров. Книга председателя колхоза с тридцатилетним стажем, которому пришлось быть свидетелем неповторимых событий, пережить почти все, что связано со строительством колхозов, и который был непосредственным

врачевателем всех «болезней роста» своего хозяйства, — такая книга была бы интересной и полезной.

Почти двадцать лет получает колхоз миллионные доходы. Неделимый фонд и другие денежные статьи давно уж в блестящем состоянии. Поля колхоза обширны и плодородны. Все полезное, что применялось и применяется теперь на полях области, здесь приживалось раньше, чем где-либо, ибо средства и силы позволяли. Отлично действует счетно-экономический аппарат во главе с братом председателя Кузьмой Максимовичем. И новую технику тут приобретали раньше и новый профинплан тут зародился, и настоящий хозрасчет внедрен в каждой бригаде, на каждой ферме. Все это не с неба свалилось. За этим стоит труд большого коллектива колхозников, правленцев, специалистов, председателя, партийных работников.

Недаром «Приамурье» остается флагманом амурских да, пожалуй, и всех дальневосточных колхозов. Именно это хозяйство представляло Дальний Восток на всемирной выставке «Экспо-70». И все-таки, что же дальше? Обычные производственные планы, планы строительства и благоустройства, дальнейшая механизация, электрификация, автоматика? Да и это, конечно. Но это уже стало типичным для многих хозяйств. При том материальном уровне, которого достиг колхоз, при тех возможностях, которые дает новый устав колхоза, естественно ожидать еще более глубоких сдвигов — не только производственных, но и социальных. И они, эти сдвиги, уже существуют.

И прежде в колхозе умели считать и анализировать, предвидеть и готовиться к будущему. Теперь же все это потребовало подхода глубоко научного. Жизнь требует решения и тех вопросов, которые раньше не всегда принимались в расчет. С удовольствием вспоминаю рассуж-

дения Владимира Павловича Кузнецова, который тогда был секретарем колхозного парткома (недавно по болезни он ушел на пенсию).

Наряду с обычными текущими делами он был серьезно озабочен тем, чтобы ясно видеть, что будет завтра, послезавтра, через год и дальше. Причем все это требовалось знать не просто в виде отчетных показателей. Требовалось знать и то, как все это отражается на сознании колхозника — как оно меняется и формируется, что на него влияет и как, каким оно становится, что следует предпринять для более гармоничного его развития. Без предвидения, и не интуитивного, а научного, основанного на глубоком анализе, на широком учете общественного мнения и запросов, теперь уже нельзя руководить, полноценно воспитывать и направлять людей. Не зря ведь в последнее время на некоторых заводах и фабриках страны появилась такая должность как инженер-социолог.

Социология — наука об обществе — не может обходиться общими рассуждениями. Сфера этой науки расширилась и все больше будет расширяться. Предметом ее исследований стали не только статистические данные, характеризующие материальное состояние общества в целом, но и отдельные коллективы, производственные ячейки, люди, человек с его сложным духовным миром, психикой, запросами, общеобразовательным и культурным уровнем. Вот почему и Владимир Павлович занимался социологическими исследованиями непосредственно в своем колхозе. Он готовил на эту тему диссертацию. Собственно, и партийная работа, поскольку человек, осуществляющий ее, должен быть инженером человеческих душ, постоянно опирается на конкретные социологические данные. В этом смысле научная работа секретаря очень правомерна.

В планах партийной работы в колхозе были и такие вопросы, которые, на первый взгляд, относятся к сугубо производственной сфере. К примеру, имелась такая пометка: «К-700»! Казалось бы, какая может быть связь между трактором и работой. Но, оказывается, отношение было самое непосредственное. Это очень перспективная машина, которую сначала несправедливо разругали. Трактор-богатырь проходил испытания в Грибском — учебно-опытном хозяйстве сельхозинститута. Сильная и послушная машина. На малом пятачке делает крутой разворот с громоздким, казалось бы, агрегатом навесных орудий. Скорость, маневренность. Тракторист один, а выработка — за три-четыре средних трактора. На хорошем поле за смену можно вспахать до двадцати гектаров, а за сутки — вон какое поле! Обычно для такой работы требуется три-четыре тракториста и столько же машин. А тут один человек, одна машина. Надо подобрать толковых ребят, объяснить им значение новой машины. (Владимир Павлович и сам когда-то работал на тракторе, а потом уж, значительно позже, закончил Высшую партийную школу, работал секретарем райкома партии и по собственному желанию пошел в колхоз.)

Те, кто должен был благословить эти машины на амурских полях, нашли какие-то недостатки и заявок на «К-700» не сделали. Тем не менее, в колхозе подобрали группу механизаторов и послали их изучать новый трактор прямо на завод-изготовитель — в Ленинград. И когда первые эти тракторы прибыли на амурские поля, то, естественно, достались «Приамурью». Теперь в колхозе десятка два таких машин, и еще ожидаются поступления. Работают они круглый год, и сложных ремонтов еще не было, удалось высвободить многих механизаторов, которые пошли на другие участки. В Амурской об-

ласти, где испытывается острый недостаток рабочих рук, это особенно важно. Понятной становится и прозаическая пометка в плане секретаря парткома.

— Когда мы собираемся на занятия, — говорил Владимир Павлович, — то не ограничиваемся официальной программой. Мы изучаем все, что выдвигает жизнь, практика нашего колхоза. Скажем, механизатор. Он должен знать не только свои «железки», но и агротехнику, экономику, смыслить в хозрасчете.

Словом, учеба всегда носит научный, воспитательный и образовательный характер.

— Для нас научное ведение хозяйства — не теория, а близкая сегодняшняя практика.

Да. Это так. Скажем, такое дело, как зерновой двор. Теперь это уже целая фабрика. В горячую пору уборки здесь за юдин час очищается до восьмидесяти тонн зерна. Работают десятки электромоторов, норий, шнеков, сложных приборов и автоматов. Собственно, весь зерновой двор — автомат, подразделенный на несколько поточных линий, которые так и обозначены на специальных щитах: линия, номер такой-то. Для каждой пульт управления. Сюда уж не поставишь человека без инженерного образования. И в последнее время колхоз ежегодно нанимал двух инженеров из города. Всего же их тут требуется человека четыре. Но зато — никаких подсобных рабочих и подручных. Тут и считать не надо, чтобы выяснить, что колхозу выгоднее — держать четырех инженеров или, как прежде было, несколько десятков рабочих, в том числе и механизаторов. И, конечно же, эта «фабрика» не только убеждает колхозника в выгоды индустриальной постановки дела, но и укрепляет его веру в будущее колхоза, он начинает мыслить более государственно и масштабно.

А вот другой пример. Когда полностью механизиро-

вали коровники, доярки, возмущавшиеся до этого, что приходится работать вручную, вдруг начали ругать механизацию. Почему? Неужто и впрямь механизация хуже? Нет, конечно, просто психологически люди еще не были к этому подготовлены — душа не принимала, вот так, сразу. Конвейер. Совсем другой режим и реакция другая требуется. Да вдруг еще сломается что-нибудь. А все вон какое дорогое! Не сложное вроде дело — включить и выключить рубильник, присоединить к корове доильный аппарат, передвинуть нужный рычажок, а все-таки сразу не получается. Забудут что-нибудь, и глядь — поломка. Пустяк — лопату оставили на транспортной ленте, и она заклинила ленту в узком месте, оборвала, затор получился. И вот уже вопрос: куда какой инструмент ставить, как его использовать теперь? Потребовалась перестройка привычек, навыков, перестройка, так сказать, производственной психологии. Надо было и успокоить, и объяснить, и веру укрепить. А тут нужен подход отнюдь не административный.

Вообще тому, как и на что отвечают люди, Владимир Павлович придавал очень большое значение. Тут вопросы производства и экономики тесно связаны с подходом к людям, с воспитанием полноценной личности. Дороже человека нет никаких иных ценностей и, стало быть, относиться к оному требуется все более умно, толково, человечно, по-хозяйски. Инфаркты и рано истрепанные нервы на почве плохого руководства должны рассматриваться как преступление, как растрата самого дорогого достояния общества, то есть здоровья и работоспособности как физической, так и духовной. Мы называем себя коллективистами и, стало быть, не принадлежим только самим себе, мы принадлежим и всему обществу. С этой точки зрения как эгоизм лодыря и себялюбца, так и произвол «сильной личности», действующей, якобы, в

интересах общества, стоят где-то рядом и в одинаковой степени вредоносны.

За каждым человеком стоят десятилетия воспитания и обучения. Ему все лучшее отдали родители, школа, комсомол, институт или техникум, партия, Советская власть. Он обошелся очень дорого и самому себе, и обществу, и родителям, и если встал на ноги и начал трудиться, то первой заботой о нем должна быть такая забота, чтобы он прослужил в добром здравии и состоянии творчества как можно больше времени и как можно больше окупил себя, то есть принес пользы обществу, полнее проявил свои способности. В цитированной книге В. Н. Терещенко говорится: «...К сожалению, на человека часто смотрят иначе (чем на машины — Н. Ф.). А между тем, при неправильной организации труда он тоже быстро выходит из строя. Если люди систематически не едят вовремя, остаются без отдыха, не высыпаются и лишь работают день и ночь, то это, конечно, может дать большую отдачу на сегодня, завтра, месяц, а потом... все кончится инфарктом в 40 лет. Кто от этого выигрывает? Никто. А проигрывает все общество, ибо важнее не то, сколько сделает человек за месяц или несколько лет, а какова его отдача на благо всех людей за всю его жизнь...»

Если бы кому-то удалось посчитать убытки, наносимые обществу вследствие испорченного настроения, измотанных нервов, инфарктов и других сопутствующих недугов, на лечение которых тратятся миллионы, то многие, наверное, стали бы рассматривать человечность, чуткость и вежливость как главный источник благополучия. Когда мы говорили с Владимиром Павловичем на эту тему, то он не однажды подчеркнул, что очень важно подобрать и воспитать кадры, с которых бы действительно можно было брать пример.

Михаил Максимович умел не только говорить с людьми, он умел их растить. Колхозные кадры, в первую очередь специалисты, сформировались не сразу, они тщательно проверялись и подбирались. Председатель не держал специалиста, как бычка на веревочке, напротив, доверял все, что в иных местах могли только желать. Действуй! Действует человек и видно: где хорошо, где ошибки. А если он бездействует, не горит, не тлеет или развернуться ему негде, то как же его увидишь, поймешь и оценишь? Были в колхозе и равнодушные. Таких не держали.

Почти все теперешние специалисты колхоза подбирались еще в ту пору, когда они учились в институте и проходили в колхозе производственную практику. Конечно, им отчасти и повезло, ибо не везде была так крепка материальная база и не везде к специалисту подходили с такой меркой, как здесь. Даже очень хорошие специалисты в иных местах, случалось, оказывались как бы на привязи у какого-нибудь «хозяина», который все делал и решал «сам». Проходило много времени, прежде чем привязь эта рвалась, и тогда все убеждались, что человек и без поводка по правильной линии ходить может, да еще как! А время ушло, и отдача была не такой, какой могла быть, и ничем это уже не вернешь.

Умеют в колхозе учить не только на достижениях, но и на упущениях. Тут все дело в том, как учить.

Изучая своих колхозников, секретарь парткома сделал любопытные наблюдения. Абсолютное большинство стремится как бы к выравниванию своего социального положения.

Однажды почти каждому колхознику были заданы анкетные вопросы: вот есть, мол, у тебя хорошая квартира, есть бытовые механические приборы, мотоцикл и

зарплата неплохая, и дети успешно учатся. Что бы ты хотел еще? Оказалось, что одни хотели бы получить хорошее образование, больше узнать обо всем. Другие рассуждали так: а что хорошего, что много читаю и знаю? Раньше меньше знал, так спокойней жить было, а сейчас думаешь, думаешь. Третьи особенно не печалились: зачем, собственно, учиться. Все равно работать надо. Будешь работать, будут деньги и достаток. Чего еще? Вот на эти две последние категории и направлялось в первую очередь воспитательное воздействие.

Беспокоило секретаря парткома, что в Домах культуры нет по-настоящему квалифицированных работников. Средние культпросветучилища выпускают специалистов недостаточного уровня и опыта. Прежним требованиям они, возможно, и отвечали. Теперешним — нет. Теперь колхозник, особенно молодой — и сам в большинстве с образованием. Он много читает, слушает радио, к его услугам телевизор. Он знает себе цену и на всякую халтуру не пойдет, даже если приезжают московские артисты. Конечно, в Доме культуры можно организовать хор, танцы, провести вечер вопросов и ответов, вечер отдыха. Но все это давно уж не в диковинку. И вот очаги культуры частенько пустуют, несмотря на то, что это уже далеко не прежние очаги — в большинстве это лучшие здания сел, и обошлись они в десятки тысяч рублей.

Действительно, настоящих специалистов культурно-просветительной работы негусто, и трудятся они в основном по городам. Между тем, именно село требует специалистов широкого профиля, с хорошей подготовкой, знающих толк и в книге, и в музыке, и в живописи, любящих свое дело и умеющих приохотить к нему других. Это очень важно.

Конечно, в Домах культуры бывают не одни только танцы да кино. Выступают свои и приезжие лекторы, проводятся беседы, выступают знатные люди. Но и здесь есть свои проблемы. Лет двадцать—тридцать назад каждое такое выступление воспринималось с жадностью: сельские жители были еще не очень образованы и источниками информации не избалованы. Они тянулись к знаниям, хотели получить ответы на многочисленные вопросы. А вот теперь уже не всякий выступающий устраивает сельскую аудиторию. Он должен быть на голову выше своих слушателей — мастером своего дела.

Словом, еще и еще раз приходится отмечать, что вопрос о калорийной духовной пище на селе становится все более насущным, таким же, как хлеб. «Не хлебом единым жив человек». А зажиточный — тем более.

Потребностью в научном ведении хозяйства продиктовано и то обстоятельство, что в «Приамурье» уже несколько человек работают над диссертациями — главный агроном, главный инженер, заместитель председателя, инженер-строитель. Все это молодой еще народ, как, впрочем, и все специалисты в колхозе.

У главного инженера Валерия Петровича Худолеева, например, тема производственно-техническая. Он, пожалуй, самый молодой из «главных». Что-то в его внешнем облике сохраняется даже студенческое. Он испытывает и сравнивает различные машины, в частности, с колесным и гусеничным ходом. Разумеется, с учетом местных условий. Можно сделать вывод, что машины с колесным ходом долговечнее, у них лучше сохраняется шасси, полнее используются энергоресурсы. В перспективе — самоходное шасси, способное заменить несколько современных машин. Оно испытывается тоже под непосредственным наблюдением Худолеева. На заметку и разработку берутся слабые детали и узлы.

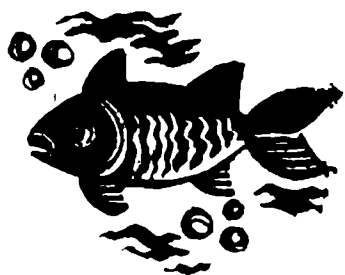
Разговоры о самоходных шасси идут уже давно, но широкого применения они пока не нашли, не все у них еще совершенно. Когда устранятся несовершенства, они будут с успехом заменять тракторы, комбайны, автомобили. На одном шасси может быть по желанию установлен либо молотильный аппарат и жатка, либо плуг и другая навесная техника. Прошли полевые работы — ставь кузов или прицеп и вози какие угодно грузы. Мотор работает круглый год, механизатор один и тот же, в едином лице — тракторист, комбайнер, шофер, и заработок у него не сезонный, а круглогодовой.

А взять теперешние комбайновые моторы. Работают они месяца два-три в году да и то урывками, когда погода, а остальные девять-десять месяцев стоят на приколе. В «Приамурье», где очень высока насыщенность техникой, многие комбайны работают и того меньше. Тысячи лошадиных сил стоят. Конечно, они свое дело делают: известно, что лучше больше машин пустить, да вовремя хлеб хорошо убрать, чем малым числом убирать долго и половину хлеба растерять. Такие потери обходятся дороже машин и зарплаты механизаторам. Ведь не случайно во время уборки через всю страну везут, порой, комбайны и комбайнеров, грузовики и шоферов. Но и то обстоятельство, что тысячи лошадиных сил три четверти времени в году простаивают из-за отсутствия разнообразной «упряжи», не может не тревожить рачительного хозяина. Да еще надо учесть, что техника развивается стремительно, машинный парк обновляется быстро. А «стоячие» моторы куда девать? Они ведь еще почти новенькие, хотя и старые. И нередко приходится их списывать, а это невыгодно. Худолеев в своей диссертации работает над тем, чтобы каждый мотор, каждая машина как можно полней и быстрее окупала себя.

Или взять такое дело. (Оно тоже связано с обновле-

нием техники.) Когда механизировали животноводство, то главному инженеру и его коллегам пришлось многое решать и делать по-своему, отступая от проектов. Централизованные проектировщики нередко отстают от запросов хозяйств, особенно крупных, способных поставить все производство на индустриальную основу. И, наверно, потому отстают, что нечасто навещают сами хозяйства, для которых делают проекты, или недостаточно глубоко изучают изменения, происходящие в сельском хозяйстве. Вот и приходится на местах то помещения перекраивать, то проектную механизацию переделывать. А не так-то просто — отступать от проектов, даже за счет собственных денег. Госбанк строго контролирует все сметы и проекты. И встает вопрос: почему бы с учетом всевозрастающих запросов сельского строительства, с учетом местных хозяйственных условий не поощрять проектирование на местах. В таком случае могло бы родиться немало новых прекрасных проектов. И тогда было бы из чего выбрать.

...Итак, принят новый устав колхозов с учетом новых задач и тех рубежей, на которые вышло наше сельское хозяйство. Смело можно говорить, что идет в селах бурный процесс индустриализации. Идет освоение наукой не только производства, но и управления людьми. Это и есть ответ на вопрос: «А что же дальше?» Тому свидетелем был я в упоминаемом здесь колхозе. А таких хозяйств в Приамурье уже много и будет больше.

Первенец каскада

Когда говорят о Зее, невольно употребляются эпитеты, которыми хотят подчеркнуть особенности человека со сложным характером. Она, Зея, во-первых, красавица. Родная. При всем притом коварная, свое-
нравная, ласковая, бурная, беспощадная... Всякая. На-
строение ее зависит не столько от времени года, сколько от того, что делается в ее верхо-
вьях. Стоит летняя ясная пого-
да. Жара, почти засуха. На полях не хватает влаги. А Зея вдруг начинает дурить. Гид-
рометеослужба бьет тревогу. Ожидается паводок. В верхо-

вьях от большого тепла затаяли горные снега и мерзлые мари. Да еще с Охотского побережья подвалили тучи и, застряв у Станового и других хребтов, исходят теперь ливневыми дождями. Иногда паводок поднимается до пяти, шести и даже восьми метров выше обычного, среднего уровня реки. Где-то уже затопило несколько деревень, сорвало и разбило плоты, исчезли под водой островные тальники, повалило телеграфные столбы, нарушилась связь. И, пока не поздно, прибрежные колхозы выводят с лугов скот, машины, технику. Тракторы брошены на вывозку заготовленного сена в места незатопляемые — на бугры и релки. Но бывает, что и отсюда вода его как языком слизывает.

Кто видел Зею во всей красе и мощи ее разливов, тот надолго запомнит грандиозное и жуткое зрелище буйства и разрушений. Несутся жерди и доски, собачьи будки и пчелиные ульи, крыши сараев с остатками сена, целые избы и бани, иногда с петухом или кошкой на коньке, разбитые плоты, вывороченные деревья, коряги, корыта, лодки, всякий мусор и хворост. Порой плывут целые острова. Где-то подняло и смыло торфяники, поверхности марей, оказавшиеся легче воды. И вот их несет вместе со всей флорой и мелкой фауной.

Организации, заготавливающие древесину, сначала запрещают кому попало ловить плывущий лес, надеются справиться сами. Потом разрешают ловить его колхозам по льготным ценам.

Потом вообще замолкают — пусть ловят все, кто может. Не пропадать же добру.

После спада воды широко окрест бывает, как в доме, где отгремело самое разнузданное пиршество. Все валяется не там, где было, все перевернуто, смято, разрушено. На лугах и полях появились промоины и песчаные наносы, гниют мусор и заиленные травы, пахнет об-

наженным озерным дном. Кое-где можно встретить трупы погибших животных.

Постепенно вода входит в берега, ил и песок парят и высыхают, запечатлев бесчисленные следы бегающей, летающей и ползающей живности. И вот та же самая река тихо плещется у берегов, млеет на солнышке, манит окунуться в ласковые, прогретые до дна воды. Там и тут тянутся мелкопесчаные косы с блестками слюды — белесые, золотистые, розоватые. Тихо, мирно, жарко. Будто и всегда так было.

Эвенкийское название реки, означающее лезвие, мало подходит к нижнему течению Зеи. Слишком уж тут широка она, много разливов и проток. Зато очень точно выражает суть реки в верхнем ее течении, выше города Зеи. Действительно, как лезвием разрезает она здесь многочисленные отроги предгорий Станового, Тукурингры, Соктахана и других хребтов. Сразу же у города Зеи чувствуешь бешеный норев реки. На обширной косе валяются громадные валуны — отшлифованные обломки скал, издали похожие на лежбище моржей. Валуны в большинстве своем темного цвета — какая-то очень крепкая горная порода. Иначе их давно бы раздробило.

Чем выше, тем стремительней течение, больше перекатов. Впрочем, и ниже их немало. Владимирский, Варнак, Чертова мельница, Шипка, Плевна, Поперечный, Желтоярковский, Чертов огород... Если в нижнем течении скорость до 1,2 метра в секунду, то в верховьях достигает она шести метров! Вся длина Зеи — более тысячи двухсот километров. Площадь водосбора — около двухсот сорока тысяч квадратных километров, то есть площадь, равная двум третям всей Амурской области (заметим, что площадь некоторых западноевропейских государств значительно меньше). Средний расход воды при устье — две тысячи триста кубометров в секунду.

Годовой сток — пятьдесят семь кубических километров. Летний расход превышает зимний в 230 раз.

Такова краткая характеристика реки, в среднем течении которой, чуть выше города Зеи, строится первая на Дальнем Востоке мощная гидроэлектростанция — Зейская. Створ гидроузла находится выше города Зеи и в 659 километрах от Благовещенска. Проектная мощность гидроэлектростанции — миллион двести девяносто тысяч киловатт.

Как и всякому большому строительству, здесь предшествовали длительные и обширные изыскательские работы. В апреле 1964 года непосредственно в Зейских Воротах, то есть в горловине, образованной отрогами Тукурингры и Соктахана, загремели первые взрывы. Тихий, старинный деревянный городок Зея, живший безмятежно и размеренно, встрепенулся, удивленно открыл глаза, прислушался. Началось. У самых Ворот в местечке, которое носило странное название Фаланга, стали обосновываться первые службы гидростроителей.

И прежде много было разговоров, но еще неясно было — строиться Зейской ГЭС или нет. Еще раньше по хребтам, от самого русла реки и до вершин, прошли геологи с буровыми станками, прощупали на должную глубину здешние горные недра. Были пробиты разведывательные штольни в глубь гор. Уже было чему удивляться. На громадную высоту, по очень крутым скальным склонам, на руках, лебедками, тракторами тащили рабочие буровые станки, двигатели, передвижные электростанции. В русле реки на морозе в полсотню градусов, где днем и ночью, как в трубе, воет ветер, постоянно работали гидрологи и те же геологи. Исследовали характер реки и дно ее почти на стометровую глубину. И вот наконец-то официально объявлено о строительстве. Организуется управление «Зеягэсстрой».

В Воротах продолжали преметь взрывы, а через городок и в обход его по воде подходила техника. Экскаваторы, бульдозеры, краны, компрессорные установки, скреперы, мощные самосвалы. По воде, на баржах были доставлены два энергопоезда — явление для этих мест уникальное. Надо было срубить специальную пристань и проложить рельсы, выполнить очень сложную техническую задачу перегрузки тяжеловесных агрегатов с воды на сушу. (Позже, тоже по воде, удалось доставить и выгрузить девяностотонный трансформатор для понизительной подстанции.)

Близ станции Тыгда на железной дороге началось строительство крупной перевалочной базы «Зеягэс-строая». (Сейчас это уже целый городок, который со временем расширится вдвое или больше.) Шоссе, связывающее Тыгду с Зеей, явно не отвечало требованиям тех коммуникаций, на которые обычно опирается большая стройка. Шоссе расширили, спрямили, усовершенствовали профиль, через реку Уркан, где прежде была паромная переправа, построили отличный железобетонный мост. Местный аэропорт, располагавшийся близ местечка Фаланга и живописно окруженный березами и соснами, пришлось перенести на другое место. Сейчас в Зею регулярно ходят самолеты «ИЛ-14» и реактивные самолеты «ЯК-40».

Город Зея за последнее время сильно изменился. Лет десять назад мне довелось прожить в нем полгода. В ту пору не было там ни одного кирпичного здания. Тихий, уютный, деревянный, даже несколько патриархальный, он еще сохранял черты бывшей таежно-приисковой резиденции. Многие старые, рубленные из звонкой, как металл, лиственницы дома и до сих пор стоят прежними порядками вдоль берега. Им уже много лет, они помнят времена Зейской пристани, возникшей еще в 1879

году. Эта пристань тогда была центром Верхне-Амурской золотопромышленной компании. Спустя четверть века она превратилась в городок, а в марте 1906 года пристань официально была наречена городом Зея.

Если разговориться со старожилами, они расскажут истории убийств, грабежей, насилия, интриг, козней, небывалого приискательского фарта, кутежей, каторжных работ и другого, чем «дирижировал» благородный металл — золото. Помнит город Зея японские карательные экспедиции и сопровождавший их комфорт, удивлявший таежный народ, — персональные грелки, саке, публичный дом с японками. Помнит Зея китайских хунхузов, проникавших с целью грабежа золота в самые отдаленные таежные углы. Уже после революции, во время переправы через реку Уркан, один из отрядов хунхузов, ограбивших прииск, был истреблен чекистами.

Позже приисковый быт и весь его колорит перенесены были непосредственно на прииски, и город Зея постепенно превратился в поселение заштатное, тихое. Здесь базировались потом различные экспедиции с их службами, леспромхоз, лесозавод и другие незначительные предприятия. Впрочем, каждому, кто приезжал сюда хотя бы ненадолго, город запоминался, как нечто своеобразное, очень самобытное. Город нравился. Нравился лесным своим характером. Прочные смолистые дома из сосны и лиственницы, громадные поленницы дров в каждом дворе (топят здесь в основном дровами). Ровные песчаные улицы, обсаженные тополями. В палисадниках много шиповника, встречаются елки, сосенки, бузина, черемуха. Вряд ли где-нибудь увидишь еще такой парк, как в Зее. Собственно, это уголок нетронутой тайги шириной в полкилометра и с километр длиной, раскинувшийся прямо на берегу. Тридцатиметровые стройные лиственницы, сосны, березы. Песчаные дорож-

ки, аллеи, павильоны, танцплощадка, стадион. Летом тут растут грибы и ягоды. Зимой это излюбленное место лыжников — снег здесь глубок и ровен.

За парком знаменитый зейский пляж — обширная галечная коса с громадными черными валунами, на которых можно загорать лежа, как на диване, а при случае и устроить пышное застолье.

Но самой отличительной чертой города до последнего времени было его население. Народ местный, отборный, крепко пустивший корни, живущий, как говорят, с открытой душой, почти наизусть знающий друг друга, доверчивый, гостеприимный. Словом, таежный, близкий природе и сам сохраняющий немалый запас первородства.

Когда началось строительство ГЭС, в городе появилось довольно разношерстное «воинство», даже милиции хлопот прибавилось. Но постепенно и тут произошел своеобразный отбор. Остались наиболее надежные, хотя «перелет» и теперь продолжается.

После моего первого знакомства с городом Зеей я побывал в нем, когда уже разворачивалась стройка. Сходил на Фалангу. В Зейских Воротах было еще тихо. На речной лед из горы, как из норы, было нагребено: то пробивали разведывательную штольню. Кое-где на склонах гор зияли не то шурфы, не то воронки. В городе уже чувствовались изрядные перемены. Он стал многолюдней, оживленней. Уже что-то типично городское и современное проступало в его чертах. Но поскольку коренное население все же преобладало, в общем-то характер города оставался прежним.

И вот я снова направляюсь в Зею. Летит «ИЛ-14». Внизу полупрозрачная зимняя тайга, горные хребты, витиеватые извивы рек и речушек, похожих на бесконечные белые ленты. Тайга, оттого что в ней больше ли-

ственничного, голого по-зимнему леса, кажется темно-бурой с черными пятнами. Это острова и куртины сосняков. По берегам щетинятся тальник и ольховник.

Самолет заходит со стороны реки и плавно приземляется на аэродроме. Это обширное плато, где совсем недавно стоял лес. По краям еще видны завалы — следы корчевки.

Со мной летела группа артистов Амурской филармонии. Им предстояло выступить перед гидростроителями с концертом в честь укладки первого кубометра бетона. Нас приняли специально посланные автобусы, и вот мы на стройке. Теперь каждому свое. Меня интересует прежде всего котлован, и я поспешно направляюсь в сторону Зейских Ворот.

То и дело обгоняют грохочущие самосвалы. Это их трасса, и бегать они не стесняются, только успевай отскакивать. Глазею по сторонам. Догадываюсь о наличии мощных ремонтных мастерских. Вон гаражи-стоянки для строительной техники. Вон похожее на крупный завод бетонообогащительное хозяйство. Из газет я знаю о нем. Еще и еще какие-то производственные корпуса. Домостроительный завод, база участка «Гидроспецстрой», база участка «Гидромонтаж», бетонный завод, лесоцех, центральная котельная, электроцех, сантехнические мастерские, компрессорная, база ОРСа, база конторы материально-технического снабжения со складами и площадками. Позже я видел понизительные подстанции, восьмикилометровый коллектор очистных сооружений первой очереди, фундамент строящейся телевещательной станции «Орбита».

Построены также замечательный клуб «Ровесник», детский комбинат, детские ясли, двухэтажная контора управления, три столовые, пять магазинов, средняя школа, учебный комбинат-техникум для гидростроителей,

восемь холостяцких и три семейных общежития. Новые дома, где живут гидростроители, я не считал. Достаточно сказать, что сейчас на строительстве работает более трех с половиной тысяч человек и все обеспечены жильем. С первых же дней на стройке был девиз: «Ни одной палатки!» То есть в первую очередь необходимо создать нормальные бытовые условия, ибо голый энтузиазм и голая романтика иногда обходятся очень дорого — люди теряют здоровье, работоспособность, то есть то, что ни за какие деньги не купишь. На пригорке, за бывшим аэропортом, возвышается с десяток пятиэтажных многоквартирных домов. В пяти или шести из них уже живут, остальные — в стадии отделки.

Сооружаются спортивный комплекс с закрытым плавательным бассейном, гостиница, хлебозавод, еще одно более крупное здание ремонтных мастерских, теплая стоянка для строительных машин и механизмов. Будут еще две школы — одна на 650 мест, вторая — на 1230, еще один детский комбинат, новое здание дирекции и многое другое.

Чем ближе к Зейским Воротам, тем сильнее ветер. Тут своеобразная аэродинамическая труба. Вверху долина значительно шире. У самых ворот она сильно сужается — до 700—800 метров, здесь идет сплошное русло — никаких берегов, сразу крутые горные склоны. Ниже, где стоит город, долина опять сильно расширяется. Сама природа создала горловину, через которую с севера рвутся пронизывающие ветры. Даже в сравнительно теплую зимнюю пору здесь одеваться надо потеплее.

Иду боком, подняв воротник и надвинув шапку. Остатнавливается попутный «газик», и какой-то добрый человек зовет в машину. Тут, говорит он, пешком много не походишь. Самая тяга.

Проезжая «тягу», успел заметить толстые трубы, тя-

нувшиеся вдоль дороги и взобравшиеся потом на самую гору. Это от компрессорной подается сжатый воздух в места, где идет выемка грунта.

Машина сначала полого, потом все круче стала опускаться под гору, то есть в котлован. Остановилась она на самом дне его. В котловане ветра почти не было, ибо шел он выше, над краями этого своеобразного полукратера. Мощная насыпь высотой около двадцати метров начинается от береговой скалы, доходит до половины русла, поворачивает вдоль реки и, пройдя так метров двести с лишком, загибается к тому же берегу. Внутри этой излучины и находится, собственно, котлован. Уже откачана вода, вынуто много грунта, и дно котлована теперь ниже дна реки, оттесненной к левобережью. Дно котлована — обнаженная, сухая серо-зеленоватая скала, которую бурят и потихоньку взрывают, чтобы подготовить место для укладки бетона. У верхней и нижней перемычек, огораживающих котлован, расположены мощные насосы, которые по мере надобности откачивают воду. В котловане было совсем сухо, но после одного из взрывов открылась «линза» с водой. Сейчас по дну к нижним насосам пробирается ручей, от которого вздымается пар, а бережки сильно заиндевели, как будто он и всегда тек вот так. Насосы и отводные трубы утеплены, да и то место, где завтра начнется укладка бетона, сейчас находится как бы внутри помещения — над ним сооружен специальный тепляк из деревянных щитов.

Я уже слышал, что укладка бетона будет вестись пока секционно. Секции эти напоминают что-то вроде «быков», на которых держатся перекрытия крупных мостов, только расположены они не в одну линию, а как бы в шахматном порядке. Бетон требуется наивысшего качества, и созреть, и схватиться он должен при плюсовой температуре. Поэтому и потребовались тепляки.

За минувшие пять лет строительства, которые можно считать подготовительным периодом, в различные сооружения уже уложено более 84 тысяч кубометров бетона. А всего в тело плотины будет уложено около двух с половиной миллионов кубометров гидротехнического бетона.

Будущая плотина Зейской ГЭС во многих отношениях — уникальное сооружение. Одна из особенностей ее заключается непосредственно в укладке бетона. Высота плотины — сто пятнадцать метров, длина — более семисот. Оба крыла плотины врезаются в горные скалы. По своему типу она — бетонная, массивная, контрфорсная. Подобное сооружение в столь суровых климатических условиях возводится впервые в мире. Правда, в Швеции есть плотина аналогичного типа, но высота ее всего сорок пять метров — почти втрое ниже. Ну, а климат тамошний, конечно, не идет ни в какое сравнение с нашим. Там он умеренный, безморозный, а у нас зимой бывает 45—50 градусов ниже нуля, летом же жара достигает 35 градусов. Потребуется специальная служба для обеспечения необходимого температурного режима, много приборов и автоматов. В морозы бетон придется греть, в жару — охлаждать.

Плотине предстоит сдерживать напор целого моря, которое разольется почти на триста километров на север и северо-восток. Общий объем водохранилища — около семидесяти кубических километров, то есть в нем свободно может уместиться весь годовой сток зейской воды. Полезный объем примерно вдвое меньше. Площадь зеркала моря — 2420 квадратных километров. Резервный объем водохранилища для борьбы с паводками — более шестнадцати кубических километров.

Ниже плотины у левого берега будет сооружено само здание ГЭС с шестью агрегатами. По последним

расчетам каждый из них будет обладать мощностью 215 тысяч киловатт.

Следует, однако, заметить, что на протяжении пяти минувших лет строительства многие проекты и расчеты не один раз пересматривались и «утраивались». Сначала решено было возвести насыпную плотину, а машинный зал вырубить в горной скале, то есть под горой. Потом решили строить бетонную плотину (массивную, контрфорсную), с открытым приплотинным зданием. Изменилась и сметная стоимость гидроузла. По последним подсчетам, в связи с изменениями цен на машины, запчасти и повышением зарплаты строителям, стоимость гидроузла возросла до семисот миллионов рублей. И возможно это еще не окончательный вариант.

Но для чего же строится ГЭС? Что она даст? Много. Очень много. Собственно, в значительной степени изменится не только лицо области, но и всего Дальнего Востока. Будут ликвидированы наводнения в долине Зеи и на Среднем Амуре. Известно, что Средний Амур страдает от наводнений не меньше, чем Зейская долина, ибо тут свои разрушительные набеги Амур совершает не в одиночку, а вкуче с водами бушующей Зеи. Электроснабжение Амурской области возрастет в несколько раз, часть энергии будет передана Хабаровскому краю. Улучшится судоходство в нижнем бьефе и будет создан глубоководный путь протяженностью в триста километров выше плотины, что, в свою очередь, позволит освоить богатейшие лесные массивы. Их пока нельзя использовать из-за отсутствия транспортных подходов и вследствие низкой сплавопропускной способности реки в этих местах. Когда сток зейской воды будет зарегулирован водохранилищем, колхозы и совхозы Амурской области и Среднего Амура будут иметь возможность использовать еще около полумиллиона гектаров прекрасной пой-

менной земли. И если мы сейчас называем Приамурье житницей Дальнего Востока, то после постройки электростанции это название будет еще более оправданным. Ведь для Дальнего Востока, где удобных для землепользования площадей не так уж много, еще полмиллиона гектаров имеют очень и очень большое значение. Знакомые агрономы говорили мне, что сейчас картофель приходится разбрасывать по всей области. Растит-то он растет повсеместно, да вот уборку механизировать не везде удастся. На тяжелых глинистых землях не идут картофелеуборочные комбайны. Отлично они работают лишь на пойменных, легких супесчаных землях. То есть речь идет как раз о тех площадях, которые можно будет использовать после зарегулирования стока зейских вод. Возможно, тогда некоторые хозяйства Амурской области будут специализироваться на картофеле. Значительно расширятся и посевы сои.

Ущерб, причиняемый наводнениями, нередко составлял несколько миллионов рублей. И если учесть, что наводнения будут ликвидированы полностью и навсегда, что доходы от сельскохозяйственного производства сильно возрастут и за счет более полного использования старых пойменных земель и особенно за счет освоения новых, что затраты по инженерной защите городов снизятся примерно на 12 миллионов рублей, то станет понятно, какой эффект даст Зейский гидроузел только от зарегулирования стока вод.

Но главный экономический эффект, разумеется, будет получен от зейской электроэнергии. Себестоимость ее будет едва ли не самой низкой в стране, и строительство гидроузла окупится очень скоро.

Завтра здесь, в котловане первой очереди, будет митинг. А пока тут не очень-то илюдно, почти пусто.

Основные подготовительные работы по укладке бетона идут где-то за пределами котлована.

По крутому откосу перемычки взбираюсь наверх. Отсюда ясно видно, что лед в русле Зеи выше, чем дно котлована. Река пока течет мирно — там, подо льдом. Высота ряжей, на которых я стою, наверно, будет с пятиэтажный дом. В сторону котлована — проезжая часть, крутой откос из камня, щебенки, песка. В сторону реки — отвесная деревянная стена. Это, собственно, и есть ряжевая перемычка, которая идет как раз посередине реки. А в голове ее что-то вроде бастиона — головной ряж. Он укреплен особенно. И перемычка тут шире, и мощный отводок в сторону русла, и железобетонные плиты у основания. Все это — так называемый оголовок. От правого берега до головного ряжа идет наполовину рубленая, наполовину насыпная перемычка. По ней и по такой же нижней перемычке самосвалы возили грунт и засыпали ряжи. Теперь все это — пологая дуга, огораживающая котлован.

Котлован первой очереди — это, по существу, то, ради чего сооружено столько подсобного! В том числе и сданных в эксплуатацию 34 845 квадратных метров жилплощади. Главное все-таки здесь. Вынуто и перевезено около десяти миллионов кубометров грунта и скальных пород. В ряжевую перемычку уложено 24 тысячи кубометров деревянного бруса. Откачана вода, углублено русло, подготовлен полигон для первого бетона. Инженеры говорят: «Вошли в русло». Через год-полтора планируется закончить укладку бетона до необходимой отметки, чтобы можно было взорвать перемычки выше и ниже котлована и пропустить Зею уже в бетонные ворота, то есть через котлован первой очереди. После этого начнется отсыпка перемычек от левого берега до этих самых ряжей, которые стоят посередине реки

и которые останутся нетронутыми после взрыва перемычек выше и ниже. Начнется сооружение котлована второй очереди.

Сейчас место стройки выглядит как-то еще неоформленно. Котлован, перемычки, ряжи. На дне котлована экскаватор, бурильные станки, автокраны, тепляки, трубы. Правая сторона Зейских Ворот, то есть горная скала, зияет выемками, бороздами, обнажениями. Вверх по склону серпантинном врезается дорога, вырублены какие-то площадки. На половине горы стоит экскаватор, еще ниже прилепилась будка. Там, на фоне обрушенной скалы, мечутся сполохи электросварки. Люди кажутся игрушечными. Глубокая борозда, а может, врезавшаяся в склон дорога и есть та отметка, куда поднимется стена плотины, то есть на высоту 115 метров — высоту сорокаэтажного небоскреба. Такая же отметка есть и на левом склоне горы. Там тоже побывали и бульдозеры, и экскаваторы.

А в русле Зеи по-прежнему возвышается небольшая буровая вышка. Тут по-прежнему бурят, щупают, исследуют воду. С высоты ряжей люди на льду, как и на горе, кажутся слишком маленькими. Даже не верится, что это они тут наворочали такое. На льду тоже есть будочка. Из трубы ее валит дымок, под прямым углом сгибаемый ветром.

Специалисты говорят, что зейское дно в этом месте хотя и очень крепкое — базальтовая скала, — но сильно щелеватое. А напор воды будет очень велик, и потому решено укрепить скалу на очень большую глубину, то есть пробурить в определенном порядке скважины и под высоким давлением закачать в них бетон. Щели заполнятся, скала превратится в монолит, воде будет поставлен заслон. Очень трудоемкая и дорогая эта работа. И не только вверх поднимется стена плотины, но как бы

и вниз опустится — примерно на глубину 70 метров.

Тело плотины будет не сплошным монолитом. Внутри него будут проходить своеобразные коридоры, галереи, отсеки. В них установят всевозможные приборы и автоматы, следящие за плотиной. Будут и такие автоматы, которые станут «докладывать» обстановку в глубине скалы, под плотиной, куда закачают бетон. Зейская вода — довольно вредная даже для бетона наивысшего качества. И время от времени, может, через десятки лет, придется подкачивать бетон, то есть обновлять.

А пока на очереди укладка первого бетона, котлован второй очереди, размещение двух с половиной миллионов кубометров гидротехнического бетона. Вот какая предстоит работа после того, как вошли в русло с одной стороны! С другой стороны — река, лед, нетронутость.

Вон из-за отрога показалась какая-то черная точка. Она движется вниз по реке. С высоты ряжей ее хорошо видно. Проходит несколько минут, точка превращается в возок сена, потом в воз. Тихо, мирно, как всегда, наверно, въезжает в Зейские Ворота воз сена. Видна заиндевелая лошадка, дышащая наром, мужичок в полушубке, перехваченном опояской, две собачки, сопровождающие хозяина по обеим сторонам дороги. Все это тоже сильно уменьшено высотой и расстоянием.

Вот так. Пока что и на лошадках тут ездят, сено и дровишки возят, и охотники проходят. А потом... Потом будет гигантская стена и море.

13 января 1970 года, в середине дня, в котловане состоялся митинг. Задолго до открытия его из города шли и ехали люди. Конечно, они не ожидали увидеть нечто необычное, ведь им все тут известно, на их глазах разворачивались почти все этапы стройки. И все-таки... Пусть это символический бетон, пусть всего лишь отметка на длинном пути строительства. Но такое слу-

чается не часто. «Вошли в русло». Посуху в него вошли.

Дно котлована и его перемычки на некоторое время превратились как бы в трибуны большого стадиона. В центре стояла «Колхида» с длинным прицепным кузовом, борта которого были обтянуты кумачом. Кузов этот и представлял собой импровизированную вместительную трибуну митинга. Невдалеке от трибуны на изготовке стоял экскаватор с длинной стрелой, под которой лежали две прицепные бадьи — туфельки для бетона. Съехалось много машин всякого рода. Люди тоже были разные. Молодые и пожилые, школьники и старцы. Были даже граждане дошкольного возраста. Всем посмотреть надо.

Через радиодинамики подается команда: «Приступить!» Руководить «ритуалом» поручено главному инженеру строительства В. В. Конько — человеку, весьма уважаемому на стройке, участнику строительства Асуанской плотины в Египте. Непосредственное исполнение работы предоставлено бригаде И. И. Евсеева. Сам Евсеев второй раз удостоен этой чести: доводилось ему укладывать первый кубометр бетона и на Братской ГЭС.

Самосвалы с кузовами, укрытыми брезентовыми пологами, привезли бетон. Наполняются бадьи, снимается верхний щит тепляка, и бетон идет.

Вот и все. А дальше уже обычная работа. Спешат самосвалы, подвозящие бетон, наполняются бадьи, опускаются новые и новые тонны гидротехнического бетона в основание плотины. Теперь работы будут вестись круглые сутки много дней, пока не заполнится вся секция. Бетон должен быть теплым и укладываться тоже должен при плюсовой температуре.

В эти дни газеты и радио сообщали и о первом бетоне, и о знатных людях стройки. Их много — очень

много прекрасных строителей. Просто невозможно всех упомянуть и выделить кого-то особенно, потому что усилия всех, а не отдельных людей привели к тому, что вот уже вошли в русло и уложили первый бетон.

Коллектив гидростроителей — бывалый, интересный народ, большая прослойка интеллигенции. Все это очень сильно сказалось на культурном уровне местного населения. Это влияние, разумеется, не измеришь ни процентами, ни тоннами. Это надо почувствовать, посмотрев теперешний город Зею и его горожан. Много на стройке специалистов из великого города Ленина. Все, кто побывал в Ленинграде, с уважением вспоминают прежде всего ленинградцев. Зейцы тоже очень ценят ленинградцев, принесших на эти берега очень многое.

Словом, зейские гидростроители не просто приехали усмирить Зею и зажечь потом электрический свет. Они уже сейчас зажигают свет в сердцах и душах здешних людей. Иные из них строят уже не первую ГЭС. Много кочевали, много видели и как бы аккумулировали все лучшее. Теперь они щедро делились всем этим здесь, на берегах Зеи.

Характерные черты большой современной стройки — это размах и темпы. Естественно поэтому, что быстро и неузнаваемо меняется и само лицо ее. К 13 октября 1972 года, когда наступил срок перекрытия реки, картина в Зейских Воротах была уже далеко не такой, как тогда, в пору укладки первого бетона. Весь котлован первой очереди оброс бетоном, обрел черты, которые наводят на мысль о свершениях грандиозных, остающихся на века. Со дна реки параллельно течению высоко поднялись бетонные стены, так называемой «гребенки», по коридорам которой бежала теперь, в сущности, уже покоренная Зея. Выше «гребенки», опираясь железными фермами на ее стены, лежал временный мост для само-

свалов и, широко расставив опоры, стояли могучие краны. И машины, и люди проходили уже на птичьей высоте над рекой, послушно бегущей по искусственному ложу. По обоим берегам во множестве стояли груженные, готовые к старту многотонные самосвалы. И у самого прорана, и поодаль, на ряжах, откосах, перемычках и на обоих каменистых склонах, изрезанных уступами заходов и заездов, густо стоял народ.

Сиял и синел по-амурски погожий осенний день. В проране и в новом русле ревела река, неумолчно рокотали грузовики и бульдозеры. Вдруг наступило минутное затишье, но опять все враз загудело, зашевелилось, сдвинулось и установился единый грозный гул, как при большом танковом сражении. Началось...

А через три часа я в числе других прохаживался по верхней перемычке, котлована второй очереди. Зея была полностью перекрыта...

СОДЕРЖАНИЕ

5	ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
20	АЛБАЗИН И АЛБАЗИНЦЫ
40	ПУТЕШЕСТВИЕ К «ПИСАНОМУ КАМНЮ»
91	ПРЕДСЕДАТЕЛЬСКИЙ ХЛЕБ
136	ЖИЗНЬ КАК ВЕСНА
201	В СТЕПИ ЗА ЗЕЕЙ
221	ПЕРВЕНЕЦ КАСКАДА

Николай Иванович Фотьев

ЗЕМЛЯ, НА КОТОРОЙ СТОЮ

Хабаровское книжное издательство, г Хабаровск, ул. Серышева, 31. Редактор Л. С. О в е ч к и н а, художественный редактор П. К. П у с т о в о й, технический редактор В. В. Б о ч к а р е в а. Сдано в производство 16/III-73 г. Подписано к печати 23/IV-73 г. Бумага 70×108/32, типографская № 3. Бум. л. 3,75, печ. л. 7,5, усл. печ. л. 10,5, уч.-изд. л. 10,23, авт. л. 9,86. Тираж 10 000. ВЕ00516. Заказ № 1794. Цена 30 коп.

Книга набрана и отпечатана в типографии № 1 Амурского областного управления издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Благовещенск, ул. Калинина, 10.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
13	2 св.	мы	вы
29'	8—7 сн.	землепроходцам	землепроходцев
45	18 св.	порекал	порскал
66	18 св.	посторонних.	посторонних».
135	2 св.	хозяйство	хозяйство: оно стро- ит без ссуд.

Н. Фотьев. Земля, на которой стою. 10 000 экз.

30 коп.

